

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА. Судоверфь в Гданьске.
Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: На Золотом пляже Анапы.
Фото Г. Самсонова.

На последней странице обложки: У города Пржевальска в Киргизии.
Фото М. Савина.

Copyrighted material

Наступила пора уборки урожая. Массовую жатву колосовых начали на Ставрополье, Кубани, Дону.

В станице Усть-Лабинской, Краснодарского края, началась сдача зерна нового урожая на элеваторы.

Фото К. Федорова.

Закончились традиционные соревнования в Уимблдоне (пригород Лондона) теннисистов-юношей. Первое место занял советский школьник из г. Таллина Томас Лейус.

Турнир в Уимблдоне считается неофициальным первенством мира.

На снимке: Т. Лейус на корте Уимблдона.

Находящийся на отдыхе в Советском Союзе президент Демократической Республики Вьетнам товарищ Хо Ши Мин нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 29 (1674)

12 ИЮЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва — Свердловск — Сталинград — Сочи — Ялта...

Всюду радушно принимают советские люди высокого гостя — императора Эфиопии Хайле Селассие I. Наша страна, связанная с Эфиопией традиционными узами дружбы, хочет, чтобы добрые отношения с Эфиопией продолжали крепнуть и развиваться.

На снимке: император Эфиопии Хайле Селассие I и сопровождающие его лица на Центральной набережной Сталинграда.

Фото В. Кошевого.

Американцы знакомятся с советской выставкой

Андрей НОВИКОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Нью-Йорк еще не пришел в себя от восторга, вызванного гастролями советского балета,— и вот в небе над Манхэттеном появился «ТУ-114». Он приземлился, поразив американцев своей мощной красотой, полетом без посадки, малым количеством времени, которое потребовалось, чтобы сделать гигантский прыжок из Москвы в Нью-Йорк.

Нью-Йорк — город, полный всевозможных шумов. Скрип автомобильных тормозов, шорох покрышек, сирены пожарных и полицейских машин — все это словно повисло в ущельях каменных улиц. Жители города сжились с шумом, привыкли к торопливому ритму уличной жизни. Но в этот ритм порой врывается какая-нибудь сенсация.

Сегодня в центре внимания прилет в Америку первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлова, открытие советской выставки.

— Вы русские?.. Как достать билет?.. Все говорят, что не побывать на вашей выставке — это потерять очень много,— обратилась к нам на Бродвее незнакомая женщина.

— Я слыхала, что билет достать совершенно невозможно,— вторит ее спутница.

И вот распахнулись двери выставки.

— Великолепно! — слышится

Посетивший выставку Президент США Д. Эйзенхауэр представляет Ф. Р. Козлову своего сына Джона.

РАСПАХНУЛИСЬ ДВЕРИ В НОВЫЙ МИР

там, где экспонированы советские станки.

— Никогда бы не поверил, что они сами это делают! — восклицает кто-то в отделе радиоэлектроники.

— А мы-то считали, что нас тут не превзойти! — удивленно обмениваются мнениями ньюйоркцы в разделе медицины.

Люди вскакивают на вращающиеся стенды с автомобилями. Они садятся на сиденья, разглядывают приборы управления, колеса, стекла.

Буквально все трогают руками. Если есть где-либо какая-нибудь ручка или кнопочка, посетитель обязательно нажмет ее, приведет в действие ту или иную модель, действующий экспонат.

И пока фермер сидит за штурвалом нашего самоходного комбайна, пианистка садится за рояль «Эстония» и берет несколько аккордов. Ей словно не хочется расставаться с прекрасным инструментом, и она осторожно поглаживает блестящую черную поверхность, все не решаясь уйти.

Каждый раздел, разумеется, привлекает «своего» посетителя. Но это не значит, что седовласый ученый, проведя много времени в разделе науки, не идет потом смотреть наших деревянных матрешек, живопись древних русских иконописцев и картины Сарьяна или Дейнеки.

Посетители одинаково восхищаются моделью атомного ледокола и приборами, сделанными руками питомцев ремесленных училищ. Телевизоры и приемники, сложнейшие машины и маленькие часики — все привлекает их интерес. Привлекает прежде всего потому, что это советское, из той страны, о которой американская печать рассказывала им столько злобных небылиц.

Выставка предметно убеждает, что советская держава все делает для мирных целей, для блага людей, для облегчения труда. Вы листаете книгу записей и видите многочисленные свидетельства того, что простой американец полностью согласен с нашей советской идеей мирного соревнования в труде и творчестве вместо соревнования в производстве средств разрушения.

Осмотр обычно начинают со спутников.

Copyrighted material

Все хочется потрогать руками

На выставке можно заглянуть в тайны микрокосмоса с помощью электронного микроскопа.

У макета аэродрома.

— Это очень интересно!..

Ф. Р. Козлов беседует с вице-президентом США Р. Никсоном и его дочерью.

В одном из залов выставки.

СТРОИТЕЛЬСТВО АМЕРИКАНСКОЙ ВЫСТАВКИ В МОСКВЕ

25 июля в Москве открывается американская национальная выставка. Она разместится на территории парка «Сокольники». На строительстве выставки вместе с американскими архитекторами и инженерами трудятся советские инженеры и рабочие. Строительство выставки завершается.

Фото Е. Умнова.

Copyrighted material

Юные венцы читают газету «Фестиваль», выпускаемую Подготовительным комитетом.
Фото О. Горовица.

ВСТРЕТИМСЯ в Вене

Бруно ФРЕЙ,
австрийский журналист

Венцы — народ, охочий до зрелищ. С тех пор, как стало известно из плакатов и газет, что во время фестиваля молодежи ежедневно будет около сотни красочных представлений, началась массовая погоня за билетами. А ведь билеты еще не отпечатаны! На торжественном открытии VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов на венском стадионе будут присутствовать 60 тысяч человек. Большинство крупных залов Вены уже снято под спектакли и концерты. А сколько шествий, карнавалов и концертов будет проходить на свежем воздухе!

В недавно построенном здании городского концертного зала, где могут разместиться 12 тысяч зрителей, засверкают «балы молодости». Симфонические и джазовые молодежные оркестры десятков стран покажут там свое искусство. В Вену приедет около трех с половиной тысяч молодых певцов, танцоров, музыкантов из 46 стран. В том же зале зрители будут любоваться международным соревнованием цирков и международным показом мод. «Дружба и мир!» — уже ставший традиционным лозунг молодежных фестивалей и на этот раз отразит твердую веру молодежи в свое будущее.

Вена ждет фестиваля и готовится к нему. Но есть и темные силы, которые пытаются противиться этому празднику молодежи мира. Недавно в Вене враги солидарности молодых собрали небольшую группу журналистов и всячески распинались перед ними, черня и обливая грязью фестиваль и его устроителей.

Чем ближе день открытия фестиваля — 26 июля,— тем уже становится база его недругов, все более слабое эхо вызывает их зловещее карканье в широких кругах австрийской общественности. А когда стало известно, что в Вену приедут посланцы молодежи 120 стран — верующие христиане и коммунисты, рабочие и студенты, белые и цветные, «западные» и «восточные»,— провокаторы и вовсе оказались у разбитого корыта. Ядро ненавистников фестиваля — католическая молодежная организация, носящая наименование «Юная жизнь». Погонщиками этих оголтелых юнцов, главным образом студентов, являются католические священники.

Печать сообщала, что некие «денежные» люди создали в Швейцарии целое бюро, где подготовлялось несколько сот молодчиков, на которых возлагается неблагодарная задача расхваливать перед участниками фестиваля «прелести» капитализма. Но молодежь, которая соберется в Вене, не станет слушать этих дрессированных проповедников капиталистического рая. Она продемонстрирует и в Вене то, что демонстрировала на прежних фестивалях: твердую волю к миру, гневное осуждение поджигателей войны.

Провокаторы, мечтающие о срыве фестиваля, не очень разборчивы в средствах. Члены Австрийского подготовительного комитета получали угрожающие письма. Но эти письма скорее говорят о неуверенности и трусости их авторов. Они выпустили даже фальшивую газету, внешне похожую на газету Подготовительного комитета фестиваля. Но сеятелям розни и ненависти не удастся обмануть молодежь! Им не удастся убедить студентов из Ирака и Бразилии, японских танцоров или молодых китайских акробатов, что атомная бомба — это наиболее удобный способ общения между людьми.

Организаторы фестиваля решили поставить в центр молодежных соревнований музыку. Вена издавна столица музыки, ее здания и памятники напоминают о гении Моцарта и Бетховена, о музыке Иоганна Штрауса. Вена наилучшим образом приспособлена к тому, чтобы стать ареной красочного соревнования музыкантов. Подготовительный комитет устроил открытое заседание музыкального жюри фестиваля. За столом сидел председатель Союза австрийских композиторов профессор Иозеф Маркс, рядом с ним — советский композитор Арам Хачатурян, их окружали молодые энтузиасты из Подготовительного комитета — французы, индонезийцы, аргентинцы, немцы, сингалезы. Среди других произведений была премирована кантата «От берегов реки счастья», автором которой является молодой китайский музыкант. Премии присуждены авторам ряда песен, и каждая из них воздает хвалу дружбе и миру. Так на вечном языке музыки будет звучать в Вене призыв к братству между молодежью всех стран и народов.

На фестивале придется дать приют 17 тысячам молодых гостей всех стран мира. Задача осложняется тем, что фестиваль впервые происходит в стране, где господствуют законы капиталистического рынка. И хотя правительство нейтральной Австрии разрешило фестиваль и идет навстречу его организаторам, все-таки Подготовительный комитет может рассчитывать лишь на собственные силы и средства.

В разных местах Вены царит лихорадочная деятельность. Жилища, места для питания и отдыха гостей строят сами молодые — юноши и девушки всех цветов кожи; здесь можно услышать все языки. Вагонами поступают матрацы. В разных концах Вены разбиваются 4 палаточных городка. В палаточном городе спортсменов, в южной части Венского леса, возвышается большой купол цирка, а вокруг него — пять круглых разноцветных шатров; если посмотреть на это сверху, то увидишь пятилистный цветок — символ фестиваля.

Делегации из Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии приедут в Вену на пароходах по Дунаю; молодежная флотилия бросит якоря в зимней гавани. Советских гостей разместят во многих общежитиях, точно так же будет распределена и австрийская делегация: ей ведь предстоит выполнять обязанности хозяев.

Вена, лежащая у края Венского леса, с ее дворцами в стиле барокко и зданиями новейшего типа, с ее концертными залами, парками и стальными мостами через Дунай,— эта Вена явится великолепным фоном для встречи миролюбивой молодежи нашего времени, для фестиваля юности.

Новое здание, где будут проходить концерты фестиваля.
Фото Бюро прессы города Вены.

Copyrighted material

Манолис Глезос говорит:

— Мы не перестанем выполнять наш долг перед родиной и народом, каких бы жертв это ни стоило.

СЫН ЭЛЛАДЫ

(Из поэмы)

Петрос **АНТЕОС**

Далеко-далеко от меня
у ночного окошка немого
ждет тебя твоя мама, Манолис.
Она поседела немного,
и немного ссутулилась, правда,
и вся в черном, как скорбная наша Эллада,
но она тебя ждет, Манолис!

Ждет тебя, как когда-то
в ту майскую ночь в Афинах,
когда злобно фашисты
палили в афинское небо.
Ей казалось, что пули
все до одной предназначены сыну.
А сына все не было...

Разве может быть мать спокойной,
если сын ее смотрит
смерти в глаза?
Было зябко, она не могла согреться,
и минуты,
как тяжкие камни, как годы...

До зари у окна,
чтобы вместе увидеть воочью,
что Эллада жива,
не угас еще мраморный свет Парфенона,
что сияет Акрополь
под греческим небом бездонным,
наш Акрополь,
воскресший для нас этой ночью.
Выше голову, греки,
и благословите ту руку,
что вернула вам мужество!

Далеко-далеко от меня
у ночного окошка немого
ждет тебя твоя мама, Манолис.
Она поседела немного,
и немного ссутулилась, правда,
и вся в черном,
как скорбная наша Эллада,
но она тебя ждет, Манолис.
И вернешься ты к ней, как когда-то
в ту майскую полночь в Афинах!

Перевел с греческого
Александр **ЯНОВ.**

Человек великой любви

Назым **ХИКМЕТ**

Любит он
светлое, как Акрополь,
греческое море,
все холодные
и все теплые
моря и заливы земли,
оливковые деревья,
высокие, как боги,
любит молодые,
старые —
все оливы земли.

Любит он греческий язык,
тот самый, на котором
говорят,
точно песни поют,
и все языки земли,
и руки греческих рыбаков,
и все честные,
умные руки,
любит жить,
точно ветер,
разгоняющий в небе
стаю облаков.

Он всегда был человеком любви великой,
и за это
его хотят убить
у стены
пред рассветом,
при свете прожекторов,
точно так,
как убили брата его —
человека с белой гвоздикой.

Люди!
Всё ли мы сделали,
подумайте,—
всё ли?
Люди,
есть еще время
спасти его от пули!
Люди,
мы еще силы
не исчерпали!
Не должен
при свете прожекторов,
окровавленный,
пасть на землю
Манолис!

Перевела с турецкого
М. ПАВЛОВА.

ТРИ ПРИЗА ИМЕНИ ДВУХ БРАТЬЕВ

Братья Серафим и Георгий Знаменские были известны своими успехами в беге на средние и длинные дистанции. Вот почему на международных соревнованиях, посвященных их памяти, установлены особые призы для победителей на 1 500, 5 тысяч и 10 тысяч метров. Соревнования состоялись 4 и 5 июля на стадионе имени Ленина в Москве...

Когда бегуны на 5 тысяч метров выстроились на старте,, многие зрители невольно стали искать среди них коренастую и вместе с тем легкую фигуру Владимира Куца. Но хоть Куца и не оказалось среди участников, он как бы незримо присутствовал на дорожке: бег развивался в его стиле. Лидеры пытались делать один внезапный рывок за другим, менялись тактические приемы.

Бег повели прямой наследник Куца П. Болотников и представитель молодого поколения А. Артынюк. Но вслед за ними вплотную держался спортсмен Германской Демократической Республики Г. Гродотцки — один из лучших стайеров нынешнего сезона.

Три бегуна рвались вперед, и был момент, когда они шли рядом, не в силах оторваться друг от друга, но вот Болотников ускорил темп и показал лучший результат — 14 минут 00,2 секунды.

Когда прозвучали фанфары и три призера — Болотников, Артынюк и Гродотцки — поднялись на трибуну почета, мы все же увидели Владимира Куца. Он вручил приз братьев Знаменских Петру Болотникову.

Если первый приз остался в Москве, то второй пришлось провожать в Будапешт. Бег на 1 500 метров выиграл давний соперник Куца Шандор Ихарош. Советские «средневики» потерпели очередную неудачу.

Серьезным претендентом на третий приз в беге на 10 тысяч метров был другой венгерский спортсмен, Иожеф Ковач. Он вплотную держался за лидерами бега Лембитом Виркусом, Евгением Жуковым, Алексеем Десятчиковым. Вплоть до последнего, 25-го круга шла столь напряженная борьба, какой уже давно не приходилось наблюдать на этой дистанции. Надо сказать, что героями этого волнующего зрелища стали два эстонских бегуна: Лембит Виркус, возглавивший бег на первых кругах, и Хуберт Пярнакиви, герой последнего круга. Именно ему-то и удалось сперва подхватить решающий рывок Ковача, а затем и превысить его. Он финишировал, показав лучшее в этом сезоне время: 29 минут 25 секунд.

Такова судьба трех главных призов. Но и на других дистанциях борьба была очень напряженной. Как гости, так и наши спортсмены сумели добиться многих почетных побед.

Особенно хочется отметить успехи прыгунов. Игорь Кашкаров, преодолев высоту 2 метра 12 сантиметров, попытался установить новый мировой рекорд, но 2 метра 17 сантиметров взять не смог. Иоланда Балаш (Румыния) заняла первое место с очень высоким результатом — 1 метр 80 сантиметров.

Интересно прошли соревнования и по другим видам легкой атлетики.

Я. КОНСТАНТИНОВ

→

Финиш бега на 10 тысяч метров. Первым заканчивает дистанцию Х. Пярнакиви. За ним И. Ковач.

Фото Б. Светланова.

Интервью «Огонька»

ПОТЕКУТ СЕРЕБРИСТЫЕ

Л. Н. БОБКОВ,
заместитель начальника отдела цветной металлургии Госплана РСФСР

— Ходят слухи, что якобы существует дом из серебра. Так ли это?

— А вы не видели его? Он, правда, еще не готов, а только строится на одной из подмосковных станций. Возведены его матово поблескивающие белым металлом стены, и сделаны перекрытия. Подготовлены из этого же необычного материала серебристые оконные рамы и дверные переплеты, арматура и радиаторы. И крыша — крыша тоже будет из серебра. Только ее покроют, вероятно, красной эмалью, под черепицу. Все, все в этом доме станет серебряным, за исключением паркета и лестниц. «Что за чудачество? — может возмутиться читатель. — Уж не уподобились ли строители Анне Иоанновне?»

Да, царствовала некогда на Руси такая императрица. Недолго правила, но наблажила за десять лет на тысячелетие. По ее приказу ведь был выстроен дворец изо льда...

Всякие дома бывают: из дерева, камня, камышита, шлакобетонных плит. Появляются даже наполовину из пластмасс. Но дом из серебра? Это уж слишком!

И тут я раскрою обман. Точнее, обман зрения. Дом этот действительно выглядит совсем серебряным, точно волшебный замок из какой-либо сказки. Но то не настоящее серебро, а его двойник — «серебро из глины», как назвали в свое время алюминий.

Не удивляйтесь. Алюминий не такой уж новый материал в строительной технике. В высотном здании на Смоленской площади в Москве все оконные рамы (а строился этот дом десять лет назад) сделаны из алюминия. Разве можно сравнить этот металл с деревом? Он не коробится, не гнется, не трескается. Характерно, что даже при современной относительно высокой стоимости алюминия оконный переплет среднего размера обойдется дешевле деревянного. Кроме того, применяя конструкции из алюминиевых сплавов, можно в большей степени индустриализировать работы.

А какую кровлю — легкую и прочную — можно сделать с помощью алюминиевой фольги! Для этого надо фольгу наклеить с помощью битума на бумагу — и листы кровли готовы. Выполняются из такой фольги и прокладки для стен,— они становятся непродуваемыми. А если изготовить из фольги пустотелую глухую кассету и заложить ее в крупный блок, то блок будет очень легким и прекрасно сохраняющим тепло, так как воздушная прослойка — лучший теплоизолятор.

Особенно удобен алюминий для сооружения промышленных зданий. Он идет на стены и крыши легких складов и мастерских в сельском хозяйстве, на купольные конструкции крупных концертных залов, стадионов, ресторанов, железнодорожных депо.

А мосты? Различного назначения и разных конструкций, легкие и серебристые, они существуют в разных странах: Англии, Швеции, Канаде, Германии... Недавно построили большой мост из алюминиевых сплавов в Венгрии. Причем эти мосты весят иногда на сорок — пятьдесят процентов меньше аналогичных стальных.

Но не только огромные инженерные конструкции, многие из которых были представлены на выставке в Брюсселе, не только мосты и современные дома можно возводить из алюминия. Я имею в виду авиацию, в которую алюминий проник прежде всего. Металл, который в три раза легче железа, податлив в обработке, легко сваривается и достаточно жаростоек, а при добавлении некоторых примесей приобретает и нужную твердость, — что еще нужно авиаконструктору?

Вслед за авиастроителями крылатым металлом заинтересовались создатели сухопутных машин. В этом отношении красноречива американская статистика. По ее данным, из всего количества алюминия, идущего на транспорт, 60 процентов расходуется на автомобилестроение, 30 процентов — на авиастроение и 10 процентов — на железнодорожный и водный транспорт.

— Что же может дать использование алюминиевого литья в автомобилестроении?

Вот некоторые цифры. Сравните их: алюминиевый блок цилиндров автомашины «ЗИЛ-150» весит только 36 килограммов, чугунный — в 5 раз больше; тормозные колодки той же автомашины из алюминиевого сплава весят 20 килограммов, а чугунные — в 3 раза больше. А меньше весит автомобиль — меньше расходуется горючего, дольше служат шины, увеличивается грузоподъемность. Каждая «пятитонка», например, сможет перевозить семь тонн. Кроме того, применение алюминия резко снизит трудоемкость изготовления самого автомобиля. К сожалению, здесь пока мы далеко не ушли. У нас в этом направлении делается еще очень мало.

Зарубежная практика говорит о широком использовании алюминия в самой различной форме.

Перечислить все невозможно. Давайте пока ограничимся транспортом. В Венгрии построен «Серебристый дизель». Так назвали венгры пассажирский поезд, сделанный из алюминиевых сплавов. В нем не только металлические вагоны, но двигатель, сам дизель, сделан из легких металлов. Если мы все вагоны заменим постепенно алюминиевыми, то увеличим пропускную способность железных дорог почти вдвое без строительства дополнительных путей на перегруженных магистралях! Алюминий пригоден, как говорится, «на земле, в небесах и на море».

А что бы вы сказали, например, о платье из алюминия? Да, да, о платье! Именно из алюминия (не из золота, не из серебра!) изготавливается разноцветная парча и парчовые нитки для тончайших сари, которые носят индийские женщины. Секрет тут в необыкновенной податливости этого благодарнейшего в обработке материала. Он хорошо прокатывается, из него можно делать тончайшую фольгу. Фольга легко красится в любой цвет, покрывается с двух сторон тонкой пленкой пластмассы и затем режется специальными машинами на узкие полосы — нити. Из них и ткется материя, нарядная, радужная.

Во многих странах из алюминия делают легкие и поистине вечные чемоданы, мебель, холодильники, пищевую тару, медицинский инструментарий, бумажные мешки с прокладкой из фольги для перевозки сахара, муки, соли и цемента и даже обои.

Особое место должен занять алюминий в энергетическом машиностроении — при изготовлении электрических машин и трансформаторов...

— «Может быть использован»... «Может сэкономить»... «Должен заменить»... Почему, рассказывая

От браслета до автобуса

Имре КОКАИ, Тибор ФАРКАШ, венгерские журналисты

У витрины одного из будапештских магазинов девушка разглядывает украшения. Недолго поколебавшись, она направляется к двери и входит в магазин подарков.

— Покажите, пожалуйста, браслет,— просит она и тут же быстро добавляет: — Не золотой, а тот, что сделан из алюминия.

Браслет из алюминия? Да! Венгерская металлообрабатывающая промышленность производит сейчас множество товаров — от женских украшений до речных трамваев — из «белого золота» — алюминия.

Мы расскажем читателям «Огонька» в фотографиях о том, что у нас в настоящее время производят из алюминия.

Айкский алюминиевый завод. Из печи вынимают алюминиевые блоки, которые потом превратятся в трамваи, пароходы, автобусы, ожерелья.

На складе Ясбереньского завода ждет отправки алюминиевая посуда, отполированная новым, химическим способом.

РЕКИ

о чудесных свойствах этого замечательного металла, вы ведете беседу в предположительной и перспективной форме? Ведь алюминий известен давно — сто с лишним лет. И у человека несведущего может возникнуть логический вопрос: почему же он так мало применяется у нас в машиностроении и еще меньше в быту? Возможно, невелики наши сырьевые ресурсы?

— Вопрос справедливый. Вместо ответа следует посоветовать каждому: посмотрите вокруг себя, может быть, вы только что шли по скользкой от дождя глинистой тропке? Так вот в этой самой глине есть алюминий.

Бывая в горах, вы любовались красивым рисунком диких скал, сложенных из гранита, базальта, порфира, гнейсов. В них тоже есть алюминий. Недаром ученые называют земную кору «сиаль» — по сочетанию первых слогов латинских названий кремния — «силициум» — и алюминия — «алюминиум». В «сиале» по весу десять процентов алюминия. Значит, по распространению в земной коре алюминий стоит на третьем месте среди всех элементов. А из металлов — даже на первом. В земле его больше, чем железа. Вот как много алюминия содержит наша земля!

Однако в чистом виде алюминий как металл в природе не встречается никогда и нигде. Он неразлучен с кислородом. Такое его природное соединение — глинозем — принимает самые разнообразные формы. Это может быть и кроваво-алый рубин, и густо-синий сапфир, и непрозрачные бурые, серые, блеклые кристаллы корунда. Но, конечно же, не из этих драгоценных самоцветов и камней, уступающих по своей твердости лишь алмазу, добывают алюминий. И не из глины, где его сравнительно мало. Для этого есть более дешевое, доступное и выгодное сырье — различные минералы: бокситы, нефелины, алуниты. В боксите содержится очень много, до пятидесяти — семидесяти процентов окиси алюминия. И у нас немало богатых месторождений этих минералов. Что касается сырья, то мы стоим на одном из первых мест в мире...

— Так в чем же дело?

— Беда вся была в том, что производство алюминия очень энергоемко. На получение одной его тонны надо затратить около 20 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Двадцать тысяч киловатт-часов! Это равнозначно потреблению энергии средним городом. Вот почему сто лет назад фунт алюминия — 400 граммов — стоил 40 рублей золотом. В условиях царской России, с ее отсталой техникой и энергетикой, нечего было и думать о сколько-нибудь серьезном развитии алюминиевой промышленности. Ведь она родилась и была создана у нас только при Советской власти.

Высоко оценивал чудесные свойства этого металла Владимир Ильич Ленин. Еще тогда, в трудные первые годы молодой Советской державы, он много думал об алюминии. В 1923 году был создан Алюминиевый комитет, возглавивший работы по организации производства советского алюминия. Ведь не случайно Волховская ГЭС, первенец ленинского плана ГОЭЛРО, дала ток первому советскому алюминиевому заводу. А в 1933 году заработал на базе Днепровской ГЭС второй советский алюминиевый завод.

— Да, но теперь у нас мощные источники электрической энергии и особенно гидроэнергии. Значит, есть другие причины, тормозящие внедрение алюминия в народное хозяйство?

— Совершенно верно. И надо прямо сказать, что значительная доля вины в этом ложится на наши проектные и конструкторские организации. В Академии архитектуры и строительства до самого последнего времени не занимались алюминием. И только совсем недавно эти темы включены в план их работ. Мало уделяют этому внимания автомобиле- и судостроители, инженеры пищевого и торгового оборудования, создатели электрических машин. А заниматься алюминием надо очень активно. Алюминий мы будем получать в огромных количествах. Только за эту семилетку производство его возрастет примерно в 2,8 раза. Соответственно снизится и его стоимость.

— В годы первых пятилеток производство алюминия концентрировалось в основном в европейской части страны: Хибины, Тихвин, Украина, Урал. А какой будет география алюминиевой промышленности в будущем?

— Ее главные базы передвигаются на Восток. Исключительно благоприятные условия создаются в Красноярском крае. Здесь имеются колоссальные запасы нефелиновых руд, комплексная переработка которых дает возможность организовать в больших масштабах производство дешевого глинозема, высококачественного цемента, соды и поташа. Технология переработки нефелинов создана нашими советскими специалистами и успешно была освоена Волховским алюминиевым заводом. Районы строительства алюминиевых заводов богаты запасами дешевых энергетических углей, выходящих на поверхность земли, огромными гидроресурсами рек Енисея и Ангары.

К 1965 году Красноярский край и Иркутская область станут крупными центрами производства алюминия.

Наряду с намечаемым ростом производства алюминия на ближайшие семь лет в эти же годы создаются необходимые предпосылки для его дальнейшего развития на 1965—1972 годы. И тогда поистине потекут серебристые реки чудесного металла. Хватит его и на внутренние нужды страны и на продажу.

Так же, как в свое время переход к железным орудиям вызвал переворот во всех областях жизни, так и алюминий в наше время позволяет осуществить поистине революционные изменения в современной технике. Задача состоит в том, чтобы наметить главные направления его внедрения и организовать научную подготовку к этому. Следовало бы создать специальное конструкторское бюро по внедрению алюминия, а может быть, и специальную комиссию Государственного научно-технического комитета или Совета Министров СССР по этим вопросам.

Сегодня на повестку дня встал алюминий, способный вытеснить чугун, сталь, медь, дерево, олово, свинец... Не только вытеснить, но и принести огромные доходы стране. Теперь, когда мы видим в двигателях тракторов чугунные поршни, закономерно спросить, а почему они не алюминиевые. Только на одном тракторе это позволит сэкономить за год 1,2 тонны дизельного топлива. По всему тракторному парку в 1965 году это даст сотни миллионов рублей экономии.

А ведь это только поршни! Перед конструкторами сельскохозяйственных машин тут широкое поле деятельности.

Или тара, великолепная пищевая тара, которая сбережет государству еще миллиарды рублей! Почему она делается из пищевого олова, оцинкованной стали, а не из алюминия?

В чем, например, сейчас перевозится молоко? В бидонах, изготовленных из листовой стали и луженых пищевым оловом. Но смогут ли бидоны вобрать в себя те потоки молока, которые потекут из колхозов и совхозов в эту семилетку? Конечно, нет. Нужна гигиеничная и более емкая тара, которая позволит механизировать все операции по погрузке и разгрузке молока. Такой тарой могут быть молокохранительные танки и молочные цистерны из алюминия.

Применяемые в настоящее время буковые бочки для пива служат до двух лет, в то время как алюминиевая бочка может годиться (при хорошем к ней отношении) 30 лет. Если деревянные бочки заменить алюминиевыми (исходя из потребности в них для пива в 1965 году), то лишь за время их эксплуатации, с учетом затрат на осмолку, ремонт и потери пива, сэкономится около 1,2 миллиарда рублей. Подобных примеров немало.

И так во многом, во всем. Потребительский «диапазон» алюминия почти безграничен.

Есть над чем поразмыслить нашим конструкторам и инженерам. Алюминий — металл XX века!

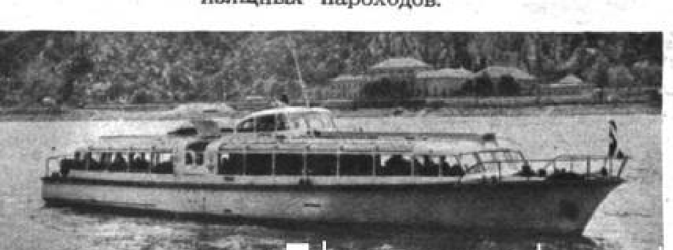
Гуляя по улицам Будапешта, часто можно увидеть грузовики, везущие строительные леса. Дома приукрашиваются, чистятся, одеваются в новые наряды. Раньше для ремонта употребляли деревянные леса, теперь используются алюминиевые. По мнению специалистов, они надежны, удобны и вдобавок обходятся значительно дешевле деревянных.

Улица Надькерут в Будапеште. Шуршат ребристыми шинами многоместные дальние автобусы. Их уже много. Легкий алюминиевый остов способствует увеличению скорости. Удобные кресла в них сделаны также из этого чудесного металла.

По Дунаю плывет речной трамвай. Его легкая алюминиевая обшивка выдержала испытания временем и оправдала надежды строителей. Дунай бороздят много таких изящных пароходов.

Спичечницы, курительные приборы, вазы для цветов и искусственные драгоценные украшения, вроде тех, что примеряет девушка, изготовляются из нашего венгерского «белого золота» — алюминия.

На новом рубеже

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Рисунки Ю. КОПЕЙКО.

Встречный ветер

Мой друг, забудется едва ли,
Как шли с тобой в снегу, в грязи,
Как на шоссе «голосовали»,
Крича попутным: — Подвези!

Ногою — на баллон. И в кузов
Валились мы. И на лету
Нас посреди важнейших грузов
Мотало от бортà к бортỳ.

Попутчиков разнообразье:
Сибиряки и москвичи,
Шоферы, офицеры связи,
Старшины и военврачи.

И каждый продвигался к цели,
И встречный ветер щеки жег.
И полыхал среди метели
Регулировщика флажок.

Геологи и агрономы
Потом сопутствовали нам.
Мы, словно тыщу лет знакомы,
Вели беседу по душам.

Порой по скользкому заносит
Иль вязнешь в мартовском снегу,
Бросаешь лапник под колеса,
Несешь из рощицы слегý.

Но вот, в дороге опаленный,
Уже ты вынесен стремглав
В расположенье батальона,
На целину, на лесосплав.

Ты жадно дышишь ветром жизни
На этом новом рубеже,
И нет ни тени укоризны
В глазах друзей, в твоей душе.

В труды насущные с разгона
Ты окунулся с головой.
...Не нужно мягкого вагона
Или машины легковой.

Ведь нам, бывалым, слава богу,
Недолго собираться в путь.
Лишь стоит выйти на дорогу
И по старинке «голоснуть».

Молодой Довженко

Помню кадры из фильма немого,
Где беззвучно сраженье гремит
И звенит полновесное слово,
Словно врезали бронзу в гранит.

И в дыму баррикад Арсенала
Коммунисты стоят у бойниц.
Словно песни широкой начало,
Эта лепка событий и лиц.

И другие мне видятся кадры.
Крупным планом в сознанье вошли
Спелых яблок тяжелые ядра,
Плодоносная сила Земли.

Дышит страстью народная драма,
Пышет жаром полуденный зной.
Пусть в кино еще нет фонограммы
И не водится пленки цветной, —

Всеми красками щедрой палитры
Ярко светится этот поток,
И неслышно проносятся титры,
Гул оркестра неся между строк.

...Эти ленты смотрел я впервые
В незабвенном тридцатом году.
Сквозь гористый каштановый Киев
Угловатым подростком иду.

На Соломенке, в клубе рабочем,
На сеансе вечернем полно.
В кинобудке проектор стрекочет,
И сияет во тьме полотно.

Словно мастер, в работе неистов,
Одержимый, влюбленный до слез,
Ход Истории сочною кистью
На экран белоснежный нанес.

Пусть простой этот
холст не грунтован
И не взят в золоченый
багет,
С мировыми
полотнами вровень
Он оставит негаснущий
след.

...Да и сам беспокойный художник
В том году вспоминается мне
Средь рабочих железнодорожных,
В клубном зале, на задней скамье.

Он картину привез ветеранам
Тех январских боев. Тишина.
С ним сидят они перед экраном,
Словно только сойдя с полотна.

Молодой еще, зоркий, упрямый,
Обнимая друзей в тесноте,
В сотый раз увлечен панорамой,
Что развернута им на холсте.

Он из ряда последнего строго
Смотрит вдаль сквозь прозрачную
тьму,
Сердцем чувствуя, как еще много
В жизни выпало сделать ему.

Полыхают днепровские зори,
Нарастает волненье в груди.
Песнь о Щорсе, Поэма о море
И бессмертие —
все впереди.

Констанца

В рассветном тумане причалы Констанцы,
Мигает маяк на молу.
Овеянный терпким дыханием странствий,
Он смотрит в размытую мглу.

Мохнатые кроны раскинув просторно,
Канатами укреплены,
Приморские пинии стонут под штормом,
Омытые солью волны.

Валы на камнях разбиваются в клочья,
И солнца расплывчатый диск,
Спеша поскорее разделаться с ночью,
Белеет средь бешеных брызг.

И можно уже, как на старых картинах,
На робком свету разглядеть
Овидия в бронзе, проснувшийся рынок,
Повитую дымкой мечеть.

В неясном луче золотятся цистерны,
Видны, полутьме вопреки,—
Смешенье восточного стиля
с модерном —
Прибрежные особняки.

Как будто проявленные на пленке,
Возникли, еще в полусне,
Кафе, лотерейные залы, лавчонки,
Засохший вьюнок на стене.

Балконы, нависшие над переулком,
Приморского города быт...
Но сердце Констанцы колотится гулко
В порту, где погрузка кипит.

Тут пахнет мазутом, смолой, древесиной.
Сегодня встречаются тут
Египетский хлопок, станки из России,
Из Индии — кофе и джут.

Заря проясняет судов очертанья,
Ажурные краны в порту.
Проносятся чайки студеною ранью,
Мерцающие на лету.

Стрела опускается в трюмные глуби
И снова возносится ввысь.
Тут пахнет работою и миролюбьем,
Тут все континенты сошлись.

Как в нашем Архангельске или в Одессе,
Тут нынче полмира в гостях.
И реет над пирсом в сквозном
поднебесье
Народной Румынии стяг.

Copyrighted material

В. С. Климашин. ПХЕНЬЯН СТРОИТСЯ. 1957 ГОД.

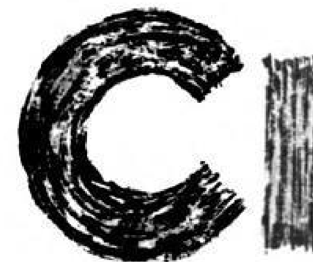
В БЕСЕДКЕ ЫЛЬМЫЛЬТЭ. ПХЕНЬЯН.

Copyrighted material

В. С. Климашин. КОРЕЙСКИЙ КРЕСТЬЯНИН.

АКТИВИСТКА ОБЩЕСТВА КОРЕЙСКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ ЧО МЕН ДЁМ.

Copyrighted material

СЫН ИВАНА

Глава из нового романа.

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Июньским ранним утром попутный грузовик, на котором ехал Иван Книга, поднялся на Недреманную и остановился у скрещения степных дорог. Отсюда дороги расползались и на Татарку, и в Ново-Троицкую, и на Журавку. Иван Книга поблагодарил шофера, угостил его папиросой и взял в кузове свой обильно запорошенный пылью чемодан.

— Ну, друг, теперь твоя Журавка уже близко,— жадно раскуривая папиросу, сказал шофер.— Лежит вон за теми холмами.

— Доберусь! — весело ответил Иван.— Тут я уже, считай, дома!

— А я твоего батька знаю.— Шофер завел мотор, но не ехал, медлил.— Да и кто Книгу не знает! Богач, миллионер! Гремит Журавка! А через чего? Через Книгу... Бедовый председатель, правильный!

Грузовик взвихрил серую завесу пыли и скрылся за поворотом. Иван нарвал травы, вытер ею, как веничком, чемодан. Постоял, заправил в брюки рубашку, потуже подтянул пояс. «А я твоего батька знаю,— лезло в голову.— Да и кто Книгу не знает... Бедовый, правильный...» В кармане пиджака Иван ощупал хрустевший, сложенный вдвое пакет: лежит ли на месте. Взял чемодан, кинул на плечо брезентовый плащ и быстрыми шагами поднялся на холм.

Взору открывалась волнующая, знакомая с детства картина. Степь, исписанная холмами и ложбинами, была одета в свежую зелень. Солнце еще не взошло, и восток, из бледного делаясь розовым, только-только умылся заревым светом. Куда ни глянь — серебро и серебро на влажной от росы траве. Небо было высокое и такое чистое, каким бывает стекло, когда его старательно промоют и протрут. В низине дремал туман — протянулась в метре от земли сизая прозрачная стежечка шелка.

Утреннюю тишину старательно будили невидимые птицы. И в траве и в небе на все лады заливались тысячи голосов, а где-то совсем близко тягуче и тревожно, как бы силясь поглотить птичий гомон, шумел водопад. Иван прислушался и невольно улыбнулся... Странно и непривычно: на Недреманной — и водопад! Да тут и паршивого родничка не сыщешь. Иван присел на влажную траву, прислушался. Да, точно, вода спорила с птичьими голосами. Шум ее был тягучий, какой бывает вблизи гидротурбины или на водяной мельнице. И снова улыбнулся Иван, а улыбнулся оттого, что он-то хорошо знал, и что это за шум и как он сюда заявился. Знал, что там, за Недреманной, откуда Иван только что приехал, в каменных кручах бурлила Кубань, а тут, на степной стороне Недреманной, вдруг образовались истоки Егорлыка, а в отвесных берегах, как в ковше, шапкой пены белела и бурлила чаша кубанской воды...

«Истоки Егорлыка...», «чаша кубанской воды...» Сказать так, не поясняя, какой смысл таили в себе эти слова,— значит ничего не сказать. Людям, никогда здесь не бывавшим и ничего не ведающим о том, как и когда бедная водой речонка Егорлык породнилась с водообильной Кубанью,— им, разумеется, никогда не понять, что означают такие слова, как «чаша кубанской воды» и «истоки Егорлыка»... Так что пусть наш Иван Книга покамест посидит на холме Недреманной, отдохнет и послушает новорожденную песню; или пусть подойдет к самой чаше кубанской воды, умоется белой, как вата, пеной и ощутит такое прохладное дыхание, какое бывает только в ущелье, мы же тем временем хоть вкратце поясним, что оно такое — истоки Егорлыка и чаша кубанской воды.

По совести говоря, до недавнего времени истоков у Егорлыка вообще не было, как не бывает у всякого бедняка источников дохода. Буерачное, сморщенное дно этой речонки, петляя и выписывая восьмерки и кренделя, испокон веков бороздило ставропольскую равнину, и, где было ему начало и где конец, никто толком не знал. Не знали люди об этом только потому, что Егорлык — степная речка-времянка, и какой же смысл интересоваться ее истоками. Жителям окрестных сел было известно лишь то, что по весне, в пору таяния снега, когда мутная, согнанная солнцем с гор и пригорков вода тысячами ручейков устремлялась в низину, Егорлык жадно подхватывал эту шальную воду, быстро наполнял свои иссохшие, потрескавшиеся берега, ненасытно впитывал влагу и оживал, и блестел на солнце, и молодо шумел на заре — по-речному грозно и протяжно. А в иной день расходился не на шутку, как настоящий гулящий забияка: там затапливал низину, поднимал копенки сена, и они шапками покачивались на волне; там, играя, опрокидывал подводу с бочкой, и бочка плыла и плыла, то ударяясь о берег, то выскакивая на стремнину; там срывал мосток, и доски, бревна неслись по реке, на повороте бился о кручу, пугая щуров и сусликов; там заливал кошару или подмывал берег, и огромный кусок земли падал в воду, тяжким вздохом отзываясь в степи. И вся эта широкая панорама разлива: и сорванные мостки, и скачущая по волнам бочка, и сам вздох свалившейся кручи — как бы говорила: «Ой, ой, какая могучая река Егорлык!»

Такая веселая, разгульная жизнь длилась с месяц или два, не больше! Когда же наступал зной и под палящим солнцем горячей простынью ложились на землю каспийские суховеи, Егорлык умирал тихо и безропотно; вода в нем высыхала, дно покрывалось желтой плесенью, выступала на нем горькая соль, открывались пастями трещины, наскоро затканные свежей паутиной,— все живое, что успевало родиться, погибало, и Егорлык умолкал до следующего таяния снега.

Таким было безрадостное прошлое. Теперь же Егорлык — герой! Красивый и полноводный, проносился он по степи, мимо сел и хуторов, извилистой дорогой на Маныч: кое-где даже выходил из берегов, заливал низины, как бы говоря: «Эге-ге! Да вы поглядите на меня, какой я теперь богатый и сильный! Мне теперь все нипочем: и полью огороды, и напою стада, и могу турбину вращать...» И там, где разлились его воды, в тихих и теплых заводях, буйно поросли камыши, встав темно-зелеными гривами. Сюда, в эти камышовые заросли, прилетели на новое жительство дикие утки, нырки, цапли, а однажды явились (видимо, на разведку: нет ли тут, возле Егорлыка, какого-либо моря) две шустрые острокрылые чайки; не нашли моря и улетели. Ковыль-трава чуяла и близость влаги и прохладу, любовалась плескавшей о берег волной и удивлялась: и что такое приключилось с Егорлыком и откуда у него столько воды!

Да, ни камышам, ни ковыль-траве, ни даже чайкам-разведчицам никогда не понять того, что причиной всему тут была Кубань. Не ведали ни камыши, ни травы и того, что многие тысячи лет убегала Кубань мимо горы Недреманной, держа путь на Краснодар, хотя все эти годы она чутьем улавливала, что где-то рядом, в каких-нибудь десяти верстах от нее, за горой Недреманной, томился, изнывал от безводья Егорлык — река слабая, страшно бедная всдой, но очень нужная людям. И хотелось Кубани прийти на помощь своему попавшему в беду ставропольскому брату. Но как? Как взобраться на такую высоченную гору? Где взять сил? Помогли люди. Пришли сюда тысячи — с ломами и лопатами, с грабарками и кирками. Поднялись над Недреманной красочные, высотой в шесть метров буквы: «Пойдет вода Кубань-реки, куда велят большевики». И еще люди сказали: не надо воде взбираться на гору — это не ее дело. Люди нашли ей удобную дорогу, прорыли новое русло и подвели его до самой Недреманной. Потом начали долбить гору. Получилась великолепная дыра. И когда эту темную и сырую дыру одели в бетон, она стала напоминать дорогу метро. Так и казалось, что вот-вот со свистом и ветром ворвутся сюда ярко-зеленые вагоны... Однако не вагоны пошли в тоннель, а вода. Она не пошла, а хлынула. Шагнула — и каким шагом! — торопливо, охотно, точно давно поджидала этого часа,— видно, Кубань волновалась от непривычки, даже побаивалась, как бы вдруг снова не закрыли для нее эти просторные ворота через Недреманную... Но ворота остались открытыми навсегда — дорога в горе протянулась на семь километров. У входного портала вскипал вспененный гребень, вода, теплая, согретая солнцем, с клекотом вливалась в тоннель, а выходила из него студеной, как из ледника... И вот тут-то, на степной стороне Недреманной, и образовалось настоящее чудо. На отлогом склоне, там, где веками лежали исписанные сусличьими норками, выжженные солнцем камни, выплескивал из земли не какой-то там фонтанчик или ручеек, а неслась полноводная, как будто выхваченная из гор бурная река... Древняя соседка Егорлыка и

Copyrighted material

щедро напоила его водой и спасла от смерти. (Один врач, проезжая в этих местах и любуясь Егорлыком, сравнивал кубанскую стройку с переливанием крови больному.)

Так родились слова «истоки Егорлыка», «чаша кубанской воды». Мощный, клокочущий поток, вырвавшись из тоннеля, рассекал старое русло Егорлыка. Левая его часть, та, что тянулась к Ново-Троицкой и дальше на Птичье и затем к Манычу, бурлила половодьем, полная сил и жизни; правая же сторона, та, что поднималась к Татарке, по-прежнему была мертва, и потянулось по полю, среди полыни и будяков, сизое солончаковое дно — даже самая неприхотливая травка не кустилась на нем. А ведь вода — вот она, рукой подать! Перед тем, как влиться в Егорлык, она последние сотни метров катилась по бетонному, наподобие совка, концевому сбросу. Совок поставлен уклоном, и поток, думая, что снова летит со скалы, устремлялся вниз так, что на метр взлетала водяная пыль. Прикоснувшись к Егорлыку, вода со злостью разрыла глинистую почву, раздвинула, будто руками, точно ножом срезанные берега и образовала просторный котлован, похожий на огромную чашу. Если смотреть на эту чашу кубанской воды с горы, то невольно кажется, будто в этом месте какой-то невидимый великан пришел из опаленной зноем степи и подставил ковшом сложенную пригоршню, боясь, как бы не разбрызгалась, не расплескалась дорогая и долгожданная влага...

Знаю, знаю, есть нетерпеливые читатели... Зачем, скажут они, описывать природу, а тем более какую-то мало кому известную речку? То, что породнился Егорлык с Кубанью, хорошо, и пусть себе кубанская вода течет по степи и приносит людям радость. Нам же надо знать: и кто он, этот Иван Книга, и какое у него дело в Журавке; и не доводится ли он, случаем, родственником знаменитому Книге — генералу ставропольцу; и если он герой романа, то положительный он герой или отрицательный — тоже заранее надо знать; и откуда Иван Книга родом, и куда путь держит... Молодые читательницы к тому же непременно захотят узнать: молод ли Иван Книга, красив ли собой, а главное, женат ли, а если, паче чаяния, холост, то намерен ли жениться... Вопросов уйма, и сразу ответить на них нелегко. Легко лишь сказать, что наш Иван Книга находится в самой завидной поре молодости — в этом году отцвела и отшумела его двадцать пятая весна. Особенно же трудно ответить, — Иван Книга герой положительный или отрицательный, но одно очевидно: человек он, безусловно, порядочный; на него не только можно во всем положиться, но в таких делах, как трудолюбие, честность, справедливость, для многих Иван Книга может служить и примером. Тут же ответим и юным читательницам, и ответим без обиняков и совершенно точно: нет, Иван Книга пока еще не женат. Почему? В любовных делах привередлив, никак не может найти по душе и по своему характеру подругу жизни; красотой он не блещет, однако, как полагали в свое время журавские девчата, одноклассницы Ивана, парень он весьма симпатичный, особенно привлекательны у него глаза — голубые и с поволокой, такие, как у его матери... Справедливости ради следует заметить: юноша излишне самолюбив, не в меру горяч и не в меру вспыльчив — горит и жарко и пламенно... Родственником генерала Книги Иван не является, просто однофамилец. Его отец — Афанасий Лукич Книга — не генерал, но тоже человек знаменитый. Жил в селе Журавка Афанасий Лукич Книга, и никто не только не мог подумать, но даже не посмел предположить, что таится в этом с виду обыкновенном хлеборобе... Нет, нет, не будем забегать наперед... Обратимся к сыну Афанасия Лукича — Ивану Книге.

Юноша давно и умылся вспененной водой, и напился ее, и отдохнул, и постоял у желоба, по которому с ветерком катился бурный поток. Пора и в путь-дорогу. И снова подхватил Ивана попутный грузовик, и завихрилась пыль под колесами, и снова встречный ветер хлестал в лицо, и снова остановка — не на горе, а у Егорлыка. По ту сторону лежала Журавка. Сердце Ивана забилось часто и тревожно. Со степи в село дорога вела через мост, новый и еще такой же непривычный здесь, как и река, через которую перешагнули железные фермы. В ста шагах от моста начиналась главная улица, собственно, центр Журавки, а от нее и вкривь и вкось разбежались переулки, теснились без всякого порядка хаты, сарайчики, курнички, желтели глиняные изгороди, сильно поклеванные дождем. Хаты побелены известью, и отсюда, от моста (особенно в солнечную погоду), Журавка напоминала стаю гусей, которая летела-летела степью, а потом приморилась и опустилась на берегу Егорлыка. Среди светлых хат великаном стояло красное, из жженого кирпича, двухэтажное здание, с радиомачтой и с вылинявшим на солнце флагом. «Без меня вырос этот домина,— подумал Иван, поднимаясь на мост.— И за селом какие-то здания — наверно, фермы, и эта каланча, как колокольня...»

Иван стоял на мосту, с тревогой и грустью смотрел на село... Эх, Журавка, Журавка, и как же еще далеко тебе до кубанских станиц, хотя бы тех, что в зеленом убранстве лежали там, за Недреманной! До самых труб утопали они в таких кущах, что даже вблизи не поймешь: станица это, а может, лес. И кубанская вода — вот она, рядом с хатами, а по-прежнему нет в Журавке ни садочка, ни деревца. А каким бы красивым было село, если бы и главную его улицу и переулки укрывали ветки, пусть не густые и не высокие, но зеленые, и если бы возле каждой хаты вырос или садочек, или палисадник!

Ничего этого, конечно, не было, и Ивану стало до слез обидно. Почему кубанская вода не принарядила Журавку? Почему перед ним, как бывало и прежде, жарилось на солнце совсем голое село и только кое-где сиротливо торчала акация или кустилась гледичии — деревца чахлые, болезненные, а лист на них не зеленый, а пепельно-серый, под цвет золы. «Эх, Журавка, Журавка, отчего ты все такая же? — думал Иван, с печалью глядя на знакомое и милое сердцу селение.— Видно, и кубанская вода не смогла и принарядить тебя и сделать молодой... А может, не захотели люди?..»

Возле моста купались дети. Возбужденно-крикливая ватага запрудила весь берег. До черноты загорелые, они купались азартно, почти не вылезая из воды, боясь, как бы Егорлык вдруг не пересох, как, бывало, не однажды пересыхал прежде. Каждый мальчуган старался выказать перед другими и свою смелость и свою ловкость. Прыгнуть с кручи было делом простым и обычным. Ребята гурьбой бежали к берегу и, как лягушата, головой вниз бросались в бурлящий поток. Радуясь тому, что река так легко уносила их мимо родных хат, они с криком и писком уплывали под мост и дальше, к камышам.

Те мальчуганы, которые были постарше и посмелее, прыгали не с кручи, а с моста, камнем врезаясь в воду. Но, пока на мосту стоял незнакомый им мужчина с чемоданом и с плащом на руке, даже отъявленные смельчаки не решались показать свою удаль. И все же два подростка, очевидно, самые отчаянные, подошли к Ивану и несмело остановились. Лица у них опалены солнцем, носы шелушились так обильно, как шелушится только спинка ящерицы во время линьки. Глаза сузились и блестели жарко. Давно не видавшие ножниц чуприны были лихо зачесаны назад — нет, не гребенкой, а струей воды.

— Дядя, а можно нам сигануть?

Иван вспомнил свое детство, не знавшее ни воды, ни моста, улыбнулся.

— И не боитесь? — спросил он.— Высоко же!

— Хо! Чего придумал!

— Да мы все умеем!

— Когда же вы научились и плавать и прыгать? — поинтересовался Иван, с любовью глядя на прыгунов.— Реки-то у вас раньше не было?

— Почему не было? — удивился мальчик.— Сколько мы помним, вода все время течет и течет...

— Видно, не много-то вы помните...

— Плавать мы с детства научились.

— Да у нас все мальчишки...

И не досказал. Его точно пружиной подбросило, и он кувырком улетел за перила. Следом кинулся и второй. Под мостом в жарких лучах искрами вспыхнули взлетевшие брызги, и мокрые, старательно причесанные чубы понеслись, закачались по реке. «Какие молодцы! — подумал Иван.— Завидки берут... Настоящие сорвиголовы! Помню, мы такими не были. Нам-то не только прыгать с моста, ноги помыть негде было... Эх, что значит вода! Какую смелость у детей рождает...— И вздохнул.— Ну, пора мне к бате. Пойду! Смелее, Иван!..»

Иван взял чемодан, спустился с моста и направился в Журавку.

Место для кирпичного дома с вывеской «Правление сельхозартели «Гвардеец» выбрали очень удачное. Дом взобрался на бугор вблизи Егорлыка, подставил стены всем ветрам, какие только дуют на Ставрополье, и заблестел цинковой крышей. На журавские хатенки, обступившие его со всех сторон, смотрел начальственно-гордо—сверху вниз, как бы говоря: «Эх, хаты-мазанки, и кто вас тут поналепил, и отчего вы рядом со мной такие низкорослые да подслеповатые!..» Даже журавская чайная, клуб и магазин потребкооперации выглядели рядом с ним и низкими и убогими.

К подъезду вела, коромыслом огибая клумбу, асфальтовая дорога. И клумба и асфальт — в Журавке новшество. Иван подошел к клумбе, остановился и невольно покачал головой. Без воды и травка и цветочки пожухли и умирали, вдобавок их еще припорошило пылью — видно, давненько здесь не появлялись лейка и ведра. Было же так жарко, что даже асфальт почернел, продавливался, как воск, и прилипал к подошвам. Проедет машина — и рубцы лежат.

Иван подошел к стене, остановился в узкой полоске холодка, закурил. У подъезда в это время было шумно и людно. То подъезжали и отъезжали машины— с людьми и без людей; то подкатывали рессорные, мягкие, так и ка-

Copyrighted material

чающиеся шарабаны — в них обычно ездят бригадиры и агрономы, то приходили и уходили занятые своими хлопотами мужчины, женщины, и никому, казалось, до Ивана не было дела... Вот подлетела, оставив на асфальте рубчатый след, серая, щедро попудренная пылью «Волга» — видно, далека была у нее дорога. Из машины вышли трое мужчин. Усталые, чем-то озабоченные, они взяли портфели и, не мешкая, оживленно разговаривая, направились в дом. «Если мы хотим заполучить тех бычков, надобно явиться к самому Афанасию Лукичу». «А может, сперва к заму, к этому, как его, к Чубу-Закамышному?» «Да ты что? Это же не Чуб-Закамышный, а превеликая бестия». «Только один Афанасий Лукич и может помочь...» «А ежели не поможет?» «Будем упрашивать, на колени станем...» «Да, его упросишь, характер у него, я знаю, железо». «Ничего, и железо гнется...»

Разговаривая, они скрылись в дверях. А в это время из переулка вывернулся грузовик. Народу в нем — полный кузов. Соскочив на землю, суетливые мужчины, женщины отряхивались, приводили себя в порядок, шутили, смеялись.

— Быстрее! Быстрее! — крикнул грузный мужчина, выйдя из кабины.— Пошли, товарищи! Афанасий Лукич ждать не любит...

Тяжелые, сделанные из дуба двери не закрывались. Люди входили и выходили — кто спешил туда, кто обратно,— и весь дом был похож на пчелиный улей в пору богатой взятки... С резким, как винтовочные выстрелы, треском возник мотоцикл. Водитель поднял на лоб завьюженные пылью шоферские очки, быстро поставил горячую машину на ноги-рогачики, четким шагом подошел к Ивану.

— Послушай, парень! — крикнул он.— Могу я хоть тут повидать неуловимого Афанасия Лукича Книгу?

— Не знаю. — Иван пожал плечами. — Я сам только что пришел...

— Эх, беда! И что за человек! Ведь говорили, только что был в четвертой... Я туда, а мне говорят: умчался в Журавку...

И мотоциклист скрылся в дверях. «А батя мой все такой же неугомонный,— думал Иван, входя в ту же гостеприимно распахнутую дверь.— Какую домину воздвигнул! Прямо настоящее министерство на егорлыкском берегу... А клумба? А этот подъезд к дверям — шик! Да, любитель батя шумной жизни... Както он меня встретит...»

Внизу раздевалка. На вешалке торчал замасленный, видимо, трактористом забытый картуз без козырька, висела войлочная старенькая шляпа и пустая, из окуги, базарная кошелка. За перегородкой дремал дед Корней. Услышав шаги, протер глаза и крикнул:

— Ваня! Это ты?

— Я, Корней Гордеевич, я...

— Возвернулся-таки?

— Да, вот пришлось.

— Прямо из войска?

— Нет, дедушка, с учебы. В армии я давно отслужил.

— А как подрос! Тебя и родной батько не узнает... Ой, ой, как дети быстро поднимаются!.. — Взглянул на чемодан. — Ты что ж, Ваня, и домой не заходил, а прямо в контору?

— Решил сперва отцу показаться — может, еще за своего не признает...— Иван невесело усмехнулся.— Тут мой родитель?

— По приметам вижу: либо тут, либо скоро заявится.— У старика заблестели крохотные глазенки.— Когда его в конторе нету, так возле дома и в самом доме тишь да покой... А ныне, гляди, шумно!

— Как моя мамаша поживает?

— Да все так же,— уклончиво ответил дед Корней.— Мается с Афанасием... Трудно ей...

— Батько обижает?

— Кто про то знает... На людях не видно...

— А вы, Корней Гордеевич, что тут делаете? — желая переменить разговор, спросил Иван.

— О! — удивился дед Корней.— Какой же ты, хлопец, недогадливый! Швейцарую, рази не видно, как в городе... Афанасий Лукич любят новшества... Я, говорит, принаряжу тебя, Корней Гордеич, во все форменное... За границей же был, нагляделся... Да и в Москву он наведуется частенько. Все, что там узрит, везет в Журавку...

— Ну, и как работа?

— Так она должность ничего, терпеть можно, а только чересчур сонливая... Зимой, правда, работенка есть, потому как Афанасий Лукич распорядились ни одной души в одеже не впущать. А летом — одна тоска.

Иван оставил у деда Корнея чемодан и плащ. Поднялся по гулкой, гремевшей под каблуками лестнице. Наверху светлый и длинный коридор. И тут сновали озабоченные люди, хлопали двери, слышалась частая веселая дробь пишущих машинок. Два старика, держа в руках картузы, остановились у окна, закурили.

— Ну, кум, как ты думаешь, решится наше прошение насчет стекла?

— Беспременно Книга решит! — уверенно отвечал второй.— Книга, кум, это, я тебе скажу, такой человек, такой руководитель...

— Погоди, Игнат, расхваливать Книгу, он и без тебя расхвален... Ежели сказать правду, то эту самую Книгу я читаю уже годов двадцать, а распонять ее никак не могу... Вот в чем беда!

— Может, ты, Семен, не сильно грамотный, а по той причине кумекаешь плохо?

— Кумекаю я хорошо, а вот Книга попалась трудноватая.

И оба, довольные шуткой, рассмеялись...

Иван проходил по коридору, смотрел на двери. На каждой для удобства посетителей висела табличка. Иван замедлил шаг, читая: «Общая канцелярия», «Бухгалтерия», «Касса», «Главбух», «Машинное бюро», «Главный агроном», «Партбюро». В самом конце коридора дверь была обложена ватой и одета в черный с крапинками дерматин. И на ней табличка: «Приемная А. Л. Книги».

Волнуясь и не решаясь войти, Иван некоторое время постоял у входа, достал пакет, расправил его на ладони и только тогда надавил плечом тяжелую, сердито заскрипевшую дверь. Приемная — комната просторная, светлая. На диванах, стоявших в ряд, сидели посетители. Были здесь и те трое, что приехали на «Волге», и мотоциклист. Кто тихо разговаривал, кто молча читал газету, кто поглядывал на дверь, из которой только что молодцевато вышел чернолицый и удивительно суровый на вид юноша. Усики на капризно приподнятой губе пробились тончайшим шнурочком. Ни на кого не глядя и этим как бы давая понять, что ему нет дела до того, что кто-то там сидит и ждет Афанасия Лукича Книгу, уселся за стол, пригладил рукой вороненый, зализанный назад чуб. Часто звонил телефон, и юноша, беря трубку, отвечал негромко и спокойно:

— Да, да! Непременно... Сегодня все лафетные жатки должны быть в поле... Не знаю. Позвоните сами в Суркули...

Или:

— Сводку по телефону не принимаю. А как же вы хотели?! Именно нарочным... Можно на коне, а еще лучше на мотоцикле!

Или уже совсем спокойно:

— Привет! Да, точно, Афанасий Лукич был в Птичьем.. Ждем... Вот-вот подъедет!

Иван улучил момент, когда юноша не говорил по телефону, и протянул ему пакет. Тот даже не взглянул на Ивана. Осторожно ножом распорол конверт и прочитал письмо. И тут черные его брови сломились и сбежались к переносью. Он поднял грозное, с усиками-стежечками лицо и так изучающе и с таким недоверием посмотрел на Ивана, будто никак не мог поверить тому, что было написано в письме.

— Вы и есть Иван Афанасьевич? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Да, я и есть.— Иван усмехнулся.— А что? Или не похож?

— Да как же это так? Поразительно!

Юноша с усиками поднялся, и теперь его трудно было узнать. Его точно подменили: от прежней суровости во взгляде не осталось и следа. На смуглом от природы лице зацвела добрая улыбка, во взгляде заиграла нежданная радость. Казалось, до этого юноша был в маске и носить ее ему было противно, а теперь он ее снял и был счастлив.

— Иван Афанасьевич, прошу вас, войдите,— сказал он, провожая Ивана в кабинет и глядя на него горячими, влюбленными глазами.— Да и как же так получилось? Ни телеграммы, ни звонка? Можно было послать машину... Вот Афанасий Лукич обрадуется! Ты посиди здесь. Отец скоро приедет... Час назад как он выехал из Птичьего.

Заговорщицки повел бровью, улыбнулся и вышел.

Иван прошелся по мягкому ковру, как по траве-отаве, и остановился у раскрытого окна. Не без интереса осмотрел кабинет. Надо сказать, что кабинет у Афанасия Лукича Книги был совершенно особенный и в Журавке, конечно, первый и в своем роде единственный: и размером велик, просторен, в нем хоть конем гуляй, и отделан и обставлен с явной претензией на роскошь. Стены были покрыты масляной краской — тон по указанию Якова Фаддеича Чуба-Закамышного мастера выбрали

Copyrighted material

светло-розовый, под цвет ранней зари в тот момент, когда вот-вот покажется солнце и все небо озарится пламенем. «Вы, Афанасий Лукич, человек бессонный, любите встречать утренние зори,— шутливо говорил Чуб-Закамышный,— вот и пусть этот самый зоревой колер красуется у вас в кабинете... Правильно я соображаю?» Потолок был расписан кавказскими узорами. Люстра, сделанная наподобие колеса, снятого с телеги (и где только достал ее Чуб-Закамышный!), спускалась тяжело, грузно. На стенах портреты вождей. Диван растянулся во всю стену—ложись и отдыхай. Стол был массивный, из красного дерева, и стоял он возле окна — поставлен так по совету Чуба-Закамышного. «Сидите вы, Афанасий Лукич, и занимаетесь делом,— говорил Чуб-Закамышный,— а Журавка и вся степь лежат перед вами как на ладони... Нужно вам поглядеть для сердечного вдохновения — погляди, и снова за дело... Правильно я соображаю?» На столе зеленое, как луг после майского дождя, сукно, на нем стекло, толстое и несколько матовое. Удивлял всех чернильный прибор. Он был не простой, какие стоят всюду, а зеркальный. И больше всех удивлялся сам Афанасий Лукич: на столе зеркало — нагибайся и смотри! «Ну и Чуб-Закамышный, и придумал же! — всякий раз говорил Афанасий Лукич, видя свое усатое лицо в чернильном приборе и улыбаясь. — Чернило — и в зеркалах!» Телефон примостился не на столе, а на тумбочке — справа. Удобно — протяни только руку... И, что поразило Ивана, на столе не было ни клочка бумаги, ни папки, ни завалящей книжки — пусто. Огромные, в два кулака, зеркальные чернильницы давно покрылись пылью. Иван нарочно поднял крышечку — внутри, на засохшей чернильной корке, серебрилась паутинка... Почти весь пол был застлан ковром, на стене, над диваном, тоже ковер. Кожаные, коричневого цвета кресла были такие глубокие и так приятно обнимали тело, что только опустись — утонешь...

Одним словом, за всю свою давнюю историю Журавка еще не знала такого кабинета. В нем было много солнца и света. Балкон и четыре окна выходили на юг и всегда видели блестевший в камышах Егорлык. Отсюда, как с капитанского мостика, взору открывались такие дали, какие даже немыслимо окинуть взглядом. Далеко в степи блестело озеро, зеркало его чуть перекосилось. В этот час в озере купалось солнце, и вода под жаркими лучами пламенела. Вблизи Журавки раскинулась пойма Егорлыка — зеленая обширная низина, надвое рассеченная рыжей гривой камыша; пикой вонзался в него Егорлык и уже надолго скрывался из глаз. По обе стороны камышовых зарослей расстилались огородные плантации: и темно-зеленый бархат помидорных стеблей и свинцового оттенка капустные гряды. Над огородами летали дикие утки; грузные, сытые, они низко парили над поймой, направляясь в камыши.

Неслышно появился юноша с усиками.

— Зачем же сидеть у окна? — сказал он, любезно приглашая Ивана подойти к креслу.— Прошу, Иван Афанасьевич, вот сюда... Очень удобное местечко... В Риге покупали... А теперь давайте познакомимся. Секретарь вашего отца. Александр Павлович Погорелов. Проще — Саша, меня так все зовут... Ласкательно! И Афанасий Лукич меня так зовут... Я родом из Янкулей, о вас слышал, а вот теперь смотрю...

— Хорошо, Саша, я здесь побуду,— сухо сказал Иван.— Посижу, отдохну...

— Афанасий Лукич вот-вот заявятся... Час назад на мотоцикле они выехали из Птичьего. Где-то в дороге... И люди ждут, а их нету... Иван Афанасьевич, может, вы поедете домой?

— Нет, нет, Саша, я подожду отца... Не беспокойся и занимайся своим делом...

Саша подмигнул Ивану узкой черной бровью, вышел из кабинета и осторожно прикрыл дверь.

Можно поручиться, что ни в Журавке, ни в Птичьем, ни тем более в Янкулях, да, пожалуй, и во всем районе никто не умел так смело и так лихо ездить на мотоцикле, как Афанасий Лукич Книга. «Артист, да и только!» — говорили о нем. Может, и могли бы с ним поспорить разве только обученные и хорошо натренированные спортсмены. Могут спросить: это что, у «Гвардейца» не было персональных «Побед» или «Волг» и такому видному председателю приходилось гнуться на двухколесном бегунке? Быть того не может, ибо нынче любой председатель колхоза днями не слезает с машины... Есть, есть и у Афанасия Лукича машина, и даже не одна: «Волга» и «ГАЗ-69». Есть и личный шофер, Ксения, вдова, женщина еще молодая и собой привлекательная. Но мотоцикл — это его страсть, и Афанасий Лукич только на совещание в район, да и то редко, если нездоровится, или на рыбалку выезжает на машине.

Были и у Афанасия Лукича, как у всякого другого руководителя, друзья, люди близкие, ему преданные, и были недруги и даже враги: не умел да и не хотел Книга быть для всех добрым и приятным. И по этой причине одним такая его лихость в езде на мотоцикле нравилась, она их радовала, приводила в восторг, а других огорчала, вызывала неприязнь и злобу. Обычно друзья Афанасия Лукича говорили: «И какой же русский не любит быстрой езды!», «О, наш Лукич не ездит, а летает, и любые барьеры ему нипочем!», «Да он эти барьеры добре берет не только на том бегунке, а и в жизни, практически». Или: «Крылья пристрой к колесам — и войдет в небо, аж до самых туч доберется», «Да он и в делах высоко летает, дай-то бог ему здоровья». Недруги Афанасия Лукича рассуждали так: «Не председатель, а сумасшедший на колесах», «И уже в летах и собой будто не дурень, а такие фортели выкидывает, что диву даешься — вчера собаку переехал...», «Да он эти же фортели выкидывает и в жизни. Гордец и бабник, каких еще свет не видел: каждую ноченьку на Птичье к Лушке Самойловой ездит...», «Что Луша? Да он со своей шоферьшей завел шуры-муры...» Или: «Ох, помяни мое слово, свернет он себе голову, свернет!..», «На колесах, как я полагаю, навряд, потому жилист, хваток, не слетит, а вот в житейских делах должон свернуть башку — вот чего бы нам дождаться...»

Да что там ни говори, а любил Афанасий Лукич так гонять машину, что она, бедная, и смеялась и плакала. Вот и сегодня по главной улице Журавки летел с «ветерком» — дух захватывало: так несется к финишу мотогонщик, когда он, выжимая из мотора остаток сил, выигрывает секунды и берет последние метры. Возле клумбы так нажал тормоза, что мотор захлебнулся в кашле и смолк, а колеса, виляя и жалобно пища, метра два ползли по асфальту, оставив рубчатую, изломанную стежку.

С седла проворно соскочил рослый, завьюженный пылью мужчина. На вид ему меньше пятидесяти. Лицо иссушено и солнцем и жаркими ветрами и украшено черными, как смоль, очевидно, крашеными, усами. На глазах у него ветровые очки, на голове повязана косынка. Увидев стоявшего в дверях и улыбавшегося Сашу, Афанасий Лукич сорвал очки, стянул косынку, растрепав светлый, еще не тронутый сединой чуб. Подбежавшей Ксении вручил своего разгоряченного конька, успев так игриво посмотреть и подмигнуть, что Ксения покраснела, взглянув на Афанасия Лукича осуждающим, но ласковым взглядом. Он шел свободным, широким шагом, взмахивая руками, как бы радуясь тому, что наконец освободился от тряского седла. На нем были серые, из тонкого полотна брюки, о седло вытертые между ног до лоска, и легкие, удобные летом парусиновые сапожки, узкие голенища которых были подвязаны ремешками чуть ниже колен. На шелковой, вобранной в брюки и тоже просторной рубашке, открывавшей курчаво заросшую грудь, висела звезда Героя Социалистического Труда — золото было слегка припорошено пылью. Рукава засучены, руки жилистые, до локтей поросли мелко вьющейся шерстью. От всей его высокой фигуры веяло степным зноем и запахом бензина.

— Ну, Саша, что нового в нашей конторе? — спросил он, поглаживая вороненые усы.— Люди меня ждут?

— Есть малость... Человек двадцать.

— Кто такие?

— Рабочий из Армалита... Насчет яйца.

— Еще?

— Из племхоза. По поводу бычков.

— Так... Еще?

— Остальные свои. Из хуторов.

И пока Афанасий Лукич, вытирая пот и на лице и на сильно засмоленной шее, не спеша поднимался по лестнице, Саша, заискивающе улыбаясь и без причины забегая наперед, кратко, как солдат офицеру, доложил и о том, что из Чернолесского совхоза приезжал агроном и просил лафетные жатки — оставил письмо и уехал; что звонил секретарь райкома и велел направить к нему Лушу Самойлову; что две доярки из Птичьего с утра сидят и ждут, а какое у них дело, не говорят; что старики из Янкулей — Игнат Семенов и Семен Игнатов — просят отпустить стекло — домишки построили, а окна застеклить нечем; что все лафетные жатки вышли в поле, один только янкульский бригадир не успел отправить три жатки — обещал отправить завтра... Под конец с особенной улыбкой на заискивающем лице сообщил о возвращении Ивана: «Вдруг, смотрю, входит Иван Афанасьевич... Думаю, не сидеть же ему среди всех прочих... Отвел в кабинет... Правильно я сделал?»

Афанасий Лукич не ответил и даже не взглянул на Сашу, будто ничего не слышал. Только зажал в кулаке усы, задумался и с такой тяжестью надавливал каблуками на ступеньки, что доски прогибались и поскрипывали. И по коридору проходил молча, все комкая в жмене усы. Научившись читать у него на лице и не такие трудные загадки, на этот раз Саша никак не мог понять, Афанасий Лукич обрадовался или огорчился. Саша хотел еще сказать и о том, что Иван приехал не сам по себе, а с назначением крайсельхозуправления, но тут начали собираться люди: то подошел секретарь парткома Алексей Алексеевич Тарабыкин, излишне усердно пожимая Афанасию Лукичу руку и улыбаясь; то явился главный бухгалтер Василий Кузьмич Чупеев, на ходу раскрывая папку и показывая бумаги и синие листы чековой, хорошо знакомой Афанасию Лукичу книжки — и бумаги и синие листочки надо посмотреть и подписать; то прибежала Ксения и спросила, не нужна ли Афанасию Лукичу машина; то перегородил дорогу важный и, как всегда, веселый заместитель Книги по хозяйственным делам Яков Фаддеевич Чуб-Закамышный. Смеясь и пожимая руку Афанасию Лукичу, Чуб-Закамышный тут же совсем незаметно своим носовым платком ловко смахнул пыльцу с золота звезды и сказал, разведя руками и добродушно смеясь:

— Афанасий Лукич! Птицей летаешь по степи, так ты хоть изредка поглядывай на грудь и не давай покрываться пылью и меркнуть знакам отличия!

— Не беспокойся, Яков Фаддеич,— шутливо, в тон Чубу-Закамышному отвечал Афанасий Лукич,— пока я жив, ничто на мне не померкнет и не потускнеет! Так-то!

— Верно,— подтвердил Алексей Алексеевич Тарабыкин,— верно, Афанасий Лукич, только то ржавеет и тускнеет, что лежит без движения!

— Алексей Алексеевич, что у тебя? — спросил Афанасий Лукич, подойдя к Тарабыкину и дружески обнимая его.

— В понедельник собрание районного актива.— Тарабыкин умолк, пожевал губами.— Кто поедет? Надо обговорить...

— Алексей Алексеевич, заходи вечерком. Тогда и обговорим все твои дела.— Афанасий Лукич повернулся к бухгалтеру: — Василий Кузьмич, все подпишу, только через часок.— И с улыбкой к Чубу-Закамышному: — Яков Фаддеич, на суркульской мельнице не то что непорядок, а сущие безобразия... Погляди построже и прими меры... Или ставь вопрос на правлении о Подставкине.

— И поглядел уже и глядел построже,— с улыбкой, говорящей, что ему-то давно известны проделки Подставкина, ответил Чуб-Закамышный.— И меры, Афанасий Лукич, будут приняты.

— Только не тяни, не медли... А как с древесиной? Когда же прибудут вагоны?

— Порядок! — И опять та же всеведущая улыбка на добродушном, чисто выбритом моложавом лице.— Вечерком, Афанасий Лукич, подробно доложу... Есть, кстати, важная новость.

— Хорошо,— согласился Афанасий Лукич.— Да, Ксения, от машины не отлучайся...

Copyrighted material

Разговаривая, Афанасий Лукич незаметно подошел к черным дверям с табличкой: «Приемная А. Л. Книги»,— и вместе с ним шумной гурьбой в комнату ввалилось человек десять. Те же, кто поджидал Книгу, услышав его басовитый голос, почтительно встали. Афанасий Лукич поздоровался кивком головы, невесело, как бы говоря загрустившими глазами, что он всех с радостью принял бы и со всеми поговорил бы, если бы не нужно было и встречаться и разговаривать с сыном.

— Кто тут из Армалита? — спросил он.

Мотоциклист быстро подошел и вручил пакет. Книга не стал читать, передал пакет Саше.

— Знаю, знаю, о чем прошение... Вот что, брат.— Книга похлопал по плечу повеселевшего мотоциклиста.— Поезжай и скажи рабочим: на этой неделе яйцо будет доставлено. Трудно, не хватает яйца, но для рабочего класса постараемся. Сам прослежу... Саша, возьми себе на заметку и в субботу доложи. А кто тут насчет племенных бычков?

— Мы!

Трое мужчин выступили наперед.

— Почему явились делегацией?

— С просьбой, Афанасий Лукич, с просьбой от всего племсовхоза.

— И не просите. Лишних бычков у меня нету. На будущий год, ежели все хорошо.

— Да как же так, Афанасий Лукич?

— А вот так, товарищи... Нету бычков!

— Мы так надеялись...

— Ну, хоть бы одного.

— Сказал, нету... Все!

Афанасий Лукич загрустил. Обвисли смолистые усы, потускнели глаза. Подошел к двери, остановился и сказал тихим, извиняющимся голосом:

— Придется, товарищи, маленько погодить... Меня сын ждет... Через полчаса освобожусь.

И прошел в кабинет. Саша прикрыл за ним дверь, стал к ней спиной и доверительно, тихо, но так, что все хорошо слышали, сказал:

— У Афанасия Лукича радость... Сын Иван вернулся!

Иван пристыженно, исподлобья покосился на отца. И волнуясь и радуясь, он сцепил за спиной кулаки, не в силах удержать в теле странную, еще никогда им не испытанную дрожь. Афанасий же Лукич обрадованно, с восторгом в заблестевших, повеселевших глазах подошел к сыну, опустил на его плечо загрубевшую, натруженную рулем мотоцикла тяжелую ладонь, как бы желая ощупью убедиться, что это именно и есть Иван, его сын, нарочито громко сказал:

— Ну, сыну, здорово! С прибытием!

Не отвечая и все еще не поднимая головы, Иван расцепил кулаки за спиной и вдруг рывком, так, будто его кто толкнул в спину, приблизился к отцу, и двое мужчин цепкими руками оплели один другого. И тут же поспешно, испуганно отошли друг от друга, то ли устыдились своих чувств, то ли все еще не верили тому, что вот наконец они встретились. Обоих мучило то, что после такой долгой разлуки им не о чем было говорить, и они молча подошли к окну. Иван тоскливо глядел на зеркальца озерков в пойме Егорлыка, а Афанасий Лукич — на сына... Да, в самом деле, не верилось, что этот рослый, диковатый парень, все такой же непокорный и угрюмый, и есть тот Ванюшка, которого шесть лет тому назад Афанасий Лукич отхлестал плетью...

Руки Иван опустил, они свисали вдоль туловища, ладони широкие, мясистые и точно налитые кровью — согни такую ладонь, и вырастет кулачище размером с боксерскую перчатку... И как только Афанасий Лукич посмотрел на эти свисающие, чуть согнутые в локтях сильные молодые руки, у него помутнело в глазах, куда-то отошел, отодвинулся стоявший у окна Иван, исчез кабинет, пропали степные дали... Давно, казалось, забытая картина, о которой не хотелось вспоминать, вдруг ожила и заслонила собой все... Вот он видит летнюю ночь над Журавкой и себя, идущего по притихшей, уснувшей улице. Афанасий Лукич возвращался от соседки Анисьи. Хмельной и злой, он прошел к жене. И в ту секунду, когда Афанасий Лукич, озверев, поднял кулаки над насмерть перепуганной женщиной, сзади кто-то заломил ему за спину руки, да так проворно и так сильно, точно схватил тисками. Это был Иван. Афанасий Лукич чувствовал на своей спине его молодое, упругое тело, а на затылке его тревожное, прерывающееся дыхание, но поверить не мог, чтобы Иван смог на такое решиться. Да и откуда у этого школьника взялась такая сила и такая смелость? Да и как он посмел поднять на батька руку? «Мамо, бегите, мамо! — крикнул Иван.— Бегите в Совет!..»

Всхлипывая, мать с мольбою посмотрела на Ивана, побежала, сгибаясь, из хаты и пропала в темноте. Афанасий Лукич матерился и, сдерживая закипавшую в груди злость, тряхнул плечами. Думал, что Иван отлетит, а тот еще сильнее, как клещ, впился в спину отца. Тогда Афанасий Лукич, багровея, рванулся со стоном, так, что хрустнули кости, а сбросить опять Ивана не смог.

— Ну, ну, брось эти шуточки, школяр! — прохрипел Афанасий Лукич, тяжело дыша. — Пусти, а то прибью, как щенка!

— Не отпущу, батя...

— Это как же так? — Через силу, зло усмехнулся.— Да ты что, чертов хлопец, сдурел? Ты чего от меня хочешь?

— Дайте, батя, слово, что не будете ходить к Анисье, а мать и пальцем не тронете...

— Учить меня? Пусти, сучий сын!

— Дайте слово, батя...

— Какое еще тебе слово? Ты кто такой? — Афанасий Лукич уронил голову: лицо, глаза заливал пот.— Слово? Чего вздумал! — Болезненно рассмеялся.— Да разве ты без слов не бачишь— уже я остыл... А здорово ты отрезвил меня, Иван... А насчет Анисьи тоже скажу. Не понять тебе, Иван, что оно есть за штуковина — баба... Э, не понять! Молод еще... Разве я сам хожу до нее? Ноги мои туда меня носят. Я не хочу, а они несут... Эх, Иван, Иван, безжалостный ты человек... Ну, отпусти свои клещи! Стыда нету! Хоть ты пожалей своего батька...

Иван был молод, он любил, как все дети, своего отца, и ему вдруг стало и жалко и обидно, и он расцепил уже онемевшие руки. И как же потом каялся, как ругал себя! Афанасий Лукич отскочил и тут же, не успел Иван оглянуться, схватил со стенки плеть со свинцовым наконечником и полоснул ею по Ивановой спине. Лопнула, как располосованная ножом, рубашка, взбух кровавый рубец. А Афанасий Лукич, не владея собой, остервенело бил и бил, пока тот, не в силах стерпеть ожоги свинца, выскочил в окно и бросился бежать. Афанасий Лукич с удивительным проворством настиг сына за воротами, не отставал от него и наотмашь, как шашкой, бил плетью... Выручил Ивана Егорлык. Иван подбежал к отвесной круче и, не замедляя бега, бросился в мутно черневшую воду и точно сгинул...

И вот через шесть лет встреча... Афанасий Лукич провел ладонью по лицу, точно стирая эту противную мутную пелену, открыл глаза. Иван стоял у окна и все так же тоскливо смотрел за Егорлык. Как знать, может, он искал глазами именно ту кручу, с которой сиганул в ту ночь... И как же Иван вырос и возмужал! Какие плечи, какие ручищи! «Теперь ежели и спереди схватит, не вырвешься,— с горькой усмешкой подумал Афанасий Лукич.— Только

Copyrighted material

лучше нам не схватываться и не мериться силой...» Иван был похож на отца, и это радовало Афанасия Лукича. Много в облике сына замечал родимых черт и черточек: и этот рост, и этот высокий лоб, и этот светлый шелк мягкой чуприны, и гордо посаженная, всегда чуть приподнятая голова... Узнавал и глаза, голубые-голубые, такие у матери — видно, предназначались для девушки, а достались парню. Афанасий Лукич все смотрел на Ивана и все больше радовался, видя его рядом с собой, и мысленно ругал себя за то, что тогда ночью так ненужно и глупо погорячился.

— Знать, потянуло, сыну, до ридной хаты?

Афанасий Лукич почувствовал, как сжалось сердце и боль от него подступила к горлу. Он отвернулся, мигая ресницами и скрывая от сына повлажневшие глаза.

Иван молчал, только брови его изгибались в болезненном изломе.

— Да, брат, родная хата... это такое... для души... тут все свое,— продолжал Афанасий Лукич и снова отворачивался и часто мигал ресницами.— Чего ж мы стоим, как на похоронах? Сядем, Иван, да потолкуем. Надолго в Журавку?

— Насовсем.

— Це добре...

Сели, задымили папиросами. Афанасий Лукич, комкая в жмене усы, посапывал, не знал, что сказать. Потом спросил:

— Расскажи, Ваня, как тебе жилось? Трудно, небось?

— Разно бывало... То служил в армии, то учился в техникуме.

— Отчего ж не писал, не подавал весточки?

— Так было лучше... Ты, наверно, думал, что в ту ночь я утонул... А я, видишь, выкарабкался и живу...

— Это ты что? Отмщать батьке заявился?

— И в думках такого не было.

— Так за каким же чертом старое ворошишь?

— Пришлось к слову...

— Вот что, Иван, раз ты возвернулся, то и требуется нам сразу до всего дотолковаться, раз и на всю жизнь.— Афанасий Лукич глотнул дыма, выпустил его сквозь усы.— То старое, что тогда случилось промеж нас, позабудь и выкинь из головы... Понятно тебе, Иван?

— Что ж тут не понять...

— Ты должон знать, сыну, что я теперь совсем не тот, что был, да и ты, вижу, тоже переменился,— с улыбкой продолжал Афанасий Лукич.— Да и жизнь наша за те годочки переменилась. Потрудился я для народа, до сей поры ночей не сплю, силов не жалею, людей своих возвеличиваю, и люди за это меня чтят, уважают... Погляди на грудь — блестит, знать, имею и доверие и любовь, да и вообще во всем перемены... Наш «Гвардеец» гремит на всю страну. А кто причиной? Афанасий Книга! А в Журавке, приглядись, сколько перемен! Жизнь наша не застаивается, как конь у коновязи, а летит, скачет... Без тебя и этот дом воздвигли — сразу повеселела Журавка. Далеко теперь нас видно! У меня тоже домишко новый — возле берега стоит, так и глядится в воду, как парубок в зеркало. В старой хате, в каковой ты родился, остался твой брат Григорий и мой батько — твой дедушка Лука. Ни за что старый не желает перебраться в новый дом... Тут, говорит, родился, тут и помру... А новый мой домишко стоит над кручей, место веселое...

— Как мать? — строго спросил Иван.

— Ничего... Живем.— Афанасий Лукич отворачивал лицо, курил жадно.— Сестра твоя Катя вышла замуж. В зятья приняли — мужчина попался немолодой, городской... Из тех, что спектакли сочиняют. Комедии пишет... Дите у них народилось, мальчишка. Так что ты уже дядя...

— Слыхал,— угрюмо буркнул Иван.— Мать-то как живет?

— Ну, чего озверился? Я же сказал, ничего живет... Что-то похварывает.

— Не от твоих ли кулаков?

— Не дури, Иван! — крикнул Афанасий Лукич, багровея.— Кому сказал: не тормоши старое... Или все еще таишь злобу? Так, что ли?

Иван резко поднялся, подошел к окну, сказал:

— Нет, не таю. Я приехал к тебе на работу.

— Известно, раз приехал, то без дела не останешься.

— Не об этом речь... Позови своего секретаря. У него бумага.

Неохотно Афанасий Лукич нагнулся к столу, пальцем поймал и нажал знакомую скользкую кнопку. Глухо, будто в стене, звякнул звонок. Саша, очевидно, ждал вызова и явился с пакетом в руке.

— Чего молчал? — сердито спросил Афанасий Лукич, беря пакет.

— Не успел доложить.

— Ну, иди, иди, Сашко...

Улыбнувшись Ивану черными веселыми глазами, Саша скрылся за дверью. Афанасий Лукич развернул письмо. Читал молча и долго. Усмехался — радовался или не верил написанному. Мял усы, кривил губы, кряхтел.

— Так, так... Значит, Ивана Книгу направили к Афанасию Книге? Чудно! — Через силу, с болью на лице улыбнулся, махнул рукой.— А без бумаги и приехать не смог бы? Все такой же... норовистый. Смотри, Иван, трудно тебе будет жить...

— Ничего, проживу.

Афанасий Лукич встал, прошелся по кабинету, заложив руки за спину.

— Кажется, совсем недавно бегал по Журавке малец Ваня, сын Книги,— мечтательно заговорил он,— а теперь уже мастер по воде... Как там тебя величать?

— Гидротехник.

— Да, словцо заковыристое! Ни твой дед Лука, ни батько и понятия о таком словце не имели... Молодец, Иван! — Афанасий Лукич присел к Ивану, положил ему руку на колено.— Ну, Ваня, а как в личных делах? Жинкой обзавелся?

Иван покраснел. Опустил голову, сказал:

— Пока еще парубкую.

— Что ж так? Помню, в твои годы я уже батьком был.— Смеясь и желая придать разговору шутливый, дружеский тон, прибавил: — Ну, ничего, сыну, мы эту упущению исправим. Подберем тебе журавскую красавицу... Сосватаем!

— Обойдусь и без сватов,— перебил Иван.— Так что не тревожься...

Опять воцарилось то тягостное молчание, от которого обоим было мучительно неловко. Афанасий Лукич закурил, протянул пачку Ивану.

— Ну, ничего, Иван,— сказал Афанасий Лукич глухим, упавшим голосом,— воды у нас нынче много, так что потрудись, попрактикуйся... Плохо, Иван, то, что не ладится у нас с водой. Воды много, а толку маловато...

— Отчего ж так?

— Может, оттого, что до сей поры не было у нас тут своего, журавского специалиста... Так что ты, сыну, берись за воду. И мне радостно, что ты приехал в родное село...

— Не радуйся, отец... Я приехал исключительно по просьбе матери. Ее жалко.

— Хорошо, хоть мать тебя заманила! — сердито сказал Афанасий Лукич, вставая.— А меня, погляжу, и за родителя не почитаешь... Помню, допреж на «вы» называл меня, батей звал, как и я своего родителя... А теперь и тыкаешь, как сверстнику, и отцом кличешь... Не годится это, Иван... В нашем роду такого еще не бывало.

— Не бывало, так будет...

— Злишь батька? Не зли, а то я дюже сердитый.

— Знаю...

— Ты хоть при людях почитай меня за родителя... Не тыкай при людях.

— Ладно... Постараюсь.

— Зря, зря, Иван, петушишься.— И снова Афанасию Лукичу хотелось смягчить свои отношения с сыном, и он, стараясь быть спокойным и веселым, сказал: — Дал бы о себе знать, можно было бы машину послать... У нас же их целый гараж!

— Приехал и так... Дорога-то знакома.— Иван смело, с усмешкой в голубых, материнских глазах посмотрел на отца.— А вот как мне добраться домой? Далеко отсюда ты построился?

Афанасий Лукич подошел к столу, поймал скользкую кнопочку, и Саша тотчас вырос на пороге.

— Саша! Скажи Ксении, пусть отвезет Ивана домой...

И опять Саша дружески, доверительно улыбнулся глазами Ивану и, повернувшись на каблуках, вышел.

— Помнишь Ксению Голощекову? — спросил Афанасий Лукич, поглаживая усы и улыбаясь.— Старшая дочка Ивана Голощекова... Она тебя отвезет... Так что поезжай, Ваня, искупайся в Егорлыке, отдохни... Я поехал бы с тобой, но меня, сам видел, люди ждут... У каждого ко мне дело, всем я, брат, нужен... Вечерком приеду. Поговорим обо всем, потолкуем по-родственному... Водочку пьешь? Не научился? Это хорошо. Но по рюмочке выпьем — ради твоего возвращения.

Иван не ответил и молча вышел из кабинета. А минут через десять явилась Ксения и, потупив глаза и стыдливо смеясь, сказала:

— Ой, Афанасий Лукич! Ну и сынок же у вас.. Бирюк бирюком!

— А что такое?

— Со мной разговаривать не стал и ехать не захотел... Я начала его уговаривать, говорю, что это же минутное дело — вмиг домчимся... Зверем покосился на меня... Да вы поглядите для интереса в окно...

По пыльной журавской улице, взвалив чемодан на плечо, горбясь и прихрамывая, шел Иван. «Эх, Ваня, Ваня,— думал Афанасий Лукич, глядя в окно,— узнаю и походку твою и нрав твой колючий... Может, зря ты возвернулся, может, и не надо было тебе, такому ершистому, сюда заявляться...»

Copyrighted material

На открытой площадке демонстрируется новейшая сельскохозяйственная техника. Фото В. Егорова и В. Кошевого.

Заметки с ВДНХ

ЗАМАХ ЖИЗНИ НАШЕЙ

Георгий РАДОВ

Потеснилось сельское хозяйство! Земледельцы гостеприимно уступили место химикам, животноводы — энергетикам, хлопкоробы — работникам транспорта. В самые нарядные дворцы выставочного городка властно вторглась индустрия...

Идут по аллеям редкие пока колхозные гости, смотрят на новые вывески павильонов и, кажется, ни капельки не обижаются на «ущемление» родного им сельского хозяйства. А чего обижаться? Куда интереснее теперь на выставке деревенскому человеку! Большой мир государства предстал перед ним, как и в жизни, во всем своем многоцветье, в теснейшем сплетении промышленности, земледелия, науки. И видно, явственно видно, как глубоко проникло во все поры нашего бытия индустриальное начало.

И, конечно же, океан техники! Такая несметная уймища великолепных машин, станков, приборов и воздушного, и земного, и водного назначения, что скромные тракторы и комбайны, которые еще вчера царствовали тут безраздельно, нынче вроде бы и неприметны. Но и у них есть поклонники. Подхожу к бетонной площадке, на которой, как стадо жирафов, сгрудились длинношеие силосорезки, и навстречу поднимается плотный, моложавый, веселый человек. Карманы его пиджака оттопырены, из них торчат брошюры, путеводители, проспекты. Знакомимся: Лукьянов Александр Тихонович, механик РТС из Павлова-Посада. Спрашиваю:

— Что, хороши машины?

— Это еще испытать надо, хороши ли... А вот много их, да еще разных...

Много разных... Давно ли, кажется, на всю страну — и на юг и на север — было у нас всего три марки тракторов?! Всего три марки! И со всех сторон неслось: да дайте же нам легкий трактор, но такой, чтобы он не утоп в болотах Северо-Запада! Дайте комбайн, чтобы он не опрокинулся на склонах предгорий! Дайте машину, чтобы она могла развернуться в садах! Дайте орудия для огородников, виноградарей, животноводов! И до каких пор каждый трактор будет возить пассажира-прицепщика?! Миллион прицепщиков на страну! Неужто нельзя их высвободить для полезной работы?!

Идешь сегодня от площадки к площадке и думаешь, что хотя и конструкторам и заводам не избежать критики, а все-таки прежде надо сказать им спасибо. Удивительно они разномастны и разнокалиберны, стада машин, вкрапленные в зеленый ковер выставки!

Тут же и завтрашний день нашей полевой механизации, работяги-универсалы — самоходные шасси. Одно сделано таганрожцами. Видно, наконец конструкторы вняли голосу колхозников, что негоже держать в хозяйстве комбайн с мотором, ежели он работает только месяц в году. Теперь мы видим навесной комбайн; его понесет на себе самоходное шасси, а когда окончится уборка, он будет снят, а шасси обратят в тягач или в самосвал, по мере надобности. Рядом три разных шасси Липецкого завода, на них можно поочередно навешивать культиваторы, сеялки, жатки, сенокосилки, свеклоподъемники... Раньше все эти и многие другие машины именовались «прицепными», а теперь на них таблички: «Обслуживающий персонал — тракторист». Один тракторист! Кончается профессия прицепщика...

— Значит, Александр Тихонович, это здорово, что много разных? — переспрашиваю я Лукьянова.

— Вот когда будет здорово...— говорит он.— Тогда будет здорово, когда у нас в РТС откроется примерно такая площадка, а на ней полный ассортимент машин. Полный для нашей зоны! Чтобы колхозники могли и пощупать машины, и опробовать их в деле, и выбрать, и купить все, что им надобно. А то узнают они из газет, что есть новая машина, пишут заявку, а мы им частенько в ответ: «Еще не поступала». Скорей, скорей надо разворачиваться заводам!

Что ж, и в этом есть свой резон!

* * *

— Куда обедать пойдем? В чайхану?

— Разумеется, в чайхану.

Спутник мой, Иван Михайлович, давний знакомый, белгородец, не командирован на выставку. Просто в день открытия по делам оказался в Москве, но вот уже второй день широко, по-степному, выхаживает по выставочным аллеям.

В чайхане курится дымок, черноволосый искусник-повар на глазах у всех ловко орудует шампурами, и так и кажется, что он не просто жарит шашлык, а дает представление.

Устраиваемся на веранде за крайним столиком. На третьем стуле мужчина, плечистый, широкогрудый, в высоких сапогах и соломенной шляпе. На коленях у него «авоська», битком набитая покупками.

— Д-да,— замечает Иван Михайлович.— Вот еще на что обрати внимание: шире стала выставка.

— Это в каком же смысле? — не понимаю я.— Доступнее, что ли?

— Да нет, доступной она всегда была. Но ты помнишь первую выставку, что после войны открылась? Как раз той весной назначили меня директором МТС. Колхозы слабенькие, трудодень пустой, с урожаями худо, с молоком и мясом вовсе из рук вон... И вот из этакой обстановки являюсь я на выставку, а тут — изобилие!

— Что ж, выходит, неправдивой была та выставка?

— Ну, зачем так... Правдивая она была! Без всякого вранья. Но это же был, так сказать, парад самых первых из передовиков.

— Но и сейчас это парад передовиков.

— А дистанция? Дистанция-то нынче вовсе иная! Много ли их было, колхозов, в оторвавшемся от нас авангарде? Десятки, может, сотни, а позади-то их море... Одна цифирка мне запомнилась с той поры. Только-только начали счет на сто гектаров, и вот, помню, прочел я на одном стенде: получил хороший колхоз пятьдесят центнеров мяса с сотни гектаров. Пятьдесят центнеров — не очень-то это густо по нынешней поре, но у нас-то в зоне МТС

Copyrighted material

было тогда только два центнера. Два и пятьдесят — примечаешь, какая дистанция? А сегодня, слыхал, по выставочному радио выступала Андреева, ну да, та самая Андреева, знаменитая тамбовчанка, колхоз имени Коминтерна... Говорит: в минувшем году получили они по сто двадцать центнеров! Ну, мы еще этого не достигли, а все-таки и у нас, середняков, уже семьдесят пять! Семьдесят пять и сто двадцать — вот те нынешняя дистанция между передовиками и середняками! А видел в «Украине» цифирь? Вся республика произвела по семьдесят два центнера мяса...

Наш сосед — он, как только заговорил Иван Михайлович, так и впился в него — отодвинул тарелку.

— Рес-пуб-ли-ка! — повторил Иван Михайлович.

— А вы, простите, не с Украины? — неожиданно спросил сосед, и я понял, что это не праздный вопрос. Темные холодноватые глаза соседа строго смотрели на белгородца.

— Нет, не с Украины, а что?

— Да уж больно все гладко у вас выходит! Середняки подравнялись к передовикам, а отстающих и вовсе нет...

— Ну почему нет отстающих? — несколько сконфузясь, возразил Иван Михайлович.— Но их же меньшинство! Ничтожное меньшинство! Кто сейчас выступает на выставке? Передовики-одиночки? Да нет же, целые области выступают, республики... Вот еще.— Он достал из верхнего кармана блокнотик, полистал.— Вот как с молоком нынче в России: по сто сорок семь центнеров взяли со ста гектаров, на сорок шесть центнеров больше, чем в Америке! Так это ж опять-таки не районная цифра, а республиканская! По всей республике так, да еще по какой — по РСФСР! Так чей же это парад? Авангарда? Да нет же, это парад большинства...

— То-то и обидно, что большинства.

— Это почему же обидно?

— Да потому, что если по-вашему рассуждать, так о меньшинстве нынче и говорить не стоит. Что, мол, оно решает, отстающее меньшинство, если целые области и республики достигли таких побед...

— Я не говорил так! — обиделся Иван Михайлович.

— Думали! — убежденно сказал сосед.— А я вот бродил по павильонам, радовался, а перед глазами у меня все ж таки было знаете, что? Лисий Бор! Это правильно: большинство нынче поднялось, это, так сказать, главная злоба дня, но Лисий Бор-то остался, а там и сейчас получают по три центнера мяса с гектара! У нас в районе восемнадцать колхозов: пяток — просто-таки отменные, еще десяток тоже в гору идут, а таких, как Лисий Бор,— три. Что ни год, меняют там председателей, а проку нет: землю не удобряют, урожай сам-три, от силы сам-четыре, коровенок — с гулькин нос... Я в РТС работаю, продали мы им технику, а точнее, в кредит отдали: нет у них капиталов. И что же с техникой? Уже поломали ее, а денежки не плачены...

— Но куда райком смотрел? — гневно спросил Иван Михайлович.— Райком, райисполком?

— Да они-то большинством утешаются. Боль-шин-ством! Третий год секретарь райкома хвалится: вот, дескать, было в районе пятнадцать отстающих колхозов, а теперь только три... Только! Но ведь все-таки три! И у них же земля! И люди там живут! Но наше начальство смотрит в районную строчку, а ее-то, эту строчку, большинство делает! Понимаешь, какая опасность? По районным цифрам его-то и не видать, Лисьего Бора, а он-то жив! Что ж его теперь, как заповедник оставлять до полного коммунизма?

Сосед вздохнул горестно, нахлобучил шляпу, окликнул:

— Девушка, посчитайте!

Расплатился, поднялся и, кивнув нам, пошел к выходу, гремя подковами сапог.

— Эх, не спросили, какой он области! — спохватился Иван Михайлович.— Ну, да бог с ним! Оно-то, по-честному признаться, и у нас в районе есть свой Лисий Бор. Один, правда. Как-то не пошло у него дело, да так и отстал от общего строя. Бельмо на глазу! Но в районе, верно, не очень беспокоятся. Когда десяток колхозов отставал, тогда тревожились, с напором действовали. А сейчас райком в основном с теми работает, кто тянет, кто решает, — с передовиками, с середняками. А этот, отстающий, как говорится, в своем соку... А нельзя и его поднять? Да если раньше мы к отстающим посылали только хорошего председателя, так теперь, когда он один остался, мы же можем туда десяток коммунистов бросить! Десяток умных! Рукастых! Чтоб вздыбили! Да если гуртом за него взяться, его можно на руках поднять! Не заповедники же заводить, на самом-то деле...

* * *

— Ты смотри, как пошла, как пошла королева!

Восклицание это я услышал в новом павильоне «Кукуруза», развернувшемся в скромном особняке на главной аллее. На прошлых выставках «королева полей» не имела собственных апартаментов, и люди охотно идут к ней на новоселье.

Приходят и прежде всего читают чеканные, категоричные ленинские слова: «...выработать ряд очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы и обучения крестьян культуре кукурузы...»

И несколько минут молча стоят у надписи, вновь и вновь поражаясь дальновидности Ильича, его проникновению во все детали хозяйства. И тут же многие впервые узнают, что кукуруза — это не только отличный корм, а и крахмал, и патока, и сиропы, и масло, и глюкоза, и спирт, и ацетон, и уксусная кислота, и гидрол, и фитин, а «кочерыжки», стержни початков, оказываются сырьем, из которого получается и каучук, и нейлон, и многое другое. И, подняв глаза на броскую диаграмму, люди восхищенно причмокивают: «Как пошла!»

Пошла она необыкновенно споро. Кукурузный клин за пятилетие вырос впятеро и развернулся почти на двадцати миллионах гектаров!

Впрочем, восторженные «Как пошла!» и «Как пошло!» то и дело слышишь в сельскохозяйственных павильонах.

Тут же, в гостях у «королевы», с фотографий глянули на меня знакомые лица Гиталова и Мануковского, кубанских селекционеров Хаджинова и Галиева.

Четыре года тому назад был я у Василия Степановича Пустовойта, и знаменитый, едва ли не самый результативный ученый мира, в ту пору по чьему-то недосмотру лишь кандидат сельскохозяйственных наук, сдержанно говорил, что, кажется, удалось перешагнуть «рубеж пятидесяти процентов». Это значило, что Пустовойт, взявшийся за подсолнухи, когда в их семенах было двадцать пять процентов масла, довел масличность до пятидесяти процентов! А сегодня мы видим на выставке подсолнухи, в которых уже пятьдесят два — пятьдесят три процента масла. Больше половины масла в семени! Но главное, «как пошло, как пошло!» Высокомасличными семенами лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда академика Пустовойта страна засевает три с половиной миллиона гектаров, и ежегодно дополнительно — только за счет усилий селекционера — в общий котел вливается двенадцать миллионов пудов масла!

Да, в этом особенность нынешней выставки: ненавязчиво, скупо, документально она показывает, в каком резвом темпе, с какой замашистостью наша деревня вводит в обиход жизни своей все новое, полезное, рациональное, что отыскано запевалами-смельчаками.

И когда узнаешь «новые» новости: видишь логиновский трактор без тракториста; или самоходное шасси; или когда узнаешь, что одесский свинарь Балан и калужский свинарь Шаршавенков в один год, не сговариваясь, вырастили, не применяя ручного труда, по тысяче свиней; или когда, наконец, читаешь, что Темижбекский совхоз в Ставрополье производит центнер пшеницы за одиннадцать рублей с копейками, тогда как колхозная пшеница обходится государству по шестьдесят с лишним целковых, — когда узнаешь все это, радуешься не только талантам затейщиков. Думаешь о том, что вот пройдет год, и мы снова придем сюда, на выставку, и остановимся у вчерашних «новостей», и, глядя на взмывшие ввысь кривые диаграмм, будем толкать друг дружку локтями, и восхищенно качать головами, и твердить в радостном упоении: «Как пошло! Как пошло!»

Таков замах жизни нашей...

КУКРЫНИКСЫ

Павел НОВИЦКИЙ

Кукрыниксы — творческое содружество трех художников: Михаила Васильевича Куприянова, Порфирия Никитича Крылова и Николая Александровича Соколова.

На отчетной выставке Кукрыниксов в залах Академии художеств СССР было выставлено множество известных и прославленных произведений этих художников.

Среди живописных картин Кукрыниксов останавливают на себе внимание глубоко содержательные, сюжетно насыщенные композиции «Бегство фабриканта» (1937), «Последний выход Керенского» (1957) и особенно знаменитая картина «Конец» (1948).

Кукрыниксы — мастера политической сатиры, шаржа и карикатуры. Но мы здесь будем говорить только об индивидуальных работах художников.

Их трое, но каждый обладает «лица необщим выраженьем». И все вместе имеют свое четвертое лицо, своеобразный единый стиль.

Михаил Васильевич Куприянов, мастер легкого, выразительного графического рисунка, оказывается великолепным живописцем, глубоко чувствующим поэзию городского пейзажа. Он видит улицы больших городов, полные движения, тяжесть камня, вросшего в землю среди зелени бульваров, умеет показать глубокие дали городских пространств и магистралей. Таковы его холсты «Москва. Дождь» (1943), «Москва» (1946), «Улица Горького» (1946), «Ленинград. Исаакий» (1949). Все его городские и пригородные пейзажи (например, «Архангельское») полны жизни, их продувает ветер, в них чувствуется движение воздуха. Еще более выразительны его морские пейзажи. И в них много ветра и воздуха. Соленый вешний ветер надувает паруса рыбацких шхун, лодки и баркасы скользят в воздухе, паруса плывут в голубом тумане, в дымно-сизом пространстве. Осенний ветер бушует на взморье, рвет снасти и поет злую песню о далеких и диких просторах. А утром волна чуть плещет у берегов и тихо рябит водную даль. Прекрасны все пейзажи Азовского побережья с его туманами, тишиной, чувственностью и часто со степными ветрами («Коса», «Геническ. Тихое море», «Ветер на море» и другие азовские морские пейзажи 1954—1955 годов). Художник мечтает о дальних пространствах и открывает своеобразную поэзию Азовского моря. В этих пейзажах преобладает серебристо-серая и зелено-голубая гамма, причудливая, как мечта.

Порфирий Никитич Крылов видит мир несколько другими глазами. У него тоже обостренное и нежное чувство природы. Только любит он яркое весеннее солнце, цветы, деревья, изумрудную зелень травы, детей, вообще бурный и щедрый расцвет жизни. Его прельщают итальянские пейзажи, но ближе сердцу русская природа. В его пейзажах ликует и переливается всеми красками весна. Он поэт цветов. Свежесть и яркость его этюдов, посвященных цветам, поразительны. Вот великолепный «Белый шиповник» (1952), совершенно живой и ароматный. Вот «Ветка цветущей яблони» (1955). Вы видите одну живую, цветущую ветку, а чувствуете весну на всей земле. Вот белая сирень, флоксы, красные и пунцовые розы. Даже герань благоухает. Именно Крылов с его свежестью и страстностью восприятия должен был написать портреты кормящей матери и корейской танцовщицы Ан Сон Хи (1952). От всех работ П. Н. Крылова остается впечатление душевного здоровья и воинствующего жизнеутверждения. И при этом экономия изобразительных средств — ничего лишнего, строгая четкость рисунка, свежесть колорита, выразительность образа.

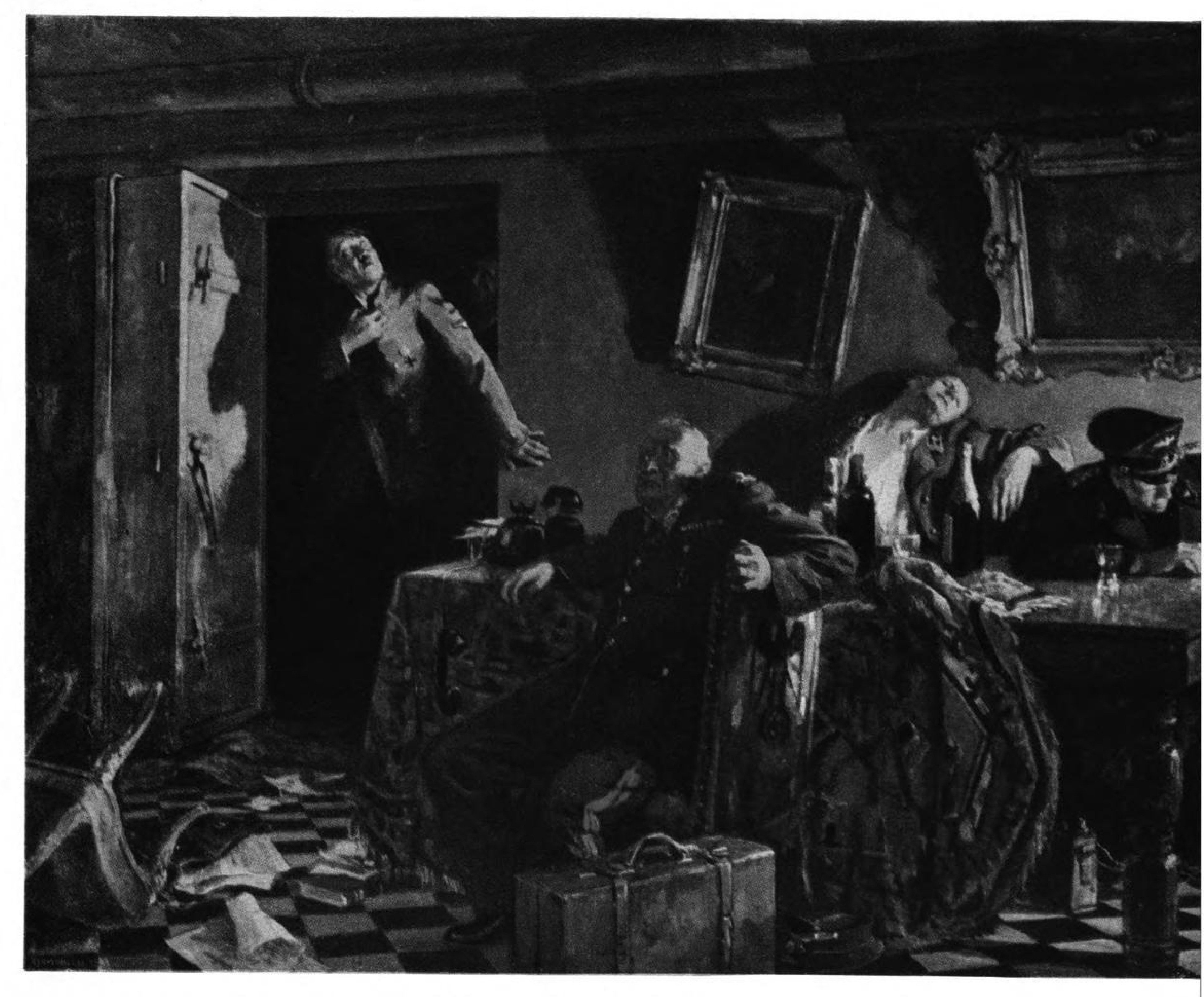
Николай Александрович Соколов, несмотря на свое грозное сатирическое оружие (а вероятно, благодаря наличию этого оружия), оказывается автором превосходных живописных этюдов, полных затаенной грусти, светлой печали и лирического раздумья. Прекрасны его голубые этюды «Морозное утро в Москве» (1946), «Новый мостик» (1947). Невольно останавливаешься перед его лирическими вечерними пейзажами. В них слились глубокая задушевность русской природы и величайшая чуткость души художника. Задумчивая, добрая улыбка, иногда лукавая, иногда грустная, светится в этих пейзажах. Это чистейшая лирика, пронизывающая и захватывающая человека целиком, выражающая взволнованность и страстное отношение художника к изображаемой действительности, бесконечную любовь его к своему народу и настоящую личную заинтересованность в делах своей страны и всего мира. Н. А. Соколов создал целый цикл лирических пейзажей, выражающих поэзию вечера. Таковы «Тихий вечер. Плес.» (1952), «Волга у Плеса» (1952), «Вечера на Волге» (1952), «На Москве-реке» (1940).

В тишине этих вечеров — глубокое раздумье о жизни, о человеческой судьбе, о родной земле. По своей лирической силе они родственны пейзажам Левитана и Шолохова (в романе «Тихий Дон»).

Именно Н. А. Соколов должен был написать лирический портрет артистки Л. О. Гриценко и нарисовать портрет Горького (1928). Горький показан взъерошенным, напряженным, взбудораженным, весь на взводе. Это почти шарж, но он полон такой любви к писателю, с такой сердечной теплотой нарисован, что превратился в лирический портрет. А у Л. Гриценко Н. А. Соколов увидел взгляд, выражающий душу, и портрет ее как задушевная песня.

Вот они какие, эти злые сатирики и грозные обличители зла! Сколько поэзии, нежности и благородства в их индивидуальных работах!

Copyrighted material

КУКРЫНИКСЫ (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов). КОНЕЦ. 1947—1948 годы.

Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

М. Куприянов. МОСКВА. ДОЖДЬ. 1943 год.
КОСА. 1956 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

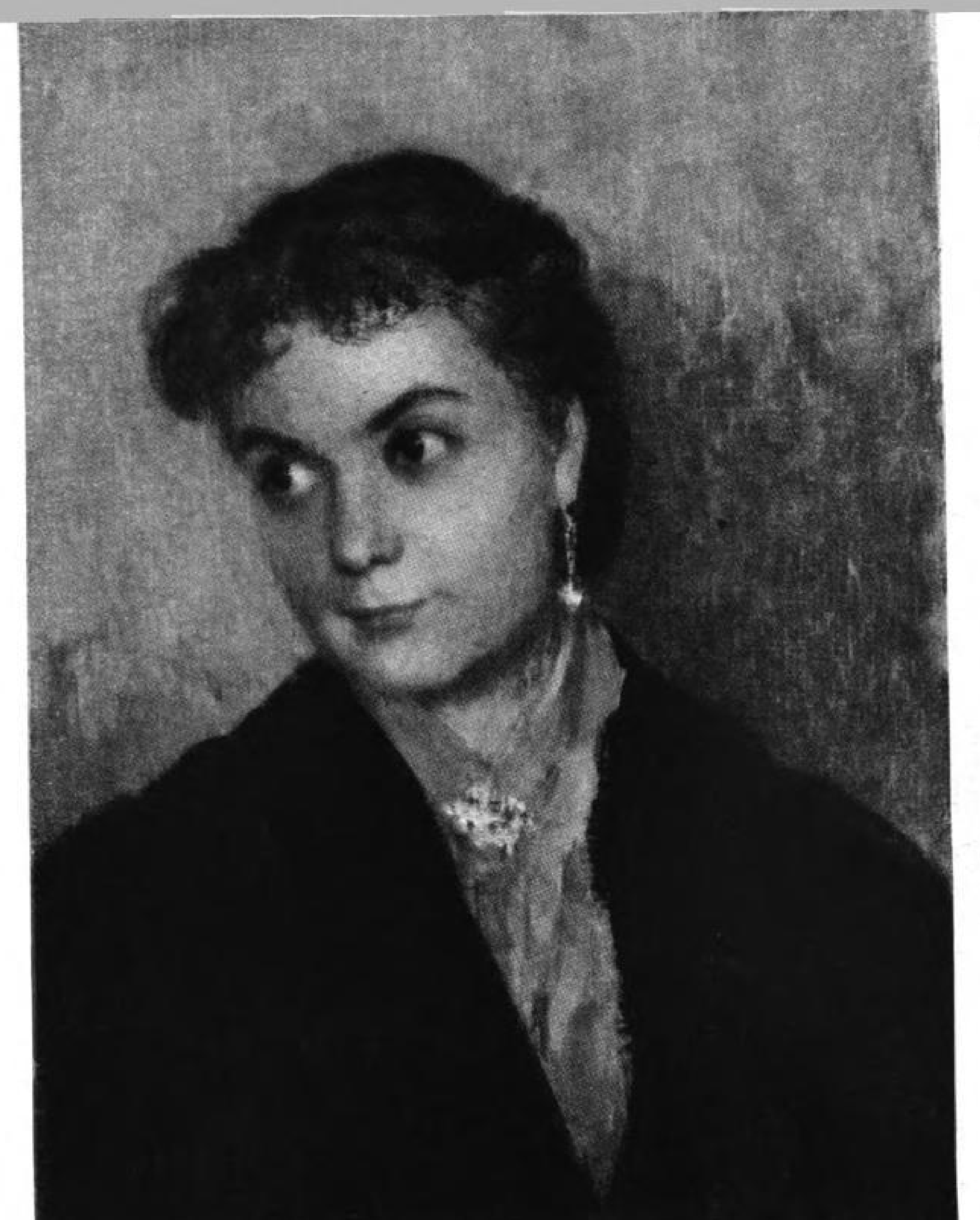
П. Крылов. БЕЛЫЙ ШИПОВНИК. 1952 год.

Государственный Русский музей.

ПОРТРЕТ КОРЕЙСКОЙ ТАНЦОВЩИЦЫ АН СОН ХИ. 1952 год.

Киевский музей русского искусства.

Н. Соколов. НАРОДНАЯ АРТИСТКА РСФСР Л. О. ГРИЦЕНКО. 1956 год.

ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР. 1953 год.

Copyrighted material

СВЕТ ИЗ ЧУЖИХ ОКОН

Рассказ

Николай ЕВДОКИМОВ

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

Мотя любила сидеть на подоконнике и смотреть с восьмого этажа на просыпающуюся улицу. Отсюда, сверху, все казалось игрушечным, новым. Трава в сквере перед домом была ярко-зеленой, свежей; тротуары, только что политые дворниками, будто зеркальные, отражали и дома, и деревья, и людей. По мостовой, тяжело урча, вереницей шли самосвалы. Нагруженные кирпичом, цементом, досками, они появлялись каждое утро в одно и то же время; от их тяжелой поступи звенели стекла в окнах, и даже сюда, на восьмой этаж, долетал пронзительный запах бензина.

Мотя знала, что сейчас одна из машин остановится, из кабины выпрыгнет шофер, обязательно поправит двумя руками на голове кепку, перейдет улицу, трамвайную линию и подбежит к табачному киоску возле кинотеатра. Возвращаясь к машине, он на ходу будет зажигать папиросу, а потом, открывая дверцу кабины, поднимет голову и посмотрит зачем-то вверх, на дом, в котором живет Мотя. Каждый раз Моте кажется, что это он на нее смотрит, и, усмехаясь, она прикрывает рукой рот. Мотя не видит его лица с такой высоты, но уверена, что он молод и красив. Самосвал уезжает, а Мотя, проводив его глазами, начинает разглядывать людей на троллейбусной остановке. Еще совсем недавно в эти часы на остановке собиралась целая толпа, и Мотя от души смеялась, наблюдая, как люди все сразу налетали на подъезжавший троллейбус, вталкивали друг друга в узкую его дверцу. Ей очень жалко было одного мальчика в школьной форме, который никак не мог сесть и пропускал, наверно, с десяток машин. Каждый день он, очевидно, намного опаздывал в школу. Теперь же, после того, как открылась новая линия метро, людей на остановке было мало, и Мотя уже ни разу не видела этого мальчика.

Пустынная до восьми часов улица ровно в восемь сразу становилась оживленной, многолюдной — единой густой толпой люди шли к метро. Толпа эта была пестрой, разноцветной, веселой, как праздничная демонстрация. И таким же разноцветным, веселым становился поток машин. Теперь уже не самосвалы, а легковые машины были хозяевами широкой мостовой. Обгоняя друг друга, они мчались легко, почти бесшумно и сверху казались совсем игрушечными, может быть, только чуть-чуть больше, чем заводной Леночкин автомобиль. К половине девятого машин становилось меньше, редела толпа, а еще минут через пятнадцать Мотя уже могла бы сосчитать каждого человека на улице; это были главным образом женщины с раздутыми от покупок сумками. Снова появлялись самосвалы. Пустые, они шли теперь в другую сторону, прижимая редкие легковые автомобили к самому краю мостовой.

В сквере перед Мотиным домом появлялся милиционер. Мотя иронически поджимала губы и ждала продолжения событий. На милиционера она не смотрела, а вглядывалась в противоположную сторону улицы. Со двора дома, в котором помещается обувной магазин, выскакивала к кинотеатру Анька, покупала у лоточника «эскимо» и вприпрыжку перебегала улицу, размахивая пустой сумкой-«авоськой». Она останавливалась около милиционера и что-то долго рассказывала ему, покачиваясь из стороны в сторону, будто танцевала.

Анька — самая веселая, самая отчаянная из всех Мотиных знакомых домработниц. Она сама говорит, что обведет вокруг пальца даже черта, и Мотя ничуть не сомневается в этом. Мотя завидует Аньке. Завидует ее умению постоять за себя: такую, как Анька, никто не посмеет обидеть,— ее острому языку, ее способности быстро сближаться с людьми и особенно ее легкости в обращении с многочисленными своими ухажерами.

Мотя знает: Аньке нравится жизнь домработницы, она никогда не испытывала того чувства бездомности, которое нет-нет да посещало Мотю. Анька часто переходит работать с места на место, и она даже любит, как сама говорит, «менять обстановку». За пять лет, которые Мотя живет в Москве, она тоже немало покочевала по разным квартирам, и ей надоело спать на раскладушках где-нибудь в общей кухне или в тесных, пыльных прихожих. Надоело во всем исполнять чужую волю, чужие желания.

Сейчас Мотя вполне довольна жизнью и очень боится потерять свое место. Теперь у нее есть и своя кровать, и спит она не на кухне, а в комнате. И работы у нее не так уж много; целый день она одна в большой квартире. Отведет Леночку в детский сад и, по существу, может делать, что хочет. Мотя почти счастлива. Почти, потому что только одного не хватает ей в жизни — любви.

В деревне под Орлом, где Мотя родилась и выросла, живет Санька Жмыхов, который два года присылал ей в Москву письма. Санька нравился Моте, но она была плохим стратегом и замучила его своими насмешками. Он даже в Москву приезжал к ней, предлагал выйти за него замуж, но Мотя, исходя из твердой уверенности, что Санька никуда от нее не денется, только сходила с ним в кино, а на его предложение ответила:

— Гляди-ко, какой ты в самом деле прыткий!

Мотя до сих пор жалеет, что жестоко обошлась с Санькой Жмыховым и упустила свое счастье. Чем больше проходит времени, тем

Copyrighted material

все острее чувствует она, какую глупость совершила тогда.

Моте очень хочется замуж, она не может, как Анька, встречаться то с одним, то с другим, хотя и завидует Анькиному успеху у парней. Каждое Мотино знакомство обычно заканчивалось в тот же вечер. Постояв с ней на лестнице, где-нибудь между шестым и седьмым этажами, поиграв руками и убедившись, что Мотя — девушка строгая и рассчитывает не больше, не меньше, как выйти замуж, новый ухажер бесследно исчезал. Так исчез солдат Иван, шофер Анкундин, водопроводчик Петр. Вот и этот милиционер, который разгуливает сейчас в сквере перед домом, начал ухаживать сначала за ней, Мотей, а потом переметнулся к Аньке. Мотя не сердится ни на него, ни на Аньку; ей только немножко грустно и обидно.

Она видит, как Анька танцует возле милиционера, и отходит от окна, осуждающе покачивая головой.

Пока Леночка спит, Мотя прибирает в кабинете Алексея Сергеевича. Уже три месяца, как Алексей Сергеевич работает в Индии, строит там какой-то завод. Мотя очень гордится этим и даже в очереди в магазине не забывает рассказать, как далеко уехал Алексей Сергеевич.

На пятом этаже Мотиного дома живут муж и жена индийцы. Прежде, встречая их, Мотя с робостью и почтением проходила мимо, теперь же, после отъезда Алексея Сергеевича, она набралась храбрости, познакомилась с ними и уже считает хорошими своими приятелями. Она узнала, что они работают в научно-исследовательском институте, что приехали из города Дели, где очень жарко и где по улицам разгуливают священные быки. Далекая Индия стала для Моти близкой страной. Она пересмотрела все индийские кинофильмы, выучила множество песен. И сейчас, вытирая пыль с книжных полок, она напевает «Бродяга я»; эта песня ей нравится больше других.

В кабинете Алексея Сергеевича теперь живет Ольга Ивановна, другую комнату она отдала в распоряжение Моти и Леночки. Ольга Ивановна — химик, недавно она выступала по телевизору, рассказывала о заводе, на котором работает. Очень спокойная, очень вежливая и ласковая, Ольга Ивановна всегда нравилась Моте, но, увидев ее на экране телевизора, Мотя прониклась к ней почтительным уважением. Анька говорит, что в последнее время Мотя заважничала еще больше, но Мотя хорошо знает, что это она болтает из зависти.

Услышав, как по коридору протопала Леночка, Мотя спряталась за книжный шкаф. Приоткрыв дверь, Лена удивленно оглядывала пустую комнату.

— Тетя Мотя, ты где?

Мотя молчала, беззвучно хихикая в кулак.

— Я знаю, ты опять спряталась.

Высунув голову, Мотя пропела:

— Ку-ку!

— Когда-нибудь ты меня очень испугаешь,— сказала рассудительная Леночка,— и я сделаюсь дурочкой.

— Ну да, тебя испугаешь!

— Я храбрая, да?

— Даже очень,— ответила Мотя,— только ты много болтаешь, завтракать иди, опоздаешь в детский сад.

Она схватила под мышки Лену, потащила на кухню.

— Ой, опять манная каша! — воскликнула Лена, но за стол села и, морщась, самоотверженно стала есть.— У тебя нет никакой фантазии, тетя Мотя.

— Не ври, пожалуйста,— сказала Мотя.— Ешь, что дают.

— Я и ем,— печально проговорила Лена.— Я могу ничего не есть, мне нужно закаляться. Вырасту, в ракете на Марс полечу, а там, может, вообще ничего не придется есть.

— Не воображай из себя, сумасшедшая! — строго сказала Мотя.— Нам уходить пора.

— А тебе хочется на Марс полететь? — спросила Лена.

— Что я, дура, что ли, мне и здесь хорошо,— ответила Мотя и рассердилась: — Довольно языком чесать, идти надо!

Они уже подошли к двери, когда раздался звонок. Это пришла из соседней квартиры домработница Зина попросить соли. Мотя не любила ее, пренебрежительно называла «интеллигенткой», потому что Зина училась в каком-то техникуме и всегда, даже в очереди, читала книги. И одевалась Зина по-модному, не хуже своей хозяйки. И разговаривала как-то особенно, по-интеллигентному, и встречалась она с каким-то лохматым студентиком в очках. Мотя часто видела из окна, как они прогуливаются возле дома по вечерам и все говорят, говорят о чем-то, наверное, на всякие научные темы. Вот скучища, умрешь!

— Нет у меня соли,— сказала Мотя.— Вечно ты побираешься.

Зина слегка покраснела, но сразу же засмеялась:

— Чего ты злишься? Нет — и не надо, в магазин сбегаю. Вчера купить не успела: экзамен сдавала.

— Пятерку получила, да? — обрадовалась Лена.

— Нет, Леночка, тройку поставили.

— С книгами все ходишь, а учишься плохо,— не без злорадства проговорила Мотя и, взяв Лену за руку, стала спускаться вниз.

Когда они вышли во двор, Лена спросила:

— Разве у нас соли нет?

— Не суйся, пусть в магазине купит. А то воображает много. Подумаешь, птица какая, ходит, будто барыня!

— Она умная,— сказала Лена.— Она все знает.

Детский сад был недалеко: нужно только перейти улицу. Сдав Лену воспитательнице, Мотя вздохнула с облегчением: от Лениной болтовни у нее всегда начинала болеть голова. Всякий раз, освободившись от Лены, Мотя чувствовала себя так, будто проделала тяжелую работу.

Сегодня Мотя решила сделать себе выходной день. Ольга Ивановна уехала на два дня в командировку, вернется только завтра вечером, и можно было повременить со всякими домашними делами.

Сначала Мотя предполагала пойти в кино, но картина шла старая, и, потолкавшись около кинотеатра, она купила мороженое и побрела по улице, разглядывая витрины магазинов.

Широкий Ленинский проспект стремительно уходил в гору, солнце поблескивало в окнах новых домов, дул в лицо ветер, срывал косынку с Мотиной головы.

Еще прошлым летом на той стороне проспекта стояла деревянная изба; старая липа, властно расстелив по ее крыше свои ветви, грела их на солнце. Она казалась огромной тогда, эта липа, придавившая ветхую избу, которая, словно под тяжестью ее ветвей, скривилась и вросла в землю. Мотя хорошо помнит эту избу, так похожую на ту, в которой она прожила полжизни в родной деревне. Сейчас уже нет этой избы, вместо нее возвышается огромный восьмиэтажный домина. Избы нет, но липа осталась. Она стоит у подножия дома такая маленькая, такая покорная, и теперь солнце падает на нее, только отражаясь от окон соседних домов.

Три дня назад сняли забор вокруг строительной площадки, и сейчас машины разравнивают улицу, экскаватор сбрасывает в грузовики ненужный хлам, женщины моют окна.

Несколько месяцев назад, в очереди в обувном магазине, Мотя познакомилась с девушками-штукатурами, среди которых оказалась одна, Вера, из Мценска. От Мценска до Мотиной деревни около тридцати километров, и Мотя очень обрадовалась, встретив свою землячку. Этим знакомством Мотя гордилась, наверно, не меньше, чем знакомством с индийцами. Ее землячка была бригадиром на стройке, и хотя Мотя с тех пор встречала ее всего раза два, все же причисляла к самым близким своим друзьям, а дом, где работала Вера, уже считала в какой-то мере своим.

Мотя перешла улицу, бесстрашно пробежала под ковшом экскаватора, показала язык молоденькому рабочему, обругавшему ее, завлекательно посмотрела на шофера грузовика, перепрыгнула через яму и вошла во двор дома, заваленный строительным мусором.

Она толкалась среди рабочих, ища Веру, и не находила. Мотя явно мешала здесь, на нее покрикивали, но окрики эти только веселили ее. Она смеялась, огрызалась и, наконец, завоевала симпатию какого-то высокого парня в берете, который, хлопнув ее тяжелой ладонью по спине, крикнул:

— Жениха, что ли, ищешь? Меня бери, я самый красивый!

— Тощий ты больно! — ответила Мотя и увидела Веру.

Вера шла через двор, таща ведро с раствором цемента. Шла она медленно и в своем грязном ватнике и таких же грязных сапогах показалась Моте такой усталой, грустной, что Мотя от души пожалела ее и даже почувствовала нечто похожее на превосходство: ей, Моте, конечно, живется куда лучше.

Copyrighted material

Вера увидела Мотю, поставила на землю ведро и спросила:

— Ты чего тут делаешь?

— Да просто так,— ответила Мотя.— Я сейчас свободная, гуляю.

— Красивый дом, а? — спросила Вера, и Мотя уловила в ее голосе грусть.

— Ага, хороший! — ответила Мотя.

Дом ей и в самом деле нравился, хотя тот, в котором она жила, казался ей несравненно лучше: он был самым большим во всем районе, самым высоким — целых четырнадцать этажей! — и Мотя очень гордилась, что живет именно в этом доме. Даже остановка автобусов и троллейбусов называлась в честь Мотиного дома: «Дом преподавателей МГУ».

— Очень мне даже нравится, только этажей маловато.

— Хватит! — Вера засмеялась. — А ты, я вижу, высоту любишь. Шла бы к нам работать, у нас работа и под облаками найдется.

— Ну да еще, — сказала Мотя,— измучаешься тут! Вон какая ты...

— Какая? — удивилась Вера.— Глупая... Мы через неделю уходим отсюда на другую площадку... Вот мне и грустно немножко.

Мотя не поняла, отчего это Вере грустно, но выспрашивать не стала. Да и не поверила она ей: чтобы на такой работе не измучиться — чепуха! Вера взяла с земли ведро — от напряжения икры ее ног напряглись, будто похудели сразу,— и сказала:

— А ты, правда, приходи к нам работать. У нас весело, хорошо...

Мотя поджала губы, ответила:

— А мне и так не плохо. У каждого своя квалификация.

— Да, у тебя квалификация замечательная,— усмехнувшись, сказала Вера, и, увидев эту усмешку, Мотя рассердилась не только за себя, но и за всю «корпорацию» домработниц.

— А что ты думаешь? — запальчиво воскликнула она.— Домработницы, знаешь, как сейчас ценятся!

— Ладно, ладно,— примиряюще сказала Вера,— не обижайся. Ну, я побегу, а то девчата заждались.

Она вошла в подъезд дома, а Мотя побрела через двор на улицу. Она обиделась на Веру и жалела, что зашла сюда: только испортила себе настроение. Однако Мотя не умела долго предаваться душевным переживаниям. Так было хорошо вокруг, так празднично светило солнце, зеленели деревья вдоль проспекта, цвели тюльпаны на газонах, что Мотя почувствовала, как отлегло у нее от сердца, и она великодушно простила Веру. Мотя рассматривала витрины, заходила в магазины и, хотя ничего не покупала, деловито спрашивала цены. В магазине электротоваров она долго разглядывала загадочное приспособление, называемое «увлажнитель воздуха». На стене висела черная тарелка, из середины которой бил неиссякаемый водяной фонтанчик. Мотя никак не могла понять, куда же девается вода, и хихикала:

— Чего только не придумают люди!

Наконец ей надоело толкаться по магазинам, и, купив в кондитерской булочку, она села в автобус, который повез ее на Ленинские горы, к университету. Ей еще не скоро идти за Леной, и она успеет осуществить давнее свое желание — покататься на речном трамвае по Москве-реке. Автобус, промчавшись мимо станции метро, въехал за высокую чугунную ограду, на территорию МГУ. Он долго кружил вокруг здания университета, вдоль его неисчислимых садов и аллей.

Мотя выскочила из автобуса, вприпрыжку перебежала шоссе и уже начала было спускаться по гранитной лестнице к набережной, но остановилась. Какой москвич хоть в сотый раз не залюбуется всегда новой панорамой Москвы, открывающейся отсюда, с высоты Ленинских гор! А Мотя за пять лет жизни в Москве все больше становилась москвичкой, поэтому и не могла она равнодушно сбежать вниз.

Белый круг солнца, прикрытый жидким облаком, висел между Мотей и университетом, солнце вместе с Мотей смотрело на ту сторону реки, где в фиолетовой дымке лежал огромный город. Солнечные лучи, как сквозь решето, по одному просеивались через облако вниз. Вот один зажег золотой купол колокольни Ивана Великого в Кремле, другой ударился о верхушку черной телевизионной башни на Шаболовке и стремительно побежал по ней все ниже и ниже, будто выжигая тончайший кружевной узор. На глазах у Моти башня стала прозрачной, словно сделанной из паутины. И вдруг вспыхнули, загорелись и небо и земля. Мотя даже зажмурилась на мгновение от ослепившего ее света. А когда она открыла глаза, город щедро и радостно играл красками всех цветов и оттенков. Это ветер отогнал облако, и солнце, как огромный прожектор, светило только на тот берег, оставив в тени университет.

Мотя видела: по белой, будто снегом покрытой реке бежал белый речной трамвай. Круглый стадион в Лужниках отражал многочисленными своими окнами синее небо. На новом двухъярусном мосту, круто выгнувшем свою спину, плыли машины, а под ними, ясно различимый сквозь тускло блестевшие стекла станции метро, полз голубоватый поезд. Розовые стены домов на Фрунзенской набережной блестели, как полированные, и даже бурые башни древнего Новодевичьего монастыря казались сейчас старательно отмытыми. Далекие высотные дома торжественно, как факелы, держали на недосягаемой вышине свои шпили. А дальше, у самого горизонта, дымились трубы заводов, тянулись к небу длинные шеи башенных кранов. Их, этих кранов, было так много, что казалось, они обступили город надежной защитной стеной, как верные солдаты.

«Ничего себе, красиво»,— подумала Мотя. Недалеко от нее, у самого края мостовой, остановился красный автобус с надписью «Экскурсионный». «Иностранцев привезли»,— констатировала Мотя, и лицо ее стало таким, словно приготовилась она через щелочку в двери подслушать чью-то тайну. Но из автобуса выходили не иностранцы, а обыкновенные русские экскурсанты, и Мотя разочарованно отвернулась. Однако сейчас же снова обернулась: ей показалось, что увидела она чье-то очень знакомое лицо.

Удивительно, из автобуса спрыгнула на землю и остановилась в пяти шагах от Моти Катя Шестеркина. Катя, с которой Мотя училась в одном классе, с которой вместе пришла работать на ферму; они даже соревновались между собой, пока Мотя не надумала уехать в Москву, и Катя никак не могла догнать Мотю хоть на два литра, а Мотины коровы неизменно давали больше молока.

— Катька! — так, словно звала на помощь, отчаянно крикнула Мотя, и, прежде чем Катя успела обернуться, она уже оказалась в крепких Мотиных объятиях.— Ой, как интересно! — говорила Мотя.— Глядите-ко, где встретились!.. А ты, значит, на экскурсию приехала?

— Ага, вот возят, показывают,— ответила Катя.— А ты чего пропала, писем даже не шлешь?

— А ну их, не люблю писать.— Мотя говорила и разглядывала Катю.

Катя очень изменилась за эти годы и, как определила Мотя, не в лучшую сторону. Она была будто крепко сбитый паренек: лицо обветрилось, погрубело, плечи раздались в ширину, шершавыми, большими стали ладони, и даже походка сделалась тяжелой, мужской. Одета Катя была в новый темный костюм, но костюм этот был и немного старомоден: длинная юбка, жакет с высокими плечами — и узковат. Сразу видно, что приехала Катя из деревни. Рядом с ней в своем крепдешиновом платье, в желтых немецких босоножках, с шестимесячной завивкой на голове Мотя выглядела настоящей горожанкой, и, чувствуя это, она уже смотрела на Катю не то чтобы высокомерно, но слегка покровительственно.

Люди, вышедшие из автобуса, гуськом направлялись через шоссе к университету за девушкой-экскурсоводом, которая, как заботливая воспитательница детского сада, поминутно оглядывалась назад, грозно призывая их не отставать. Катя глянула им вслед, но махнула рукой:

— Догоню. Рассказывай, как живешь.

— Замечательно живу,— ответила Мотя и, будто давно ждала этого вопроса, сразу торопливо заговорила, захлебываясь от гордости и самодовольства.

Она рассказала Кате и об Алексее Сергеевиче, уехавшем в Индию, и об Ольге Ивановне, выступавшей по телевизору, и о знакомых индийцах, и о Вере-бригадире, и даже о доме, в котором живет, самом большом в районе, и о квартире с горячей водой, мусоропроводом, телефоном, и о Леночке, собирающейся лететь на Марс. Говорила она так, словно это именно она, Мотя, выступала по телевизору, ездила в Индию, строила дом и собиралась лететь на Марс, словно это она, Мотя, была хозяйкой квартиры и ей одной оказана честь жить в самом большом доме.

Катя сначала слушала с интересом, а потом облокотилась о розовый гранитный парапет и стала смотреть на Москву.

— Ты о себе расскажи, как ты-то живешь? — спросила она, когда Мотя наконец выговорилась.

— Вот глупая,— искренне удивилась Мотя,— а я тебе про что толкую?

— Значит, ты по-прежнему в домработницах?

— Угу,— радостно подтвердила Мотя.

— А я-то думала...

— Не, я не пошла на производство. Чего там не видела? Ну, а ты как живешь? На ферме все?

— На ферме! — Катя вдруг оживилась, и отчужденное до этой минуты лицо ее подобрело.— Ты помнишь, Мотя, у меня телушка была Партизанка? Ну, такая, с белым пятнышком на лбу? Она, знаешь, теперь рекордсменка.

— Да ну, ишь ты! — скорее из вежливости, чем искренне удивилась Мотя. —Замухрышистая такая ведь была...

Copyrighted material

Моте не очень интересно было все это слушать, хотя и делала она ужасно заинтересованный вид. Ей не терпелось спросить про Саньку Жмыхова, но у нее не хватало духу. Она размышляла, как бы сделать это подипломатичней, но, так и не придумав ничего, изобразила на лице скучающее равнодушие и сказала:

— Санька Жмыхов как-то в Москву приезжал. Видела я его: чудной! Как он там?

— Жмыхов-то? А ты разве не знаешь? Он ведь техникум в Орле окончил, агрономом у нас работает. Его теперь Александром Ивановичем все величают.

— Да ну? — Мотя даже обомлела. — Врешь!

И неожиданно она почувствовала, что очень устала, что давно не ела, что ей зябко. А Катя безжалостно продолжала:

— Он ведь женился недавно, Груню Макарову взял.

— Ну, а сестра моя как живет? — только затем, чтобы хоть что-нибудь сказать, спросила Мотя. Но она уже не слушала, что отвечала Катя. Лишь одного ей сейчас хотелось — поскорее уйти. Никогда не могла она предположить, что Санька Жмыхов останется так близок ее сердцу.

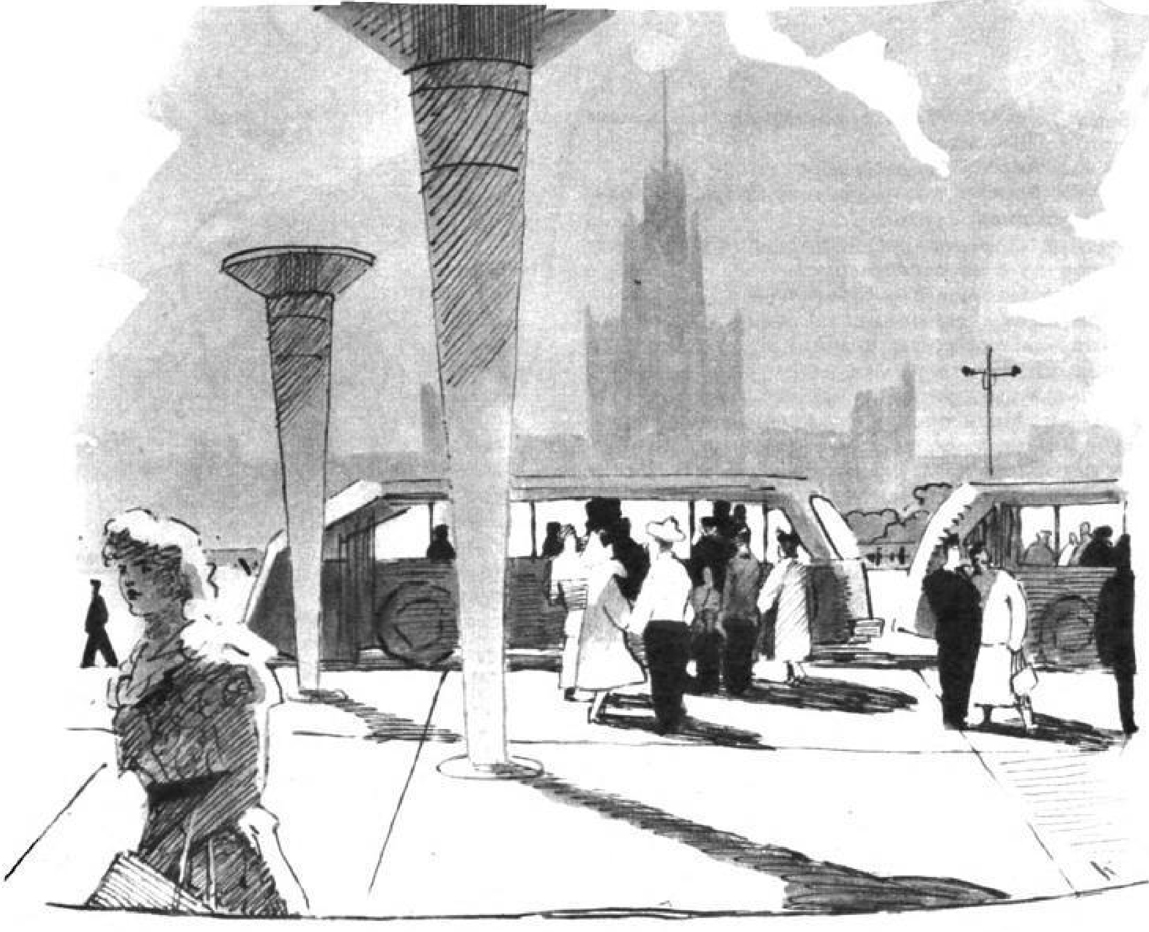
Увидев возвращающихся к автобусу экскурсантов, Мотя почти с радостью воскликнула:

— Вот и твои идут! Опоздаешь... Ты еще в Москве ведь будешь? Ко мне заходи. Телефон запиши.

Автобус взревел мотором, какая-то женщина, высунувшись из окна, звала Катю, девушка-экскурсовод сердито махала ей рукой. Катя чмокнула Мотю в щеку, вскочила на подножку и, уже стоя в автобусе, торопливо записывала телефон, который прокричала ей Мотя.

...Мотя шла домой. Так и не покаталась она на речном трамвае, но даже если бы у нее и было время, все равно бы вернулась домой: она очень устала сегодня. С той минуты, как автобус увез Катю, Мотя почувствовала облегчение, но странный, охвативший ее озноб не проходил.

Она думала о Саньке Жмыхове, навсегда ушедшем из ее жизни, о Саньке, ставшем агрономом. Она представляла рядом с ним Груню Макарову, а видела не ее, а себя, Мотю. Это она, Мотя, жена уважаемого человека, Александра Ивановича Жмыхова. Это их новый дом блестит на солнце зеленой крышей, это она, Мотя, сзывает кур у крыльца, это она срывает яблоки в собственном саду и сажает тесто в пылающую огнем печь. И только ей одной на берегу реки под звездами играет Санька на баяне жалостливые песни про любовь.

Мотя уже подходила к дому, когда брызнул веселый грибной дождик. Сверкая на солнце, он прошелестел по деревьям, по траве и, обмыв тротуары, умчался куда-то в сторону Внукова. Мотя переждала его под козырьком кинотеатра. Теперь и ей стало весело, беззаботно, будто дождик только и явился затем, чтобы смыть все ее печали. Она увидела Аню, идущую через улицу, и бросилась к ней.

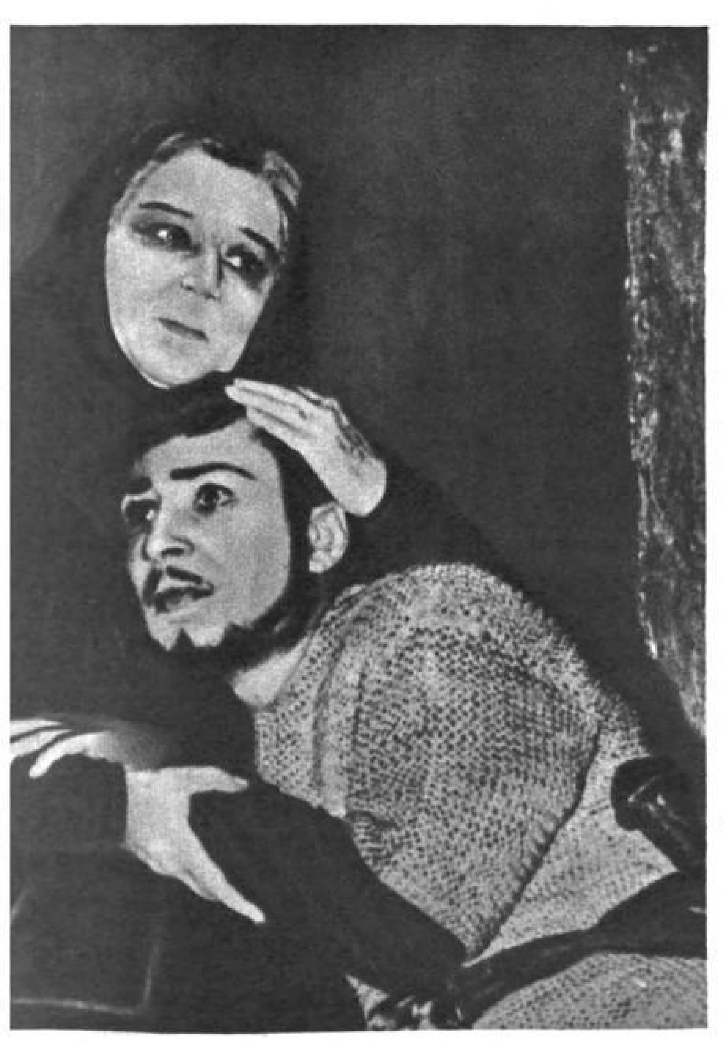
— Ой, Анька! — счастливым голосом, полным восторга и гордости, крикнула она. — Знаешь, кого я сейчас встретила?

— Ну, кого еще? — нетерпеливо спросила Аня и завертелась на месте, оглядываясь по сторонам.

Мотя раскрыла уже рот, чтобы рассказать ей о Кате, лучшей своей подруге, о Саньке Жмыхове, ставшем агрономом... И вдруг, так и не сказав ничего, махнула рукой и пошла дальше, оставив в недоумении Аню. Нет, ей было совсем не радостно. Впервые она со стыдом почувствовала, что похваляется делами других людей, потому что самой нечем гордиться.

Мотя шла, устало опустив голову. Она знала, что опоздает зайти за Леной, но это сейчас ей было почти безразлично. Снова вышла она на Ленинский проспект, снова увидела растрепанную ветром старую покорную липу. Неужели и она, Мотя, вот так же доживет до старости и согревать ее будет солнце, отраженное от чужих окон?..

Жизнь ИСКУССТВА

Все впервые...

«Легенда о первых тбилисцах» — таков подзаголовок пьесы грузинского поэта Гр. Абашидзе «Мумли мухаса». Премьера этого спектакля состоялась недавно в Тбилисском государственном драматическом театре имени Котэ Марджанишвили.

Постановка была поручена Шоте Карухнишвили — выпускнику режиссерского факультета ГИТИСа.

Уже с пролога представление захватывает зрителя. Вот первая, пока еще не достроенная, крепость будущего города. Вот и первые влюбленные — Дачи и Вардо... Первое нашествие врага на совсем еще молодой город... А вот и самая первая победа тбилисцев...

В эпилоге спектакля показан новый, социалистический Тбилиси. Беспечно резвятся дети — далекие потомки тех первых борцов за грузинскую землю. И зрители рукоплещут спектаклю.

Студент университета О. НОЗАДЗЕ

Тбилиси.

← Сцена из спектакля «Мумли мухаса». Фото автора.

В джунглях Южного Китая

Вряд ли найдется человек, который откажется совершить путешествие по джунглям Южного Китая, да еще если это не потребует никаких усилий, не будет связано с риском для жизни и займет немного времени.

Такую заманчивую возможность всем даст новый цветной фильм «Тропою джунглей». Это совместная работа Московской студии научно-популярных фильмов и Пекинской киностудии имени 1 августа; в создании фильма участвовали советские и китайские режиссеры, операторы, художники, научные консультанты.

Автор сценария и постановщик картины А. Згуриди, большой мастер, любящий и глубоко понимающий природу, сделал «героем» своего нового фильма маленькую обезьяну, обитательницу Пекинского зоопарка. Раньше она жила в огромном лесу, еще не освоенном и мало изученном людьми. Все то, что видит на экране зритель, окружало обезьяну на воле. Одна за другой сменяются картины жизни джунглей. Здесь и своеобразный «быт» обезьяньего стада, и бой мангусты с коброй, и тигр на охоте, и громадный питон, раскачивающийся на дереве...

Фильм «Тропою джунглей» интересен не только своей экзотичностью. Картина познавательна. Она знакомит зрителя с природой и животным миром южной провинции Китая, находящейся в трех тысячах километров от Пекина.

Н. ЦВЕТКОВА

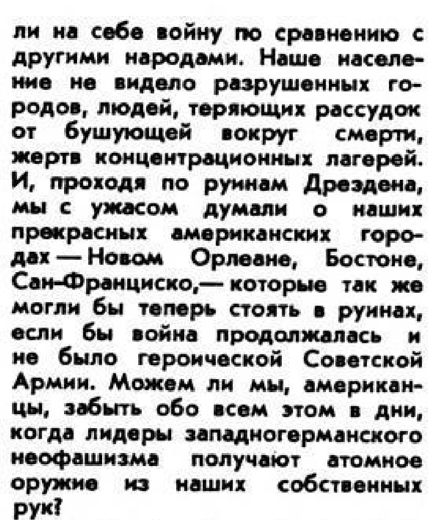
Кадр из фильма «Тропою джунглей».

СНОВА НА НЕМЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Марта ДОДД

Фото И. ГРИЧЕРА.

Сотни туристов различных возрастов со всех концов Германии ежедневно приезжают в Лейпциг — один из красивейших и старейших городов ГДР. И каждый турист, преодолев 500 гранитных ступеней винтовой лестницы, подымается на 90-метровую высоту памятника Битве народов 1813 года, чтобы полюбоваться отсюда чудесной панорамой города.

Много лет спустя

После более чем двадцатилетнего перерыва я вновь посетила Германию. Я прожила в этой стране с матерью, отцом и братом четыре с половиной года — с 1933 по 1938-й, в период роста нацистской мощи. Отец был американским послом в Германии в период президентства Франклина Рузвельта. Он, как и все другие дипломаты, лично сталкивался с нацистскими лидерами и узнавал об их заговорах и интригах. Отцу, как любому проницательному человеку, было ясно, что «большой бизнес» Европы, Англии и США создает нацистский рейх с одной целью: уничтожить Советский Союз.

Мой отец, искренний и простой человек, был профессором, писателем и историком Америки. Он, несомненно, был исключением среди традиционных американских послов того времени. В период своего пребывания в Германии он повседневно наблюдал грубое попрание всего того, чем он больше всего дорожил: мира, справедливости, равноправия людей всех народов и рас. Он много времени тратил на энергичные протесты нацистскому правительству и предупреждения своему правительству о грозящей опасности, но, увы, не добивался каких-либо результатов. Его коллеги в американском госдепартаменте высмеивали его, называя «наивным идеалистом». Он постоянно предупреждал, что Гитлер готовится напасть не только на Советский Союз, но также и на западные страны.

Нервное напряжение, которое испытывала наша семья в атмосфере общего нацистского террора в тогдашней Германии, было трудно переносить. Для того, чтобы своими глазами увидеть все, мы совершали поездки по стране. В 1937 году мы побывали в Дрездене, Лейпциге и Веймаре — старых немецких культурных центрах, которые очень любил мой отец, когда еще был студентом в Лейпциге в 1900 году. Стараясь забывать об омерзительных нацистских оргиях, бушевавших повсюду, мы наслаждались великолепной красотой Дрездена, его архитектурным ансамблем, выдающимися художественными ценностями, радовались энергичному облику Лейпцига, отдыхали душой в прекрасном, тихом Веймаре, хотя зверства нацизма, как нам казалось, могли заставить прах Гете и Шиллера подняться в ужасе и негодовании из могил.

В начале 1938 года мы возвратились в США. В скором времени началась война, уничтожающая война, которой можно было бы избежать, по твердому убеждению моего отца, если бы западные страны прислушались к трезвым предупреждениям Советского Союза...

И вот прошло четырнадцать лет после окончания второй мировой войны. Я возвратилась в Европу с тем, чтобы обосноваться в Чехословакии, как антифашист, симпатизирующий социализму. Я и моя семья были изгнаны с американской земли.

Естественно, что мне хотелось сейчас увидеть Германию, посетить Германскую Демократическую Республику.

Встреча в Дрездене

Мы пересекли высокие горы, густо поросшие лесами, и через холмистую местность спустились в историческую Саксонскую долину, в которой лежит Дрезден. Как прекрасно выглядел издали город, освещенный прохладным весенним солнцем! Но сердце наше сжалось: мы очутились в лабиринте черных развалин, среди разбитых стен домов, внутри которых — только земля, заросшая сорняками, а наверху — открытое небо. Мы с содроганием подумали о том, что Дрезден бомбили наши соотечественники. Они разрушали этот город так же безжалостно, как Гитлер — Ковентри. Мы вспомнили и о том, что даже в самый тяжелый период войны воздушные силы Советского Союза ни разу не бомбили жилых кварталов и не использовали самолеты для «проутюживания» тыла.

Мы, американцы, мало испытали на себе войну по сравнению с другими народами. Наше население не видело разрушенных городов, людей, теряющих рассудок от бушующей вокруг смерти, жертв концентрационных лагерей. И, проходя по руинам Дрездена, мы с ужасом думали о наших прекрасных американских городах — Новом Орлеане, Бостоне, Сан-Франциско,— которые так же могли бы теперь стоять в руинах, если бы война продолжалась и не было героической Советской Армии. Можем ли мы, американцы, забыть обо всем этом в дни, когда лидеры западногерманского неофашизма получают атомное оружие из наших собственных рук?

— Почему вы, американцы, вновь вооружаете Германию? — спросил нас один немец, бывший танкист, в свое время захваченный в плен у Сталинграда.— Большинство немцев, и на востоке и на западе Германии, глубоко возмущено вашим вмешательством, тем, что вы снова натравливаете нас. Нам до смерти надоела война! Здесь, в ГДР, мы наконец получили возможность сами строить нашу жизнь, познать, что такое мир. А мы хорошо помним урок прошлой войны! До нападения Гитлера на Советский Союз война была почти игрой для немецкой армии, а потом, когда солдат направлялся на Западный фронт, все завидовали его «везению». Война против русских была концом вермахта, мы только не смогли вовремя это понять...

Ни один из оставшихся в живых немецких солдат,— закончил он убежденно,— никогда не забудет этого урока. Мы не забываем и того, что происходило на нашей собственной земле. Дайте нам возможность строить! Оставьте нас в покое!

Мы спросили его, что он думает о Западной Германии, о Берлине. Он ответил:

— Я мог бы об этом говорить с вами целую неделю: не так часто приходится встречаться с американцами! — Он сказал это дружественно, но инстинктивно мы снова почувствовали в его тоне недоброжелательство, с которым встречают американцев в нынешней Европе,— цена, которую мы платим за неразумную политику наших лидеров.— Конечно,— продолжал он,— было бы хорошо, чтобы наша страна была объединена опять. Но как и с кем объединяться — вот в чем вопрос. Мы никогда и никому не отдадим наши завоевания. А вы, американцы, признайте нас, заключите договор с нами и оставьте нас в покое... Мы сами сможем договориться с немцами на Западе, но пусть сначала уйдут поджигатели войны.

Он не проявил никакого интереса к заданному нами вопросу о границах, будь то польских или чехословацких.

— Не упоминайте об «исправлении границ» при немце из ГДР, — посоветовал он нам. — Это сразу напомнит ему вопли Гитлера.

Что же касается Берлина, то он

Copyrighted material

развернул перед нами карту и сказал:

— Вся территория Берлина находится на территории ГДР, и естественно было бы, чтобы столица ГДР была единой. Но мы хотим по крайней мере одного: пусть очистят Западный Берлин от шпионов и спекулянтов, пусть из Западного Берлина не мешают нам строить нашу республику.

Адъютант Паулюса

Несколькими днями позже мы встретились с другим отставным военным, участником Сталинградской битвы. Взгляды этого офицера высокого ранга полностью совпадали с думами рядового танкиста. Это был капитан Адам, бывший адъютант фельдмаршала фон Паулюса. Он говорил с нами спокойно, уверенно, без малейшей подчеркнутости, свойственной часто военным.

— Это был ад, который трудно представить себе,— начал Адам.— Немецкие солдаты дрались отчаянно. Запуганные нами самими, они боялись попасть в плен. Русские сражались со сверхчеловеческой храбростью: на их территорию вторгся враг, и они не хотели отдавать ему ни одного клочка своей земли. В Сталинграде и мы и весь мир поняли, что Советский Союз никогда не может быть побежден...

На обычный вопрос, почему они сдались в плен, он ответил с некоторой резкостью:

— Многие обзывали нас предателями! Это бесчестная нацистская пропаганда! Нам, конечно, не хотелось сдаваться в плен. Цвет немецкой армии был там, ведь всю войну лучшие и наиболее выносливые солдаты посылались на Восточный фронт. Наши ряды таяли, мы были полностью и безнадежно окружены. Мы знали, что наши войска будут уничтожены до последнего человека, если бы мы продолжали борьбу.

Чем дальше говорил этот шестидесятилетний человек со светлыми голубыми глазами, тем больше мы ощущали искренность его слов.

— Большинство офицеров германской армии,— говорил он,— не захотело сделать для себя разумные выводы из Сталинграда, из разгрома гитлеровской армии. Помню, как в лагере для военнопленных высшие офицеры армии Паулюса только и делали, что резались в карты или планировали реванш — новую войну, рассчитывая на все лады, как ее можно выиграть...

Мы спросили у Адама, какова судьба этих немецких генералов.

— За небольшим исключением,— ответил он,— все они уехали на Запад. Они хорошо знали, где будет готовиться новая война. Возьмите любого генерала или адмирала западногерманского бундесвера; каждый из них был офицером в гитлеровской армии. Они и их семьи теперь, так же как и прежде, теснейшим образом связаны с монополистическими кругами Западной Германии.

Это живо напомнило нам некоторых наших американских генералов и те безответственные воинственные речи, с которыми они выступают в Соединенных Штатах и в странах НАТО.

— Я знаю мощь Советского Союза очень хорошо,— сказал бывший адъютант Паулюса, улыбаясь своей умной улыбкой.— Знаю мощь и всех сил мира вообще. Я уверен, что немецкий народ никогда больше не потерпит новой войны. Каждая страна, находящаяся в ядерной зоне, знает, что случится с ней, если ваши правители начнут войну...

Мы, как и большинство американцев, во время бомбардировки Дрездена не могли понять, зачем это было сделано. Адам дал нам объективный и очень простой ответ:

— Здесь не было каких-либо важных объектов как в стратегическом, так и в каком-либо ином военном отношении. Дрезден, будучи центром искусств, был избавлен от бомбардировок во время всей войны. Я думаю, что американцы и англичане стали к концу войны явно безрассудными и совершали безумные акты вандализма во многих местах.

Перед тем как расстаться с Адамом, коротко поговорили о беженцах и возвращенцах.

— Тысячи и тысячи немцев из Западной Германии, особенно молодежи, переходят к нам, сюда,— сказал он уверенно.— Пусть среди них имеется какой-то процент провокаторов, но большинство будут полезными гражданами. Во всяком случае, нас врасплох не застанут. Историю вспять не повернешь.

На прощание мы тепло пожали друг другу руки.

Дитмар Шталь дома

Адам был прав: в среднем в месяц около шести тысяч беженцев из Западной Германии находят приют и работу в ГДР. Мы встретились со многими дома, после работы. Одни — это немцы из Западной Германии, которые не могли найти там работу, не вынесли атмосферы, схожей с гитлеровским временем. Другие — те, кто за последние годы «переметнулся» на Запад и вкусил от прелестей капитализма. Молодой инженер, вернувшийся в ГДР, сказал нам:

— Я надеялся на хорошую работу, которая обеспечивала бы мне безбедную жизнь. Но там нет ничего прочного. Некоторые профессора из университетов и доктора, которые перебрались в ФРГ, либо вовсе лишены работы и живут на средства родственников, либо занимаются случайным делом, не имеющим ничего общего с их специальностью.

На квартире шахтера Дитмара Шталя мы познакомились с его женой и тремя маленькими детьми, которые будто сошли со старых фламандских картин.

— Восемь лет тому назад,—сказал Шталь,— когда мне было шестнадцать лет, я с матерью перешел на Запад. Мы впятером жили в маленькой комнате в бараке и платили за нее больше, чем платим сейчас за эту квартиру.— Он с гордостью показал на свои уютные комнаты.— Затем я потерял работу на шахте в Эссене. Нам стало невтерпеж переносить нужду, и мы переехали в ГДР, как только позволили обстоятельства, шесть месяцев тому назад. И не раскаиваемся. В ГДР действительно заботятся о тебе и интересуются тобой.

Его жена Хелга, стройная брюнетка, пожелала внести и свою лепту в разговор.

— Зарплата здесь почти такая же,— сказала она,— но за жилье платишь меньше, медицинское обслуживание, уход за детьми ничего не стоят, школы бесплатные, а самые необходимые вещи здесь стоят дешевле, чем там. Конечно, одежда и некоторые продукты питания, а также предметы роскоши тут пока дороже. Но главное, у нас с Дитмаром никогда не будет страха остаться без работы!

Она сделала небольшую паузу, вышла из комнаты и вскоре вернулась с детьми.

— Вы не должны думать,— сказала она,— что мы с мужем заботимся только о материальном благополучии. Вот для кого мы живем. Мы хотим, чтобы они жили в мире и выросли честными и культурными людьми.— Она трогательно обняла своих троих ребятишек.

Герхардт Ухлич дезертировал из бундесвера

Один из беженцев, особенно заинтересовавших нас, был студент музыкальной школы Герхардт Ухлич из Мюнхена. Его призвали на военную службу в бундесвер. Он ненавидел милитаристские лозунги и весь этот «подкрадывающийся фашизм», как он выразился. Однажды он рассказал друзьям о том, что накопилось у него на душе. Его слова были услышаны офицером. Служба в армии была ему продлена еще на год; он вновь запротестовал, и на этот раз его отдали под суд военного трибунала. Однако он смог вовремя переехать в ГДР. Ему не более 20 лет, этому высокому юноше с прекрасными глазами и живым темпераментом. Сейчас он опять учится музыке.

— Молодежь Западной Германии начинает пробуждаться,— сказал он.— Она протестует против атомной смерти, ядерных баз, против безработицы. И не только в Дортмунде, Касселе, Гессене, Дюссельдорфе, Эссене — в местах, где свирепствует безработица, где строятся ракетные базы.

Мы рассказали Герхардту о статье в американской газете, где говорилось, что в Западной Германии из десяти молодых людей в возрасте от 15 до 17 лет девять ничего не знают о Гитлере или думают, что он сделал много хорошего для Германии. Он ответил с возмущением:

— Возможно, что некоторые люди в Америке хотели бы, чтобы это было так! Да, у нас были те же школьные учителя, что при нацизме, мы учились по тем же книгам. Американцы должны были помочь в искоренении нацизма у нас, а сделали они обратное: вернули на посты нацистских учителей, офицеров. Мне говорили, что около тысячи судей, которые работают в судах ФРГ, верно служили Гитлеру. Теперь американцы собираются дать бундесверу еще атомные бомбы...

Образование я получил в бундесвере,— сказал он в ответ на наш вопрос, откуда все это знает.— Это пришло быстро,— добавил он с печальной улыбкой,— но мои познания все еще неполные... Самым ужасным было для меня и других призывников то, как офицеры ненавидят ГДР. Все их разговоры — это открытое подстрекательство к братоубийственной войне. Они хотят заполучить Восточную Пруссию и другие территории. Можете ли вы винить молодых людей в Западной Германии, когда они ненавидят бундесвер?..

По ком звонит колокол

Веймар остался таким же, каким я его помнила,— прекрасным городом XVIII века. Последствий войны не видно. Одна из немногих бомб, сброшенных на город, попала на крыло дома Гете и разрушила его.

Директор музея рассказал нам, что в день прихода русских их полковник узнал о повреждении крыла дома Гете и немедленно начал его восстанавливать. Советские солдаты приходили толпами в музей с жаждой узнать как можно больше о Гете. Музей всегда был полон...

Только гитлеровцы могли создать Бухенвальдский лагерь вблизи тихого и прекрасного Веймара. Фабрика смерти, где применялись самые изощренные зверства, потрясающие воображение, была устроена на близком расстоянии от обиталища Гете и Шиллера, двух из величайших и гуманнейших немецких гениев. Молча мы ехали к Бухенвальду, вспоминая, как все это началось, кто финансировал и направлял нацизм, как его покровители мечтали о тысячелетнем политическом, экономическом и духовном порабощении всего мира. Мы снова размышляли о том, во что обошелся дьявольский замысел человечеству при неслыханных жестокостях только последней войны: смерть почти 50 миллионов человек на фронтах, от зверств и преступлений фашистского зверья, бомбардировок городов, свыше 30 миллионов раненых!

Мы шли и шли вниз по «дороге крови», пока не пришли в лагерь Бухенвальда, в котором было замучено нацистами несколько сот тысяч человек. Несколько лет подряд этот лагерь был свалкой смерти, сумасшествия, гниения людей заживо.

Какое это было чудо, что в самые страшные дни нацистского террористического режима в таком месте, как Бухенвальд, существовало подпольное интернациональное движение, которое делало все возможное для спасения человеческих жизней, поддерживало их дух и помогло осуществить окончательное освобождение узников вооруженной силой!

В ГДР сложилась традиция: школьники, мужчины и женщины всех возрастов регулярно совершают поездки по бывшим нацистским концентрационным лагерям. Они сохранены как памятники миллионам людей, немцев и других, которые потеряли свою жизнь, как суровое напоминание живущим. «Когда закончится это страдание, не скажешь? Когда, Германия, ты станешь свободной от стыда?» — писал большой немецкий поэт Иоганнес Бехер. Однако в Западной Германии власти отнюдь не стараются напоминать людям о злодеяниях гитлеровцев.

Колоссальный памятник, поставленный жертвам Бухенвальда, начинается на вершине небольшой возвышенности, а затем спускается широкими ступенями вниз по откосу в сторону плодородной и живописной долины, раскинувшейся у подножия другого хребта. Все вокруг было покрыто в этот полдень золотистой и серо-голубой дымкой.

Мы стояли неподвижно и очнулись только от ударов колокола. Такого траурного звона мы никогда не слышали в жизни. Эхо его раздается над долиной, в горах,

Copyrighted material

наполняя спокойный воздух глубокой печалью. Ваше сердце, все ваше тело словно тяжелеет от стыда. Два раза в день звучит колокол — в часы, когда сжигались мертвые в крематории.

Ни один человек не является островом, писал больше трехсот лет назад английский поэт Джон Донн. Каждый человек — часть континента, часть целого; если глыба уносится морем, то Европа становится меньше; любая смерть человека делает меня меньше, потому что я составляю человечество; и поэтому никогда не посылай кого-либо узнать, по ком звонит колокол; он звонит и по тебе...

Подвиг Вилли Ирмиша

Первые люди, которых мы встретили в Шварценберге, были Вилли Ирмиш и его очаровательная, приветливая жена. Они пригласили нас в свою уютную квартиру. Как только мы отдохнули, этот добрый неугомонный «юноша» в возрасте шестидесяти лет начал открывать перед нами необычную историю своего города и района. Да, история эта необычна. Здесь рабочими было создано в конце войны первое антифашистское самоуправление.

Ирмиш говорил об этом так, словно все происходило вчера:

— Однажды я пришел домой и узнал, что войне конец. Нацисты разбежались, как зайцы: в леса, в горы, в подвалы, сжигали свое обмундирование и компрометирующие их бумаги. Они всюду бросали оружие и военное имущество. Улицы, дороги, дворы и леса были запружены орудиями, боеприпасами, машинами и танками. Это был невообразимый хаос.

Он сидел, выпрямившись на своем стуле, и огонек загорелся в его глазах, когда он заговорил о том, как он и товарищи приняли решение о создании «правительства».

Не было продуктов питания, транспорт и предприятия не работали, не было почтовой связи. Триста тысяч людей наводнили район Шварценберга, среди них были и беженцы и солдаты, удиравшие от наступающих советских армий. А до этого здесь жило не более 100 тысяч человек.

Тысячи иностранных рабочих, насильно угнанных на принудительные работы, военнопленных, которые в то время еще не могли вернуться на родину, бродили в поисках пищи и жаждали мести. Банды нацистов прятались в горах. В приказах военных начальников требовалось продолжать войну против большевиков, расстреливать местных антифашистов и сдаваться в плен только американцам.

И вот несколько отважных коммунистов, боевых социал-демократов и других антифашистов, преодолевая колоссальные трудности, создали органы народного управления всеми городами в районе. И за какие-нибудь два месяца порядок в районе был наведен.

По какому-то стечению обстоятельств советские и американские армии подошли здесь близко друг к другу, затем отошли, оставив около 50 километров ничейной земли. Район остался без продовольствия, без помощи.

Вилли Ирмиш, ставший мэром города, и его товарищи вооружили рабочих, открыли не работавшие до сих пор фабрики, распределяли продукты, выдвигали антифашистов руководителями по снабжению, почтовой службе, транспорту, электроснабжению, поставили ответственных за судопроизводство, тюрьмы, полицию. Они арестовали большинство ярых фашистов, других сняли с занимаемых постов, оставив на работе некоторых мелких чиновников. Они конфисковали имущество крупной нацистской буржуазии. Они кормили, обеспечивали жильем и охраняли население, спасали его от бродячих фашистских банд. Они выставляли вооруженные патрули по ночам и прятали оружие днем, когда временами наезжали в город американские офицеры.

Но с продовольствием становилось все хуже и хуже. В отчаянии Вилли Ирмиш и его товарищи обратились к американским и советским военным штабам с просьбой разрешить покупку продуктов питания или обмен того, чем располагал город, на продукты питания.

— Я не ожидал большой помощи от американской зоны,— откровенно говорит Ирмиш.— Классовые линии уже определились. Американские офицеры уже навестили меня и видели у меня том Ленина и его портрет, который я прятал от нацистов в течение двенадцати лет. Один из американских офицеров спросил, являюсь ли я коммунистом, и я гордо ответил: «Да, четверть века! Я прошел через тюрьму, концентрационный лагерь, безработицу и подпольное движение». Американец сбросил со злобой книгу со стола и ушел. Но через несколько минут другой американец возвратился и сказал дружелюбно: «Не говорите так откровенно, мистер мэр. Среди нас также имеется много фашистов!» Поэтому нас не удивило, когда американцы отказались продать нам продукты питания или даже разрешить их провоз через их линию фронта с близлежащих ферм.

Когда Ирмиш заговорил о советском командовании, речь его оживилась:

— Мы просили советских командиров оказать нам помощь и в очистке нашего города от остатков нацистской нечисти. Этого они не могли сделать, так как имели приказ стоять там, где они находились, и не могли нарушить свои союзнические соглашения. Но у них не было приказов оставить население голодать. И они разрешили провоз продуктов питания через линию фронта. Когда мы рассказали им историю о том, как изгнали нацистов, они поздравили нас и одобрили наши действия... Наш район кишел самыми худшими головорезами из войск СС, которые бежали в наш «карман» неоккупированной зоны для спасения своей шкуры... И действительно, было чудом,— он покачал головой и улыбнулся,— что нас всех не перебили. Наоборот, наши вооруженные рабочие сумели захватить нескольких фашистов. Мы никого не расстреливали, так как знали, что это не входит в наши права как самоорганизованного «правительства». Американцы проявили особенно большую заинтересованность в том, чтобы мы передали им наиболее видных нацистов и военнослужащих войск СС. Мы и не думали тогда, что это и означает для нацистов спасение.

Вилли Ирмиш со своей женой.

Зиглинд Эртель после окончания школы тщетно искала работу в Западной Германии. Это было три года назад. Покинув родные места, она бежала в ГДР. Сельскохозяйственный кооператив имени Фридриха Энгельса (г. Шафштедт) стал для Зиглинд родным домом. Здесь она вступила в ряды Союза свободной немецкой молодежи, здесь окончила сельскохозяйственное училище, стала отличным специалистом-овощеводом. И теперь она сама уже учит своих менее опытных ровесниц. На этом снимке вы видите, каким требовательным взглядом осматривает Зиглинд огурцы, выращенные Ютой Линек.

В конце концов Шварценберг был включен в советскую зону оккупации. Вилли Ирмиш и его стойкие товарищи, так же как рабочее население большого района Шварценберга, с радостью приветствовали Советскую Армию. Можно с уверенностью сказать, что события, имевшие место в Шварценберге, не развивались бы таким образом, если бы в Германии не было длительной истории пролетарского революционного движения.

Прощаясь, Вилли Ирмиш, задушевный товарищ, который так много сделал для организации рабочего движения и сколачивания антифашистских элементов, заявил мне:

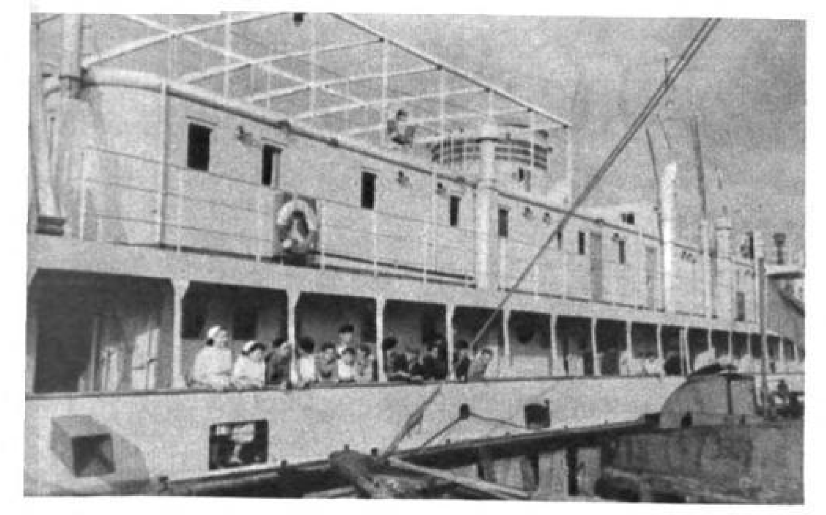
— Моя единственная мечта в жизни — это увидеть Советский Союз собственными глазами.

На обратном пути в Чехословакию, проезжая через германскую территорию — деревни и города, мы часто раздумывали о различии между двумя Германиями.

В Германии Аденауэра те же индустриальные магнаты, которые финансировали и привели к власти Гитлера, те же нацистские офицеры и генералы в армии, та же подстрекательская, агрессивная пропаганда. Мы, американцы, слишком хорошо знаем вероломный характер фашизма, знаем, что его захватнические планы могут повернуться в неожиданную сторону. Мы знаем, что вооружение Западной Германии атомным оружием — это война, гибельная, истребительная.

Другая Германия, которую мы только что посетили, встала на путь, на который становится большинство человечества. Это республика мира и труда. Она возродила и поддерживает самое лучшее из гуманистических и демократических традиций ее народа, из боевого революционного опыта ее рабочего класса. Она идет по пути стремительного экономического и индустриального подъема и связана не только со своими немецкими братьями на Западе, но и со всем прогрессивным человечеством в своем страстном желании жить в мире и улучшать жизнь трудящихся. Она равноправный и уважаемый член гигантского лагеря социалистических наций, который вполне способен сохранить мир.

Copyrighted material

Плавучая гостиница

Эта гостиница стоит в море сегодня около Красноводска, завтра близ Баку. Здесь живут люди одной профессии: рабочие землесосов. Они роют каналы, углубляют Каспийское море.

Каждое утро к гостинице подходит катерок «Узбой».

— Машина подана,— шутят рабочие.— Едем на работу!

Сорок минут морской прогулки. Вот и караван землечерпательных судов «Ленкорань», где ведутся работы. Теперь места на катере занимает смена, закончившая работу,— и домой. А дома ждет горячий вкусный завтрак, заботливо приготовленный поварами морской гостиницы — брандвахты.

Потом все расходятся по каютам: надо выспаться. Каюты похожи на отдельные номера первоклассной гостиницы. Постель задернута легкой голубой тканью, на полированном письменном столе мягко светит лампа, поблескивает стекло удобного шкафа для одежды. На стенах висят подобранные с тонким вкусом репродукции картин и гравюры.

После обеда можно почитать газету или журнал в гостиной, поиграть в шахматы или нарды, а то и просто поболтать с товарищами, сидя на «крылечке». Вечером хочешь — смотри кино или телевизор, хочешь — иди на танцплощадку: на верхней палубе установлена радиола.

— Первый канал на Каспии я прорыл году в тридцать шестом,— вспоминает старейший рабочий земкаравана Макаров.— Жили все рабочие тогда на земснарядах. Ведь работали иногда в открытом море — на берег ночевать не поедешь. Во время работы наглотаешься сероводорода и других газов вдоволь. Да когда и отдыхаешь, все равно тем же вредным воздухом дышишь. Для нас нынешние брандвахты — спасение. Вы заметьте, что ни один из наших рабочих не назовет брандвахту общежитием, все говорят «санаторий»! И впрямь живем мы тут на всем готовом. А главное — кругом чистый морской воздух. Переезжаем работать на другое место — и брандвахта с нами. Поставим ее опять так, чтобы работа была недалеко.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Галины Санько.

Иркутск дружит с Шеньяном

Это сочетание слов популярно в восточной Сибири и на северо-востоке Китая. Так же, как парни и девушки Молдавии дружат с румынской молодежью, а молодежь Закарпатской Украины — с юными венграми и чехами, молодые иркутяне подружились с жителями Шеньяна, главного города китайской провинции Ляонин.

Вначале, вскоре после победы народной революции в Китае, завязалась переписка между молодежными организациями двух городов, а три года назад Иркутск встречал первых юных гостей из Шеньяна. Китайские и советские комсомольцы посадили молодые деревца «Аллеи дружбы» в центре Иркутска. С тех пор каждый шеньянец, приезжая в Иркутск, пополняет эту аллею своим деревцем. Точно так же поступает иркутянин, прибывая в Шеньян. Сады дружбы растут с каждым днем.

Делегации китайцев побывали на строительстве Иркутской ГЭС, у горняков Черемхова, у молодых строителей Братской гидростанции и колхозников, у юных пионеров.

Во время экскурсии на Байкал группа китайской молодежи была в гостях у Пай Фун-шаня — колхозного огородника «дяди Васи». Пятьдесят лет назад, когда помещик за неуплату долгов отобрал фанзу у его отца, Пай Фун-шань уехал из Китая в Россию.

Завод тяжелого машиностроения имени Куйбышева в Иркутске обменивается технической документацией с Шеньянским станкостроительным заводом. На Иркутской ГЭС проходят практику молодые китайские энергетики. Railway Пединститут в Иркутске дает письменные консультации китайским студентам.

А. КРИВЕЛЬ

· Встреча китайских гостей в Иркутском аэропорту.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

ПОЛМИЛЛИОНА КОЛБ В ДЕНЬ

Войдя сюда, чувствуешь себя точно в лаборатории. Стерильная чистота, много света. На столах какие-то аппараты; они невелики, тщательно отделаны, изящны. Получив разрешение, заглядываю в микроскоп. И там взору предстает тонкий стерженек с навитой на него спиралью.

Да, рабочим спирального цеха Рижского электролампового завода трудно разглядеть детали невооруженным глазом. Впрочем, это не беда: навивка делается автоматически. А если надо проверить, посмотрите в микроскоп, укрепленный на станочке-автомате.

Недаром в этом огромном помещении так мало людей. Каждый рабочий следит за действием 15—16 автоматов.

Так же автоматически спираль разрезается на кусочки нужной длины, в зависимости от типа и мощности лампочки. На резке один рабочий управляет 8—10 автоматами.

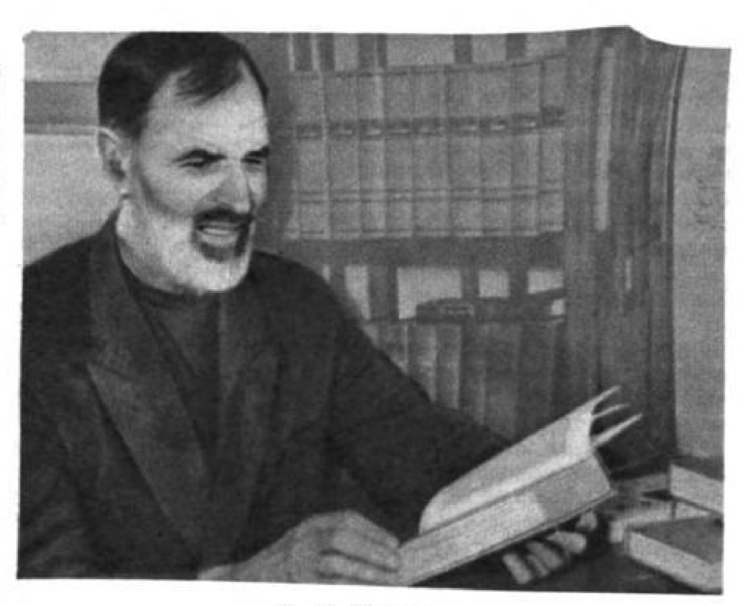
Мелита Петерсон контролирует работу спирального станка.

В другом цехе — стекольном — выдувают колбы, основы будущих лампочек. Длинная «рука» автомата захватывает расплавленную массу, выливает ее в формочки... И вот на наших глазах раскаленный шарик постепенно вытягивается, становится все светлее и через несколько секунд превращается в стеклянную колбу. Пять автоматов выпускают около полумиллиона колб в день.

Нас познакомили с интересной конструкцией, созданной новаторами Петером Грунданом, Петером Клинцаром и Висваром Юрьяном,— карусельным автоматом. По кругу движется группа проверяемых электроламп. Вдруг одна из них какой-то невидимой силой выталкивается в специальный лоток. В чем дело? Оказывается, эта лампочка не выдержала испытания; сработало соответствующее реле, и лампочка автоматически идет в брак. Один такой карусельный автомат может проверить за смену до 15 тысяч ламп.

Предприятию поручено освоить несколько новых типов более экономичных биспиральных ламп; недавно выпущена первая партия — 200 тысяч.

А. ГОРДИН

Н. Т. Аверкиев.

Фото И. Каушанова.

Библиотека Николая Тарасовича

В букинистический магазин в Свердловске вошел озабоченный пожилой человек.

— Очень прошу вас помочь мне,— обратился он к продавцу.— В который раз приезжаю из Белоярского района и никак не могу купить «Илиаду».

Эпической поэмой Гомера интересовался колхозник-садовод артели «Яровой колос» Николай Тарасович Аверкиев.

Мы стали вместе просматривать книги, разговорились.

А вскоре, проезжая через деревню Бутаново, я зашел к Николаю Тарасовичу: меня заинтересовала его библиотека, в которой более тысячи книг.

— Читаю сейчас индийские басни, созданные полторы тысячи лет назад,— рассказывал Николай Тарасович.— Меня вообще интересует литература Востока. Храню я в своей библиотеке «Шахнаме» Фирдоуси, «Книгу назидания» Усама Ибн Мункыза, произведения писателей Китая: Цюй Юаня, сочинения Сыма Цяня — одного из первых китайских историков.

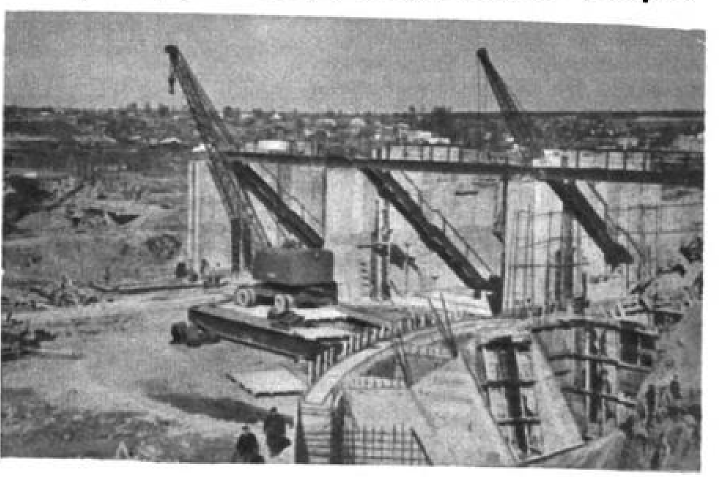
А первая книга, с которой началась моя библиотека,— «Кобзарь» Тараса Шевченко.

С литературой 20 стран можно познакомиться в библиотеке Н. Т. Аверкиева. В последнее время на полках, которыми уставлены и комната и сени, появились альбомы с репродукциями картин русских и западных художников.

— Иной раз вечером, когда устают глаза, мне ведь 69 лет,— говорит Николай Тарасович,— я откладываю книгу и беру альбом. Большое это удовольствие — любоваться картинами.

Н. КОДРАТОВ

Еще одно подмосковное море

На строительстве сливной плотины

Фото Г. Шарапова.

У села Марфин Брод, близ Можайска, вскоре появится еще одно подмосковное море площадью более тридцати квадратных километров. Глубина местами достигнет двадцати пяти метров. Это большое водохранилище образуется после сооружения Можайского гидроузла. Строительство идет полным ходом. Основная плотина, которая перекроет Москву-реку, будет закончена осенью нынешнего года. С осенним паводком начнется заполнение чаши вместимостью около семисот тысяч кубометров. Будущей весной накопление воды закончится — вступит в строй еще один резервуар.

Неподалеку от нового подмосковного моря расположены Бородинское поле с замечательными памятниками, военно-исторический музей, окаймленный зеленью густых лесов. В этом чудесном уголке будет отдыхать много москвичей.

Заканчивается электрификация железнодорожного участка Можайск — Бородино. Электропоезда, отправляющиеся от Белорусского вокзала, доставят туристов, экскурсантов, дачников почти к самому берегу моря.

Чтобы предотвратить затопление некоторых населенных пунктов, земель пригородных колхозов и всемирно известного исторического места — Бородинского поля, строители возводят еще две плотины.

А. РЯПИН

Copyrighted material

СТО ТЫСЯЧ КУР

Комсомолки Нина Воробьева, Зоя Дмитриева и Лида Старостина — бригадиры трех птицеводческих бригад совхоза имени Дзержинского, Калужской области.

Это — одно из тех новых специализированных хозяйств, которые созданы вокруг Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных промышленных центров страны.

К концу года на ферме будет сто тысяч кур.

Фото Д. Ухтомского.

„ДРАГОЦЕННЫЙ ФОНАРЬ ЛОТОСА"

Новосибирский театр оперы и балета в содружестве с китайскими деятелями искусства — работниками Пекинского экспериментального театра поставил первый китайский национальный балет «Драгоценный фонарь лотоса».

На снимках: студент Лю Янь-чан — артист Г. П. Янсон (вверху слева); Сан Шен-му — народная артистка РСФСР Т. А. Зимина (вверху справа); бог Эрлан Шен — артист Г. Д. Рыхлов (внизу слева); танец детей в масках исполняют ученики Новосибирского хореографического училища.

Фото Ф. Короткевича.

Copyrighted material

Утром и вечером в огромном балетном зале театра репетируется «Каменный цветок». Артисты работают пока еще не в сценических костюмах. На снимке: Г. Янсон, Т. Зимина, Ю. Гревцов и Л. Крупенина.

ТЕАТР СИБИРЯКОВ

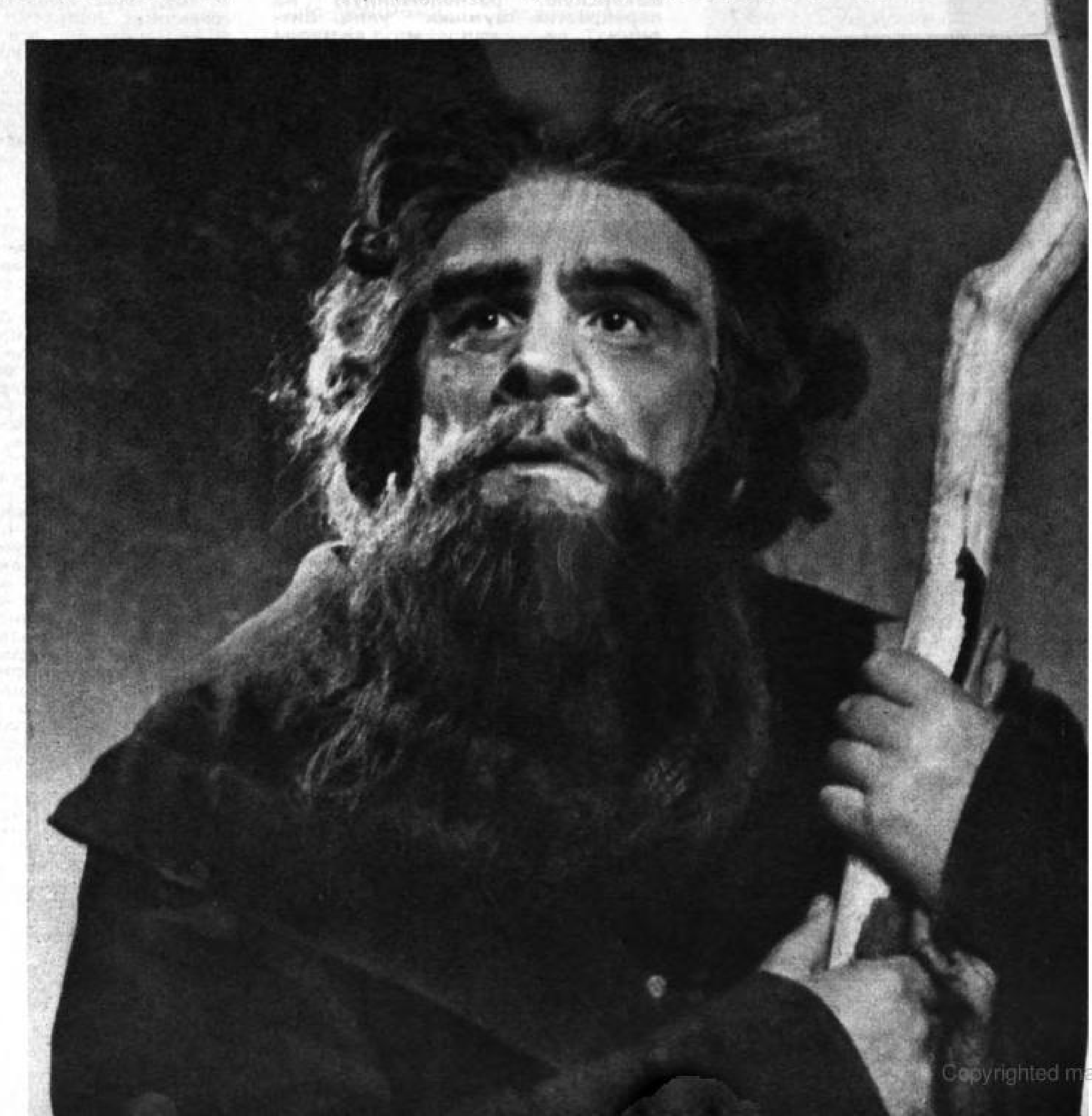

Грандиозное здание Новосибирского театра с величественными колоннами и крутолобым куполом кажется своеобразной эмблемой города, где все сделано добротно, на широкую ногу, с расчетом на будущее.

Театр пользуется любовью и уважением новосибирцев. Еще бы: не успел, например, появиться на московской сцене балет «Каменный цветок» С. Прокофьева, как и новосибирцы начали репетировать этот спектакль. Народная артистка республики депутат XXI съезда КПСС Татьяна Анатольевна Зимина вошла в роль Хозяйки Медной горы так же органично, как до этого в роль святой девы Сан Шен-му в балете «Драгоценный фонарь лотоса». Группа китайских хореографов и автор балета талантливый китайский композитор Чжан Сяо-ху продолжительное время работали в Новосибирске с советскими артистами.

В театре сибиряков идут балеты, которые здесь же и родились: «Маскарад» Л. Лапутина, «Доктор Айболит» И. Морозова. В оперный репертуар театра прочно вошли спектакли, где оживают образы современности: «Молодая гвардия» Ю. Мейтуса, «В бурю» Т. Хренникова. Сейчас украинский композитор Г. Жуковский, автор оперы «От всего сердца», пишет для театра новое произведение, «Молодость»,— о комсомольцах, приехавших в Сибирь, на целину.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Недавно Новосибирскому театру оперы и балета исполнилось четырнадцать лет. В тот торжественный день на сцене театра шла опера М. Глинки «Иван Сусанин». Заглавную партию исполнил В. Кирсанов.

Copyrighted material

Прямые волосы можно уложить, и не прибегая к перманенту.

Хорошо ли вас обслуживают?

П. КОРЖ,
Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Риммы ЛИХАЧ.
Рисунки Ю. и Л. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

КАЖДЫЙ ХОЧЕТ БЫТЬ КРАСИВЫМ

Будничное вроде бы это слово — «парикмахерская». Однако во все времена оно связано с торжественными или радостными событиями. Вы справляете именины или свадьбу, идете в гости или ждете гостей — в такие дни всем хочется быть особенно красивыми. И вот начинает священнодействовать парикмахер. Сколько надежд возлагают на него! Хочется, чтобы была такая прическа, при которой лысина как бы и вовсе не существовала, а прямые волосы ниспадали крутыми локонами...

Зайдите накануне любого праздника в московскую парикмахерскую № 1 на улице Горького. Если бы это учреждение не прекращало работу в 23 часа, мастера и посетители наверняка встречали бы, скажем, Новый год на следующее утро.

Разве красиво так выстригать затылок?

Да что канун праздника! Занятому человеку трудно попасть в парикмахерские даже в обычные дни. Чтобы завиться, подстричься или побриться, приходится ждать так долго, что за это время можно изучить все ежедневные газеты.

Причесаться у «знаменитостей», которые имеют официальное звание мастеров парикмахерского дела,— а их в Москве всего 22 — у С. Г. Каридзе, С. С. Фельдмана, Д. Н. Новикова, Н. Ф. Лебедевой — или покрасить волосы у Л. И. Попох так же трудно, как достать билет на футбольный матч «Спартак» — «Динамо». Да и у молодых мастеров, например, у М. Купцовой, А. Романовой, тоже клиентов больше чем достаточно.

Заранее набравшись терпения, мы пошли в свою районную парикмахерскую, расположенную на перекрестке шумных улиц. Витрину ее, как и витрины всех парикмахерских, украшали головы белокурой женщины и черноволосого мужчины, каковые, повидимому, должны воплощать отвлеченную идею мужской и женской красоты. Тут же объявление, сулившее «покраску волос во все цвета». Но не будьте легковерными. Мы видели жертв «радикального черного цвета»: он оказался с зеленоватым оттенком, а желающие стать блондинками, русыми и шатенками превращались в рыжих.

...И остается казацкий чуб.

Но пройдем в дамский зал. Здесь шумно: работают сушильные аппараты. Головы женщин украшены подобием рыцарских шлемов; это не архаизм: работает «индустрия красоты». Через несколько минут гладкие волосы делаются кудрявыми на 3—4 месяца, хотя завивка называется шестимесячной. Сейчас в производство красоты включилась и «большая химия» — перманенты уступают место химическим завивкам, более красивым и долговечным.

Мы решили тоже завиться и стали ждать своей очереди. Рядом сидели две женщины: одна — совсем молодая, с мелкими кудряшками, другая — постарше, с тяжелым узлом на затылке. Разговорившись, узнали, что та, что постарше, долго жила на Севере и теперь торопится «догнать» моду.

Обсуждая свои будущие прически, мы обратились к альбомам, лежавшим тут же на столе. В альбомах фотографий — образцы того, чем могут вас украсить мастера.

Если поверить некоторым этнографам, которые утверждают, что мода всегда является выражением определенного умонастроения (конечно, этнографы преувеличивают значение мод), то, просмотрев эти альбомы, можно прийти к выводу, очень печальному и обидному: до уныния однообразен предложенный нам ассортимент украшений.

Между тем головами наших соседок уже завладели парикмахеры. По окончании сложной процедуры завивки и укладки мы просто не узнали этих женщин: они стали похожи друг на друга, как сестры-близнецы. У обеих на лбу по две завитушки, обе коротко острижены. Молоденькую прическа украшала, а ту, что постарше, уродовала.

— Зато модно,— заметил мастер по поводу наших комментариев.

Всякая мода смешна дважды: в начале и в конце. Но смешна она и тогда, когда явно не к лицу. Конечно, далеко не все посетительницы искушены в тонком парикмахерском искусстве. Очень часто сами женщины не понимают, что им идет, а что нет, и, естественно, обращаются за советом к парикмахеру. Но, к сожалению, не всякий мастер станет утруждать себя и изменит трафарет — вариации тут самые незначительные. Причесывают всех одинаково: старых, молодых, курносых и с орлиным профилем.

Почему? Да потому, что некоторые мастера предпочитают «обработать» побольше посетителей. Где уж тут беспокоиться о тонкостях! Есть и такие, которые могут постараться, но... лишь в том случае, если они знают, что им заплатят дополнительно.. Многие же парикмахеры, к сожалению, просто не обладают хорошим вкусом.

Зачем было, например, срезать пучок у нашей соседки? Длинные волосы очень красят. Недаром бабки говорили: «Коса — всему городу краса!» Короткая стрижка вообще больше подходит девушкам. Пожилых и полных женщин она, пожалуй, всегда делает немного смешными. Так же, как и слишком мелкие кудряшки, которые редко кому идут. К сожалению, очень многие мастера еще завивают по старинке, как в годы первых перманентов.

Как-то в парикмахерскую при гостинице «Москва» пришла совсем молоденькая девушка. У нее были каштановые волосы, густые и пышные. Немножко робея, она обратилась к одному из мастеров:

— Покрасьте мне, пожалуйста, волосы.

Тот, едва взглянув на посетительницу, попросил ее подождать.

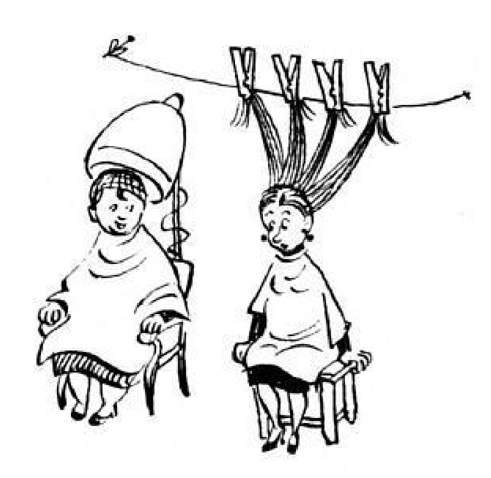
— Зачем вы это делаете? — заговорила с девушкой пожилая женщина.— Ведь вы будете казаться старше, да и волосы очень портятся от химической краски.

Девушка стала объяснять, что у них в институте вечер и ей хочется «выглядеть как-то особенно»...

Не знаем, чем кончился этот разговор, но есть такие среди молодых. Юнцы мечтают поскорее обрасти «мужественной» щетиной и ставят в тупик брадобреев, предлагая «заняться» своим пушком. А девочки, едва выскочив из школьных форм, бегут в парикмахерские стричь косички и делать перманент, да еще, чего доброго, превращаются из брюнеток в блондинок. Конечно, надо растолковать им, что не стоит раньше времени прибегать к помощи краски и завивки; может быть, молодые люди охотнее послушаются парикмахеров, чем советов своих родителей.

Приезжает из далекого села девушка в город — и сразу же завиваться. Как часто в метро, троллейбусе, на улице, присмотревшись к женщинам различного возраста, разных занятий, вдруг замечаешь, что у всех у них неподвижные, точно застывший крем, перманентные кудри. А ведь можно очень красиво и естественно уложить и прямые волосы, не прибегая к перманенту. Часто женщина, которая только что вышла из парикмахерской, теряет естественность. Парижанки говорят, будто они узнают англичанок по тому, что перо на шляпах у них чуть-чуть меньше, чем нужно, а у немок — чуть-чуть больше. Вот это «чуть-чуть» имеет значение и в прическах.

Недаром москвички так стремятся попасть к мастерам парикмахерского дела, которые очень внимательны к своим клиентам, всегда сообразуют моду с внешностью и умеют соблюсти это «чуть-чуть». В парикмахерской № 20 волосы, правда, красят не «во все цвета», но брюнетки здесь не отливают зеленью, у блондинок получается цвет, близкий к естественному, и их уже не называют «химическими блондинками».

Когда плохо с оборудованием...

К сожалению, таких парикмахерских, таких мастеров, которые умеют соблюсти это пресловутое «чуть-чуть», немного. Попасть к ним очень трудно, и есть среди них такие, которые злоупотребляют своим привилегированным положением: установленная государством такса их не устраивает. У них свои так называемые постоянные клиенты, которые «не обидят»...

В Париже есть даже академия парикмахерского искусства. Нам, может быть, такого пышного учреждения не надо. Но для воспитания вкуса у парикмахеров не мешает организовать такой совет, в который, кроме самих парикмахеров, входили бы художники, гримеры, артисты и другие компетентные люди. В последнее время начали практиковать показы причесок, но пока еще не регулярно и не везде.

В Москве нет хорошей школы парикмахеров. Есть одна, и та находится в плачевном положении: ей мало уделяется внимания, а самое главное, к преподаванию не привлекают лучших мастеров столицы.

Кроме Министерства коммунального хозяйства РСФСР, парикмахерскими занимаются еще 5—6 учреждений, хотя в этом нет необходимости. И занимаются эти учреждения чем угодно, но только не воспитанием эстетического вкуса у своих работников. А результат

Неожиданный эффект.

Copyrighted material

Под одну гребенку.

такого количества «хозяев» — расценки самые разные и зависят не от квалификации работников, а от обилия ковров, позолоты, люстр, которые не столько украшают залы, сколько собирают пыль.

В Москве на тысячу жителей приходится всего лишь одно место в парикмахерской. На такой людной улице столицы, как на улице Горького, до войны было 12 парикмахерских, а осталось только пять.

Самый беспокойный и массовый клиент — дети, а специальных детских парикмахерских в городе всего три. Стрижет бедных ребят кто придется и как придется. Приведут девочку с локонами, а уйдет она с казацким чубом на голове.

Кстати, такими же казацкими чубами украшают и взрослых. Выходят они из парикмахерской с безобразно выстриженными затылками, благоухая цветочным одеколоном...

Прописная истина: когда человек одет аккуратно, чисто побрит и красиво причесан, у него и настроение прекрасное. Хорошо бы на это не тратить много времени и чтобы мастера обслуживали посетителей добросовестно. Ибо, как писали Ильф и Петров в одном из своих фельетонов, «заказчик очень хочет быть красивым».

Без слов.

ЭТО УДОБНО

ЧАСЫ НАПРОКАТ

Вещи напрокат — дело уже не новое. Но сколько нового можно еще тут придумать!

Недавно среди вещей, которые получают напрокат, появились и часы.

Если вы сдали, скажем, свои часы в ремонт или если только собираетесь купить их, то временно можете получить часы напрокат. Об этом позаботились московские мастерские «Мосремчас», расположенные на улице Горького, Садовой-Триумфальной, 3-й Фрунзенской, на Малой Колхозной площади.

Цена проката — от 25 до 60 копеек в сутки, в зависимости от марки часов.

•

БАГАЖ ДОСТАВЛЯЮТ НА ДОМ

Вот и Брест. Пассажир выходит из вагона. У него много вещей. Если одному трудно, он приглашает носильщика, человека в форменной одежде и фуражке. Но если пассажир захочет, он может ничем себя не обременять и ехать домой налегке. По его просьбе багаж доставляют сразу же вслед за ним на квартиру.

Эту форму обслуживания широко, применяют работники Брестского железнодорожного вокзала.

•

КОФЕ — К СТАНКУ

А разве такое не обрадует: получить прямо к своему рабочему месту завтрак или обед?

Это введено уже в ряде городов, в том числе в Петрозаводске. Работники столовой № 17 доставляют в заводские цехи кофе, молоко, пирожки, пончики, булочки.

•

В КОЛХОЗ ПРИЕХАЛ РАДИОТЕХНИК

Хорошую инициативу проявили работники мастерских бытового обслуживания в Наманганской области.

Здесь, в частности в зоне Чустского райпотребсоюза, стало правилом регулярно посылать в колхозы работников радиоремонтной и часовой мастерских.

Какое это облегчение для колхозников, получивших возможность ремонтировать радиоприемники у себя на дому!

•

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН САМООБСЛУЖИВАНИЯ

Конечно же, самообслуживание очень удобно и в книжном магазине. Покупатель может быстрее и лучше ознакомиться с большим количеством книг и, следовательно, больше купить.

Такой магазин — первый в Эстонии — открыт в Таллине, на улице Кингисеппа.

ГДЕ ВЫ, ДАВНИЕ ДРУЗЬЯ?

Н. МАР

Перед тем, как говорить о человеке, которому посвящаются эти строки, напомним читателям «Огонька», что американский писатель Альберт Рис Вильямс впервые приехал в Россию весною 1917 года и стал очевидцем и участником Великого Октября.

Это о нем Джон Рид писал в своей книге «10 дней, которые потрясли мир»:

«Альберт Рис Вильямс был на телефонной станции. Он уехал оттуда в автомобиле Красного Креста, якобы наполненном ранеными. Покружив по городу, автомобиль боковыми улочками добрался до штаб-квартиры контрреволюции — Михайловского юнкерского училища. Во дворе училища находился французский офицер, который, по-видимому, распоряжался всем происходившим... Таким путем на телефонную станцию доставлялись боеприпасы и продовольствие...»

Осенью 1917 года Вильямс, сын американского рабочего, оказался в эпицентре великих событий. Больше сорока лет минуло со дня встречи молодого журналиста с В. И. Лениным, и сегодня, снова находясь в Москве, Вильямс с волнением вспоминает о ней:

— Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву я сидел в приемной Владимира Ильича в Кремле. Здесь было несколько видных людей... Мы прождали добрых тридцать минут. Должно быть, что-то очень важное нарушило обычную пунктуальность Ленина. Но вот наконец распахнулась дверь, и из кабинета вышел бородатый крестьянин в поношенном полушубке, в лаптях... За ним шел Владимир Ильич. В глазах его были веселые искорки.

«Простите, что заставил вас ждать,— извинился он перед нами, а потом сказал мне: — Это настоящий тамбовский мужик, и я хотел узнать, что он думает о воинской повинности, электрификации, уплате царских долгов. И, представьте, какая же правильная у него точка зрения! Молодец! Умные люди, наши мужики!»

Памятны Вильямсу и встречи с М. И. Калининым. Однажды Михаил Иванович посоветовал американскому журналисту:

— Поезжайте в деревню, в темную, глухую деревню, присмотритесь к нашему крестьянству...

Вильямс совершил много интересных путешествий по советской земле. Он собирал машины на хуторе близ Диканьки, был кладбищенским сторожем в деревеньке Сабурово под Москвой, учился пахать землю, занимался многими ремеслами. Это помогало журналисту изучать великий народ, подвигам которого он решил посвятить будущие книги.

Не раз в этих путешествиях спутником Вильямса была его жена и друг Люсита — сценаристка по профессии. Вместе приехали супруги Вильямс к нам в гости и теперь, в давно знакомую и неузнаваемую Москву, в которой не были более двадцати лет. Они взяли с собой в путь только самые необходимые вещи и в числе их старые фотографии русских друзей...

И вот в подмосковном санатории, где отдыхают Вильямсы, мы внимательно разглядываем эти снимки, пожелтевшие, изрядно потертые, хранящие тепло давних встреч.

— Посмотрите на этот снимок,— говорит Вильямс.— Видите: у ворот трудовой сельскохозяйственной колонии имени Джона Рида группа парней и девушек. Это бывшие беспризорники. Колонию создали для того, чтобы

Copyrighted material

перевоспитать их... Впрочем, все это Люсита лучше помнит...

Оживленная, говорящая, как и муж, по-русски, Люсита охотно рассказывает:

— Это произошло так: американская писательница Анна-Луиза Стронг, которая тоже была тогда в Москве, сообщила нам, что около маленького волжского городка Хвалынска для беспризорных открыли трудовую коммуну, назвав ее именем Джона Рида. Я очень уважала Джона как верного товарища моего мужа, как писателя, как чудесного, сильного человека. И эта новость была нам особенно приятна. Итак, решено ехать в Хвалынск... Но Рис, задержавшись в Москве, отправил вперед меня одну. Поездом я добралась до Нижнего Новгорода, а затем пароходом поплыла вниз по Волге. Прибыли к маленькой пристани в три часа утра... Я вышла на пристань и, признаться, немного струхнула: людей не видно, куда идти, неизвестно... Но оказалось, меня ждали здесь два мальчика из колонии.

Люсита Вильямс вспоминает рассвет над Волгой, колонию имени Джона Рида, разместившуюся в старом монастыре, молодежь, которая обрела здесь вторую семью. Она с увлечением говорит о том, как дружно там все работали, учились, смело вступая в новый мир.

— Смотрю я на фотографию и думаю: наверное, многие из наших хвалынских друзей живы. Может быть, они узнают себя, напишут, как сложились их судьбы? Вы понимаете, какой это великолепный материал для сценария! — с профессиональной увлеченностью говорит Люсита Вильямс.

— А вот этот, с бородой, — подмосковный крестьянин товарищ Ярков, — вспоминает Вильямс. — Интереснейший человек! Он с гордостью рассказывал нам о книгах, о школе, о новых праздниках, принесенных в деревню Советской властью. У Яркова был чудесный слух и великолепный голос. Мы с Люситой не раз слушали его пение. В своей деревне он создал крестьянский хор. Ярков часто гостил у нас, такой веселый, широкий, чистый...

Еще одно фото.

— О том, что с ним связано, — уверяет Люсита, — можно написать роман...

На снимке, сделанном более тридцати лет назад, Вильямсы запечатлены вместе с Абессой Аякаевой, татаркой учительницей. Подружившись с Вильямсами, Абесса рассказала им свою биографию. Юную Абессу родители отдали замуж за старика муллу, а девушка хотела учиться, тянулась к знаниям. И она не согласилась с «волей аллаха», сбежала от нелюбимого мужа в Саратов, поступила в школу, затем окончила техникум.

Рассказ Абессы Альберт занес в свой дневник, а Люсита использовала для сценария, по которому был поставлен фильм «Третья жена муллы». Люди старшего поколения, вероятно, помнят эту искреннюю, правдивую киноповесть.

Недавно Вильямсы, вновь приехав в Москву, получили письмо от Абессы Аякаевой. Надо было видеть, с каким волнением Альберт и Люсита читали эти строки по-русски...

...На обороте снимка надпись: «1928 год. Диканька...»

— Почему вы поехали именно в Диканьку? — спрашиваю я Вильямса.

— Я журналист, — отвечает он, — мне все интересно. Хотелось своими глазами посмотреть деревню, о которой писал великий Гоголь. Хотелось узнать, что успела сделать Советская власть в Диканьке. Я собрал там богатый, интереснейший материал...

— А тут изображены, видимо, жители Кавказа?

— Да, это хевсуры, — улыбаясь, вспоминает Люсита Вильямс. — Весной 1924 года мы были в Тбилиси. Рис уже совершил путешествие в Кахетию, побывал в горах. И вот в день 1 Мая на демонстрации в Тбилиси мы увидели хевсуров в национальных костюмах: в кольчугах, с мечами и щитами в руках. Мы пригласили их в гости. Один из хевсуров, его звали Бурмули, предложил мне примерить грузинский костюм. Я, конечно, согласилась. Альберт так и заснял нас...

После паузы Люсита продолжает со вздохом:

— Как жаль, что не всегда встречи удавалось запечатлевать на снимках!

Она рассказывает о том, как познакомилась с Лидией Сейфуллиной на французском пароходе, совершавшем рейсы между Марселем и Батуми. На нем Люсита отправилась в Лондон подписывать договор на киносценарий. И вот в каюте соседкой ее оказалась писательница.

— С Лидией Николаевной Сейфуллиной мы подружились на всю жизнь. Об этой встрече на пароходе она писала в одной из своих книг...

Я разыскал эту книгу Сейфуллиной. Писательница тепло рассказывала о своей попутчице — жене известного американского журналиста, хорошенькой женщине, которая решительно заявила, что «ошень плохо говорить по-русски, но ошень любить Россия... коммунист, шеловек...»

— Мы храним портрет и письма, которые Лидия Николаевна прислала нам. А вот общих фотографий с ней, к сожалению, не было. Не удалось почему-то сфотографироваться нам во время встречи и с Сергеем Эйзенштейном, со Всеволодом Пудовкиным, с Михаилом Громовым, Михаилом Шолоховым, с художниками-палешанами...

Но память об этих и многих других советских друзьях Люсита и Альберт Вильямсы сохранили на всю жизнь.

* * *

Супруги Вильямсы, гости нашей страны, разрешили опубликовать эти очень дорогие им снимки.

В. ВИКТОРОВ

«Нога болит все сильней. С каждой минутой все сильней. На стадионе удавалось это скрывать. Даже от Рэфера Джонсона. Но от жены этого не скроешь. Да, положили меня перед всей Москвой на обе лопатки...

Почему же нога так болит? В пылу борьбы как-то удавалось забывать об этом. А теперь это все труднее. Ах, если бы иначе начался второй день борьбы, если бы не сдвинутый барьер! Если бы он не повредил ногу при ударе о планку!

Что же делать, чтобы забыть? Думать о том, что было до барьерного бега? Что было четыре часа тому назад? Или, может быть, двадцать четыре? Или, может быть, четыре года? Забыть о том, что больше никого нет рядом, только жена».

Он и сейчас пытался еще обмануть ее, сделать вид, что нога совсем не болит. Она молча покачала головой и пошла менять компресс.

«Легче обмануть сто тысяч человек и одного Джонсона, чем ее. Она все понимает. Нет, компрессом сегодня не поможешь, ни холодным на ногу, ни согревающим на душу. И уснуть, наверное, не удастся. Надо вернуться назад, на стадион. Хотя бы в мыслях вернуться. Там все легче...»

И Кузнецов вернулся. Снова он видел себя на стадионе, когда встретился с Рэфером Джонсоном перед началом матча, и огромный Джонсон улыбался, и крутой его лоб лоснился, и зубы сверкали, а голос рокотал, почти совсем как у Поля Робсона. Они пожали друг другу руки и вспомнили свое знакомство в Мельбурне в 1956 году. Теперь им предстояло встретиться в Москве.

Их выстроили перед трибунами, чтобы представить зрителям, и Кузнецов автоматически сделал шаг вперед, когда в воздухе прозвучала его фамилия...

Когда же впервые прозвучала над стадионом фамилия Кузнецова? Семь лет назад, как раз в то время, когда в Хельсинки, на XV Олимпийских играх, американские десятиборцы снова подтвердили свое полнейшее превосходство.

Василий Кузнецов, молодой, никому не известный спортсмен, впервые испытал свои силы в десятиборье на первенство Москвы. Тогдашний чемпион страны Владимир Волков, также принимавший участие в этих соревнованиях, заметил молодого черноволосого юношу с тонким невозмутимым лицом, но знакомство их состоялось значительно позже, лишь следующей весной. Они оказались случайно в одном поезде, и Кузнецов, увидев на перроне знаменитого десятиборца, подошел и попросился к нему в ученики. Он, видимо, не понимал, как необычна эта просьба. Ведь Волков тренерской работой тогда не занимался, почему же он должен возиться с ним, незнакомым пареньком?

Да и несложный рассказ Кузнецова вряд ли мог вдохновить Владимира Волкова. Проситель оказался родом из маленького городка Покрова, где учился в школе, а затем в педучилище. Теперь покровский «самородок» учился на первом курсе педагогического института.

Вот и все, что мог рассказать о себе Кузнецов, но что-то понравилось Волкову в его облике. То ли серьезная сосредоточенность, то ли какая-то внутренняя сила. А может быть, Волков просто подумал о том, что скоро завершит свой спортивный путь: ведь тридцать лет уже за плечами, так почему же не подумать о передаче своего «наследства»?

Так или иначе, но с тех именно пор многократный чемпион страны Волков начал заниматься с молодым десятиборцем. Они говорили тогда об исключительном рекорде американца Мэтиаса — 7 887 очков — и думали о том, чего же не хватает им, чтобы превысить этот рекорд. Вывод был таков: для того, чтобы добиться такого результата, надо сочетать в себе способности и бегуна, и метателя, и прыгуна. В одном спортсмене — целая команда! Как же примирить внутри себя интересы бегунов с требованиями метателей и не поссорить тех и других с прыгунами? Это же невыполнимая задача! Но ведь американцы умеют этого добиваться! В поисках их секрета и попросился Кузнецов в ученики к Волкову, и тот открыл ему то волшебное средство, пользуясь которым можно добиться мира и согласия в своей собственной «команде». Это средство — быстрота. Чтобы его использовать, нужно иметь отличные атлетические способности. Волков разгадал их в своем ученике.

В 1953 году Василий Кузнецов впервые стал чемпионом СССР, и в следующем году ученик и учитель снова вместе поднялись на трибуну почета, и снова в центре этой трибуны стоял человек, которого Волков научил множить свою быстроту на силу.

О силе Кузнецова убедительно говорила та сумма, которая образовалась от сложения бега на сто, сто десять, четыреста и тысячу пятьсот метров, прыжков в длину, высоту и с шестом, толкания ядра, а также метаний диска и копья. Когда результаты, показанные молодым десятиборцем в секундах и метрах, были переведены с помощью специальной таблицы в очки, оказалось, что Кузнецов побил европейский рекорд, установленный немцем Гансом Зифертом двадцать один год назад. Кузнецов набрал 7 292 очка. Но как далек был еще этот результат от рекорда Мэтиаса!.. Далек? Но ведь летом 1955 года двадцатилетний американский негр Рэфер Джонсон, выступая в Кингсбурге, набрал 7 985 очков! Вот она, недосягаемая, словно Эверест, вершина!..

Кузнецов, узнав об успехе Джонсона, спросил себя: «А смогу ли я когда-нибудь встать рядом с этим десятиборцем?». И попробовал это сделать уже через два месяца. В результате появилась

Василий Кузнецов и Рэфер Джонсон на московском стадионе имени В. И. Ленина.

Фото Б. Светланова.

Copyrighted material

новая поправка в таблице европейских рекордов. Но не больше! Заочный поединок с Джонсоном закончился в пользу американца.

Рэфер Джонсон оказался сильнее во всех беговых номерах. Кузнецов имел перед ним преимущество лишь в четырех видах из десяти: в толкании ядра, метании диска и копья и прыжках с шестом. Решение напрашивалось само собой: надо упорно развивать скоростные данные, без этого нечего и думать о победе над американцем...

За время подготовки к соревнованиям Кузнецов получает столь большую физическую закалку, что, казалось бы, совсем не должен утомляться. Но в борьбе десятиборцев происходит огромный расход не только физических, но и нервных сил. Вот где надо искать причину потери многих драгоценных очков. Василий Кузнецов в этом убедился в Мельбурне, где он выступил хуже обычного и проиграл и Кэмпбеллу и Джонсону. И хоть это был первый случай в многолетней истории олимпийских игр, когда в числе призеров оказался русский десятиборец, но ни Кузнецов, ни Волков этим не обольщались.

Целый год продолжался напряженный труд двух спортсменов, и вот наконец наступил час большого торжества. В мае 1958 года, выступая на матче легкоатлетов РСФСР, Украины, Москвы и Ленинграда в Краснодаре, Кузнецов наконец смог слить воедино все свои усилия и добиться выдающегося результата. Он набрал 8 014 очков и первым в мире перевалил восьмитысячную вершину.

Как же ответил на этот успех Рэфер Джонсон? Он заявил, что вернет себе мировой рекорд и покажет результат, превышающий 8 500 очков!

И вот Джонсон рядом, снова рядом, теперь уже на стадионе в Лужниках.

Это была борьба двух равных по силе соперников. Джонсон в беге на 100 метров выиграл у Кузнецова две десятых секунды, но зато проиграл ему в прыжках в длину 32 сантиметра. Ядро принесло успех Джонсону, а прыжок в высоту закончился победой Кузнецова. После бега на 400 метров Джонсон обогнал Кузнецова на 109 очков.

Так закончился первый день борьбы. Но американский десятиборец использовал уже все главные козыри, а Кузнецов свои имел еще в запасе.

И вот нелепая случайность: неточно расставленные барьеры, поврежденная на разминке нога — и все летит вверх тормашками. Но, несмотря на это, Кузнецов не бросил борьбы. До десятого, последнего вида десятиборья сохранял он еще шансы на успех. Он проиграл барьеры и диск, но выиграл шест. Шли состязания по метанию копья. Кузнецов имел преимущество.

В третий раз взял в руки копье Рэфер Джонсон. Последняя попытка! Кузнецов видел, как серым налетом проступила бледность на лице американского спортсмена. Кто же мог предполагать, что ему удастся в этом последнем броске послать копье на 72 метра 59 сантиметров? Невиданная удача! И сразу же краснодарский рекорд был превышен Джонсоном... Он набрал 8 302 очка.

Ослепленные лучами прожекторов, они стояли, обнявшись, и весь стадион приветствовал их великолепное мастерство и рождение нового мирового рекорда... Вот и все, о чем можно вспомнить. В чем же искать утешения? В том, что Джонсон не выполнил своего обещания, не набрал сумму 8 500 очков? В том, что советская команда в борьбе с командой США вышла победительницей? Это, конечно, замечательно, и успех его товарищей наполнял Кузнецова гордостью, но разве это утешение для него?

Не знал в тот трудный час Василий Кузнецов, что его утешение было в другом, совсем в другом. В тот вечер, когда Кузнецов лежал у себя дома, его учитель и друг Владимир Волков был преисполнен самых радужных надежд. Он был уверен, что в неравной борьбе с Джонсоном, выступая с поврежденной ногой, Кузнецов получил столь нужную ему волевую закалку. Ему порой не хватало этой способности подавлять в себе не только физическую усталость, но и нервное изнеможение. Не всегда удавалось Кузнецову до конца держать себя в руках. Теперь он показал, что может собраться, что может бороться, и Волков верил, что эти новые качества, рожденные в борьбе с Джонсоном, Кузнецов сохранит на всю свою дальнейшую жизнь спортсмена.

Ну что же, впереди новый сезон, и Кузнецов весну 1959 года начал выступать в отдельных видах многоборья. Он обыграл и сильнейших спринтеров страны и барьеристов. Все дальше летел его диск, а в прыжках с шестом была преодолена высота 4 метра 30 сантиметров. Так по винтикам, в разное время, на разных стадионах собиралась Кузнецовым и Волковым грозная машина.

На что же он теперь способен в десятиборье? Кузнецов не старался переводить секунды и метры в очки. Он не любит заниматься этой спортивной бухгалтерией. Все расчеты ведет Владимир Волков. Не вмешивается Кузнецов и в стратегические идеи своего тренера. Волков, например, утверждает, что американцы подходят к десятиборью как к сумме отдельных видов легкой атлетики, в то время как она представляет собой единое, неразделимое целое. Ну что же, пусть это будет так! Может быть, в будущем выпускник педагогического института, преподаватель физиологии Василий Кузнецов и займется этим вопросом и даже изберет эту тему для своей кандидатской диссертации. Но сейчас он решает эту интересную научную проблему чисто практически: готовится к новому штурму мирового рекорда.

Этот штурм был назначен на середину мая нынешнего года.

...Трудно забыть два дня под грозовыми порывами, под ударами града у излучины Москвы-реки, на просторах огромного стадиона в Лужниках. Неистовый рывок в беге на 100 метров, отличный прыжок в длину... Многие часы длится борьба, и как, наверное, трудно после прыжка в длину, почти полета над землей, взять в руки чугунное ядро и потом, еще долго чувствуя его тяжесть в ладони, взлетать над планкой. Но Кузнецов заканчивает прыжки в высоту с личным рекордом.

После бега на 400 метров стало известно, что Василий Кузнецов на 46 очков превышает рекордный результат Джонсона, показанный им после пяти видов в Москве. Но впереди ведь целый день борьбы! Что-то будет завтра?..

А на следующий день было вот что: после барьерного бега Кузнецов обогнал Джонсона уже на 100 очков, после метания диска всем уже было ясно, что рекорд Джонсона висит на волоске, а прыжки с шестом умножили преимущество Кузнецова вдвое.

И вот из Москвы полетело в Лос-Анжелос, где живет Рэфер Джонсон, сенсационное сообщение: Василий Кузнецов, ведя с ним заочную борьбу, набрал 8 357 очков. Он вернул себе мировой рекорд.

ВАСИЛИЙ КУЗНЕЦОВ
через неделю выступит
на стадионе Франклин-Филд
в Филадельфии.
Рекордсмен мира встретится
в матче «СССР — США»
с сильнейшими десятиборцами
Америки.

КТО ПОБЕДИТ!

* * *

Я ждал Василия Кузнецова под восточной трибуной стадиона «Динамо», которая известна не только юношеским энтузиазмом ее постоянных посетителей — школьников, но и трудовым энтузиазмом спортсменов. Здесь расположены тренировочные залы, отсюда выходят атлеты на беговую дорожку. Тут-то и состоялась наша беседа перед началом очередной тренировки. Нельзя терять ни одного дня: ведь скоро состоится новая встреча с сильнейшими американскими десятиборцами, и на сей раз в Соединенных Штатах, в Филадельфии.

Под восточной трибуной и услышал я от Василия Кузнецова рассказ о том мрачном вечере после поражения, которое нанес ему Джонсон прошлым летом в Москве. Но вот что бросалось в глаза: и сейчас, взяв реванш, и какой блестящий реванш, Кузнецов вовсе не сиял от радости.

— Чем же вы так озабочены? — спросил я его.

— Такой уж вид спорта у меня,— ответил Кузнецов.— Слишком много новых задач возникает тут же перед тобой. И, знаете, может быть, именно поэтому мне так и дорого десятиборье... Вот, кажется, удачно я провел последние соревнования, но из личных достижений улучшил ведь только одно: по прыжкам в высоту. И все еще стоит передо мной проблема скорости. А вот еще одна нерешенная задача: трудно мне иногда собраться. И на последних соревнованиях много я растерял очков на метании копья и в беге на 1 500 метров...

Когда был написан этот очерк, мы узнали, что Джонсон попал в автомобильную аварию. Будет ли он выступать на стадионе Франклин-Филд? Но так или иначе, а борьба предстоит серьезная. У американцев достаточно сильные резервы, и против Кузнецова будут выставлены, конечно же, достойные соперники-десятиборцы.

Десять стартов на американской земле потребуют от Василия Кузнецова всех его сил.

Ник. КРУЖКОВ

В 18 километрах от Калуги в старые времена стоял большой монастырь — Тихонова Пустынь. Монастырь был богат, его земельные и лесные угодья простирались на многие версты. С разных концов страны притекали сюда богомольцы. Особенно много их приезжало и приходило ко дню «Тихона преподобного», калужского «чудотворца», к 16 июня, если считать по старому стилю. С детских лет осталось у автора этих строк впечатление о кромешной толчее у монастырских ворот: нищие и юродивые с бесчисленными язвищами, выставленными напоказ, здоровенное монашество в состоянии крайней сытости, темный и серый народ, ищущий утешения от житейских скорбей... И среди них, подобно столпам, возвышались то фигура заезжего купчины, прибывшего к «Тихону преподобному» на собственной тройке, то какая-нибудь шуршащая шелком барыня, явившаяся замаливать грехи молодости, то надменный господин в дворянской фуражке.

Особым успехом у богомольцев пользовался «святой колодец», вода которого, по уверению монахов, обладала свойством излечивать все две тысячи болезней, терзающих человечество. Никто, конечно, не в состоянии точно исчислить тот доход, какой приносил монастырю колодец, но, надо полагать, был он весьма велик.

О, эта тихоновская купель! Помнится, было автору этих строк лет семь, когда набожный дед столкнул его, несмотря на энергичное сопротивление и громкий рев, в ледяную воду купели для исцеления от несуществовавших недугов. В результате купания приобретено было классическое крупозное воспаление легких. Озадаченный дед уныло сидел у кровати внука, угощал прянииками и шепотом просил: «Ты только отцу своему не говори, что купался со мной в Тихоновой Пустыни, а то достанется мне на орехи».

Тихоновский монастырь давно приказал долго жить, в помещениях его много лет уже находится сельскохозяйственный техникум, в котором триста молодых людей получают знания, нужные для жизни, а запах монастырского тления все еще тянется вдоль лесов и перелесков, сила темноты окончательно не развеяна.

Каких-нибудь пять — шесть лет тому назад к тихонову дню собирались у колодца и вытекающего из него ручья многочисленные толпы, собирались с ночи, жгли костры, ночевали тут же; народ приходил из дальних мест набрать «святой воды», искупаться и получить исцеление.

Разные безместные священнослужители-расстриги пробирались сюда на заработки и, поль-

Copyrighted material

Тихонова дня

зуясь доверчивостью темных людей, добывали крупные барыши. Не брезговали легким и неблаговидным заработком отдельные легальные в ту пору священники, для которых вера и суеверие — одно и то же. Нам рассказывали о батюшке из села Никольское, отце Николае, который до 1958 года срывал за один день куш в 10—12 тысяч, являясь бесстыдно на гастроли к «целебному» источнику. Сейчас батюшка, оказавшись не в ладах с церковью, расстрижен, живет на приобретенные за время службы доходы и увлекается мотоциклетным спортом.

Богомольцы загрязняли берег ручья всяким тряпьем, ибо поверье требует, чтобы больной оставил здесь же, где купался, свои зараженные вретища, засаривали окрестности объедками и причиняли немалые неудобства местным жителям.

Как же обстояло дело в нынешнем, 1959 году? Онисифор, епископ калужский и боровский, дал указание священникам своей епархии обратиться к верующим, чтобы они не принимали участия в паломничестве к тихоновскому колодцу. Собрание жителей поселка Лев Толстой, как теперь называется Тихонова Пустынь, приняло решение закрыть колодец, чтобы не загрязнять источника, а на месте колодца построить водонапорную башню и воду пустить в трубы.

...Мы приехали в Калугу днем 28 июня. Старый русский город, полный зелени и цветов, встретил нас неслыханным для него многолюдьем. Казалось, что все калужане были на улицах — праздновался день молодежи и открылась ярмарка. Городской парк был набит битком. Гремела музыка, вертелись карусели, взвивались вверх качели, у аттракционов стояли толпы празднично одетых и весело настроенных людей. В подгородном бору среди мачтовых сосен молодежь собралась на многотысячную массовку; здесь было радостно, шумно и пьяняще пахло разогретой хвоей. Ярилка! Так раньше в Калуге называлось весеннее гулянье. Слова этого я никогда нигде более не слыхал. И вспомнилось оно мне при виде праздничной Калуги, залитой жарким июньским солнцем.

Но как же будет завтра, в тихонов день, в 18 километрах отсюда? Может быть, туда опять приплетутся тысячные толпы богомольцев к волшебному ручью? Какой контраст! Тут — жизнь, там — старина, темнота, как будто и не происходит ничего доброго на свете.

...Толп богомольцев мы не увидели. Лесные поляны лежали в блаженной тишине, давая густую утреннюю тень. Где же костры горячие и котлы кипучие? Нет их! Поэтично журчит ручей среди густых зарослей; он-то уж никак неповинен в том, что происходит на его берегах... Но народ все-таки появился. Где-то на подступах собирались кучками: идут, влекомые магнетической силой, приобщиться к «благодати». Больше всего старух. Некоторые, видать, пришли издалека, немалые версты остались у них за плечами: котомки пыльны, на лицах усталость. Вот одна из них, с палкой в руке, плетется, еле передвигая ноги.

— Откуда, бабушка?

— Из-под Орла, милый. Хворь замучила.

Попробуйте разъяснить ей, что зря ломала она свои старые кости: ледяная вода родника может только повредить старому человеку, — доводы разума не подействуют на нее. «Может, полегчает у преподобного».

Девчонки-подростки пробежали веселой компанией, как будто в школу или на гулянку, с бидонами и молочниками — набрать «святой воды». Видно, послали их старшие: самим-то неловко, а с девчонок что взять! Девушка в широкополой соломенной шляпе, вполне современного вида, сопровождаемая угрюмой женщиной в темном полумонашеском платье, подошла к ручью, разделась, начала обмываться. Что привело ее сюда? Какая сила? Какая хвороба на нее обрушилась? И какого исцеления она ждет?

Рейсовый автобус из Калуги доставил десятка два пожилых женщин. Судя по разговору, все они завсегдатаи церковных служб: знают по имени всех священников. Совершив омовение и набрав воды в прозаические водочные бутылки, они, собравшись на косогоре, хором принялись осуждать какого-то беспутного батюшку, который, посрамив свой сан, женился на «разводке».

Тема эта настолько воодушевила теток, что и святость места не могла остудить их пыл.

Крепкая, цветущая женщина, приехавшая из Белоруссии, растерянно оглядывается вокруг. Здесь и лечиться, в этом холодущем ручье?!

— Не бойся, матушка, — говорит ей бойкая калужанка, — у меня короста была. В прошлом году окунулась — как рукой все сняло. Что у тебя болит-то?

— Животом маюсь. Тяжелое подняла.

— Поможет!

В голосе у нее убежденность, а глаза смешливые, веселые. Вряд ли верит она в то, о чем говорит, но уж таков обычай: в тихонов день идти к ручью, о котором идет давняя слава.

Мужчин почти нет. Впрочем, в компании с девушками явился какой-то парень разбитного вида и с явным удовольствием начал брызгаться водой. Возвышенное настроение, требуемое святостью места, не коснулось его: парень время от времени «выдавал» словечки, которые не приняты ни в церковном, ни в гражданском обиходе.

— Шалопут, — сказали ему тетки, — угомонись!

Отнюдь не вера привела сюда шалопута...

Одни приходили, другие уходили. Кучки народа то редели, то возникали вновь. Среди паломников толкался старичок, сам себя именовавший отцом Борисом. Одет он был в худой пиджачишко и брюки, висевшие на нем колоколом. Это был священник, потерявший сан из-за чрезмерной любви к спиртному. Да и сейчас от отца Бориса на значительном расстоянии разило самогоном, что нимало не смущало его: грех не в уста, а из уст.

Молебнов у ручья никаких не было. Но соблазн заработать на людской темноте был все же велик. Накануне тихонова дня явилась в поселок некая личность, Иван Гудз, имея на руках требник и принадлежности церковной службы. Но это был явный проходимец. Его влекло к роднику одно желание: «подбить деньгу».

После ознакомления с обстановкой проходимец поспешил так быстро исчезнуть, что даже оставил свой паспорт, из которого явствует, что он родом из Ровенской области, 1897 года рождения и временно проживает в Детчинском районе; род постоянных занятий остался неизвестным. Думали, что к тихонову дню явится сюда еще один знаток духовных дел, некий Воропаев Николай, в прошлом экскаваторщик каменного карьера, уволенный за отказ от работы. Известно, что он занялся промыслом более легким: тайно крестит детей и совершает коекакие, не требующие большой церковной грамотности, требы,— маленький хищник, присосавшийся к человеческой темноте. Но он не явился: свое дело Воропаев совершает втайне и попадаться на глаза не хочет.

Нет, это, конечно, конец тихонова дня. Мы пробыли у ручья почти до сумерек, насчитали всего сотни две «паломников».

Однако, право, не хочется успокаиваться. Ведь это наши же люди: домашние хозяйки, колхозницы, — наши сестры, матери. Видимо, в своей пропагандистской работе мы обходим какие-то слои населения, высокомерно полагая, что нами все уже разъяснено и всеми все усвоено. А когда молчим мы, говорят другие.

Ведь этих людей, чье сознание погребено в затхлой скорлупе старых предрассудков и суеверий, истинно жалко.

Мать готовится искупать ребенка в ледяной воде.

У нас церковь отделена от государства, каждый может свободно исповедовать любую религию, но из этого не следует, что мы должны быть спокойными, когда мертвый хватает живого, когда на наших глазах люди бьются в паутине злой темноты. Они, может быть, сами не сознают своей ущербленности, но тем больший долг лежит на нас.

...Когда мы уехали оттуда и перед нами легли широкими просторами леса и пашни, озаренные голубым светом, нам показалось, что и солнце горит ярче и воздух вокруг свежее. Кругом текла жизнь, обычная, простая, трудовая, ясная.

Кучками собираются «паломники».

Из записной книжки

Елена ИЛЬИНА

ГОВОРЯТ ДЕТИ

Пятилетняя девочка:

— Я такая терпеливая! Столько раз болела и ни разу не умерла.

Четырехлетний мальчик (во время войны):

— Если фашистов прогонят на самый край карты, куда они тогда полезут? На стенку?

Стук в дверь. Девочка, оставшаяся одна дома, спрашивает:

— Это кто? Воры?

Один из близнецов:

— Мы тоже катались на машине. Перед тем, как родились. Мама говорит, что поехала в больницу на машине.

— Мне обязательно нужно завтра пойти в детский сад! У нас там недодрато.

Семилетний мальчик:

— Мы с ним дружим только по драке.

Придя из зоопарка, Саша сказал разочарованно:

— Крокодилы и бегемоты закрыты на ремонт.

Разговор сына с отцом:

— Папа, ты поешь так же хорошо, как Шаляпин.

— Ну, это тебе так кажется, потому что ты мой сын.

— А детям Шаляпина тоже, наверное, так казалось, потому что они были его дети.

Девочке прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

— А почему,— спросила она,— старик сразу не догадался попросить у рыбки новую старуху?

Она же:

— Надо будет как-нибудь запереть кошку в комнате и узнать наконец, откуда у нее котята.

Трехлетняя девочка:

— Бабушка, туда не ходи! Там угол...

Шестилетняя Ариша:

— Мама, а бог знает, что мы ему не верим?

Она же:

— Мама, тетя оставила у нас свою красогубку.

Отважная и Марфушка живут дружно

— Вы, конечно, хотите посмотреть животных, которых поднимали на ракете второго июля? — встречает меня врач-экспериментатор.— Так вот, собака Снежинка еще на обследовании, а два других «космонавта» на месте.

Мы идем в виварий. Врач открывает крайнюю клетку, и оттуда с веселым лаем выскакивает маленькая беленькая собачка. Это Отважная. Из другого помещения достают ее подругу по полету — большую серую крольчиху, не совсем почтительно держа «разведчицу больших высот» за длинные уши.

— Как зовут крольчиху?

— Вот тут затруднение,— улыбается врач.— Прежде, до полета, звали Марфушкой. Но для отважного космонавта такое имя может и не подойти.

— А зачем понадобилось вместе с собаками поднимать на ракете кролика?

Врач объясняет: при полете одноступенчатой геофизической баллистической ракеты велись наблюдения за координацией движений и функциональным состоянием мышечной системы животных.

Как в состоянии невесомости, столь чуждом и непривычном для земных существ, будет вести себя пилот будущего космического корабля? Сможет ли он управлять? Не потеряет ли ориентировку в пространстве?

Только многочисленные и тщательные эксперименты на различных животных помогут обстоятельно ответить на эти вопросы. Вот почему вместе с Отважной и Снежинкой на ракете был отправлен кролик. Не замечая, что речь идет о ней, Марфушка, получив свободу, садится на солнцепеке, блаженно щурится. Отважная подбегает к крольчихе, нежно лижет ее, ложится рядом.

— Такая дружба у животных установилась не сразу,— рассказывает врач.— Отважная и Снежинка — бывалые космонавты. Они давно знают друг друга, не раз поднимались на ракетах на большие высоты. Но когда в контейнер поместили крольчиху, Отважная прижала уши и оскалила зубы. Снежинка, более мягкого нрава, тихо заворчала. Однако частые совместные тренировки помогли приучить животных друг к другу. И второго июля на ракете полетел уже дружный «экипаж».

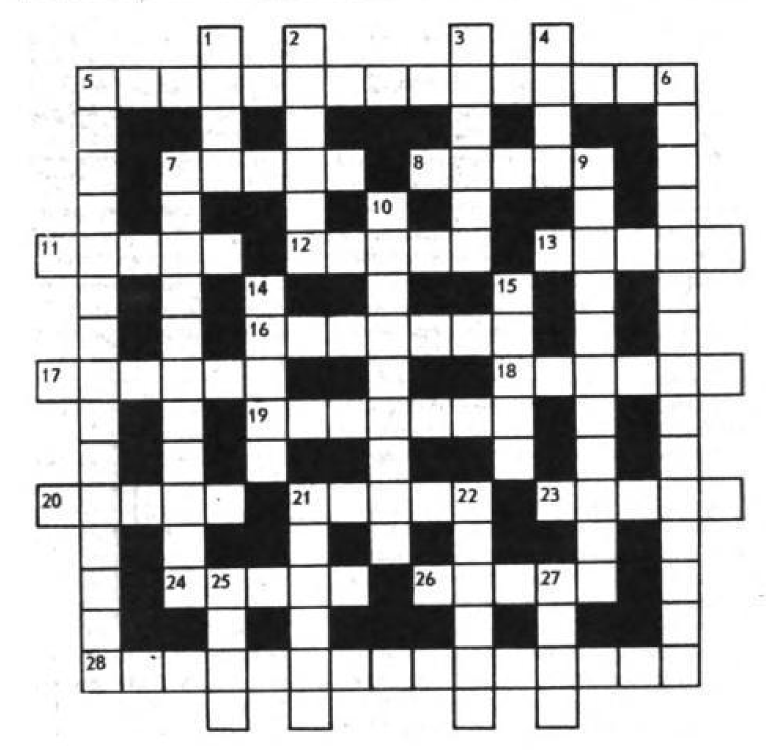
В заключение врач сказал:

— Получены новые данные о поведении животных в условиях невесомости и их приспособляемости к полетам на ракетах.

А. ГОЛИКОВ

Фото О. Кнорринга.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Сельскохозяйственная машина. 7. Посещение. 8. Приток реки Москвы. 11. Фильм А. Довженко. 12. Раздел книги, статьи. 13. Силач. 16. Периодически организуемый торг. 17. Горный массив в Греции. 18. Порт на Балтийском море. 19. Птица семейства утиных. 20. Азербайджанский актер. 21. Поручение, пожелание. 23. Генеральное сражение. 24. Хлопчатобумажная ткань. 26. Представитель народности, живущей на Командорских островах. 28. Наука о безопасном и точном плавании судов.

По вертикали:

1. Пустыня в Азии. 2. Изобретатель в области телевидения. 3. Промысловая рыба. 4. Рисунок, орнамент. 5. Рабочий металлургической промышленности. 6. Обработка продуктов для длительного хранения. 7. Трилогия Шиллера. 9. Военнослужащий. 10. Музыкальный инструмент. 14. Мелкое плавающее растение. 15. Механизм ткацкого станка. 21. Металл. 22. Непаханная несколько лет земля. 25. Роман М. О. Ауэзова. 27. Помещение для пчел.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

7. Чудаков. 8. Сервант. 11. Аванпорт. 12. Подуст. 13. Арджеш. 14. Гаршин. 15. Грязелечебница. 18. Справедливость. 23. Витраж. 24. Водоем. 26. Шуберт. 27. Очеркист. 28. Трамвай. 29. Сицилия.

По вертикали:

1. Буссоль. 2. Ванкувер. 3. Томат. 4. Веста. 5. Гвардеец. 6. Анапест. 9. Параллелепипед. 10. Политехнизация. 16. Ящер. 17. Ирис. 19. Панорама. 20. Тамбурин. 21. Брошюра. 22. Куросио. 25. Могар. 26. Штрих.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05604. Подписано к печати 8/VII 1959 г. Формат бум. $70\times108^{1}/_{8}$. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1006. Заказ № 1498.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Контакт сердец

С потрясающей силой драматизма исполнил партию Хозе в опере «Кармен» на сцене Большого театра СССР итальянский певец Марио дель Монако.

Артист вложил в свое исполнение столько истинного, неподдельного чувства, его пение и игра настолько органично слились воедино, что зрители видели перед собой не традиционного оперного героя, а опустошенного, истерзанного и исстрадавшегося человека.

Марио дель Монако,— бесспорно, один из лучших драматических теноров наших дней. Его необычайно сильный голос кажется беспредельным. Во всех регистрах он звучит одинаково ровно, широко, ярко и сильно. Технические трудности как будто совсем не существуют для артиста.

Не только красивым, исключительно выразительным голосом, но и выдающимися актерскими способностями одарен Марио дель Монако. Его без всякого преувеличения можно назвать идеальным оперным артистом, утверждающим на сцене подлинно реалистическую правду... Марио дель Монако — артист-трагик. Его исполнение свидетельствует о большой любви и преданности искусству.

...Необычайно живой, общительный и остроумный, Марио дель Монако, однако, не очень охотно рассказывал нам о себе. Вся его жизнь сосредоточена в искусстве. Он родился во Флоренции, в семье небольшого чиновника; от отца — веселого и жизнерадостного человека — унаследовал страстную любовь к музыке, пению, искусству. В семье все пели. Отец хотел, чтобы старший сын стал профессиональным певцом, но им стал младший, Марио. Окончив музыкальную школу во Флоренции и консерваторию в городе Пезаро, он в совершенстве овладел школой пения, называемой bel canto. Сейчас Монако — ведущий солист миланского театра «Ла Скала». Ему 44 года. Он дипломированный скульптор и художник, хорошо владеет фортепьяно.

В репертуаре артиста 46 опер. Он часто снимается в музыкальных фильмах; выступает во многих оперных театрах мира. Неоднократно приходилось ему открывать сезон в Лондоне, Милане, Нью-Йорке; 7 сентября певец откроет сезон в «Ла Скала» исполнением партии Отелло в одноименной опере Д. Верди.

В Советский Союз Монако приезжал впервые. Его потряс прием, оказанный ему москвичами.

— Честно скажу, в моей артистической жизни много успехов,— поделился певец,— но то, что было в Большом театре, запомню на всю свою жизнь, ибо это был контакт сердец!

Марио дель Монако приобрел в Советском Союзе множество друзей, которые увидели и оценили в его искусстве главное: большую, глубокую любовь к человеку. За это горячо аплодировали ему не только зрители, но и мы, артисты, искренне подружившиеся с замечательным певцом.

И. АРХИПОВА,
солистка оперы
Большого театра

Фото Б. БОРИСОВА.

Хозе — Марио дель Монако.

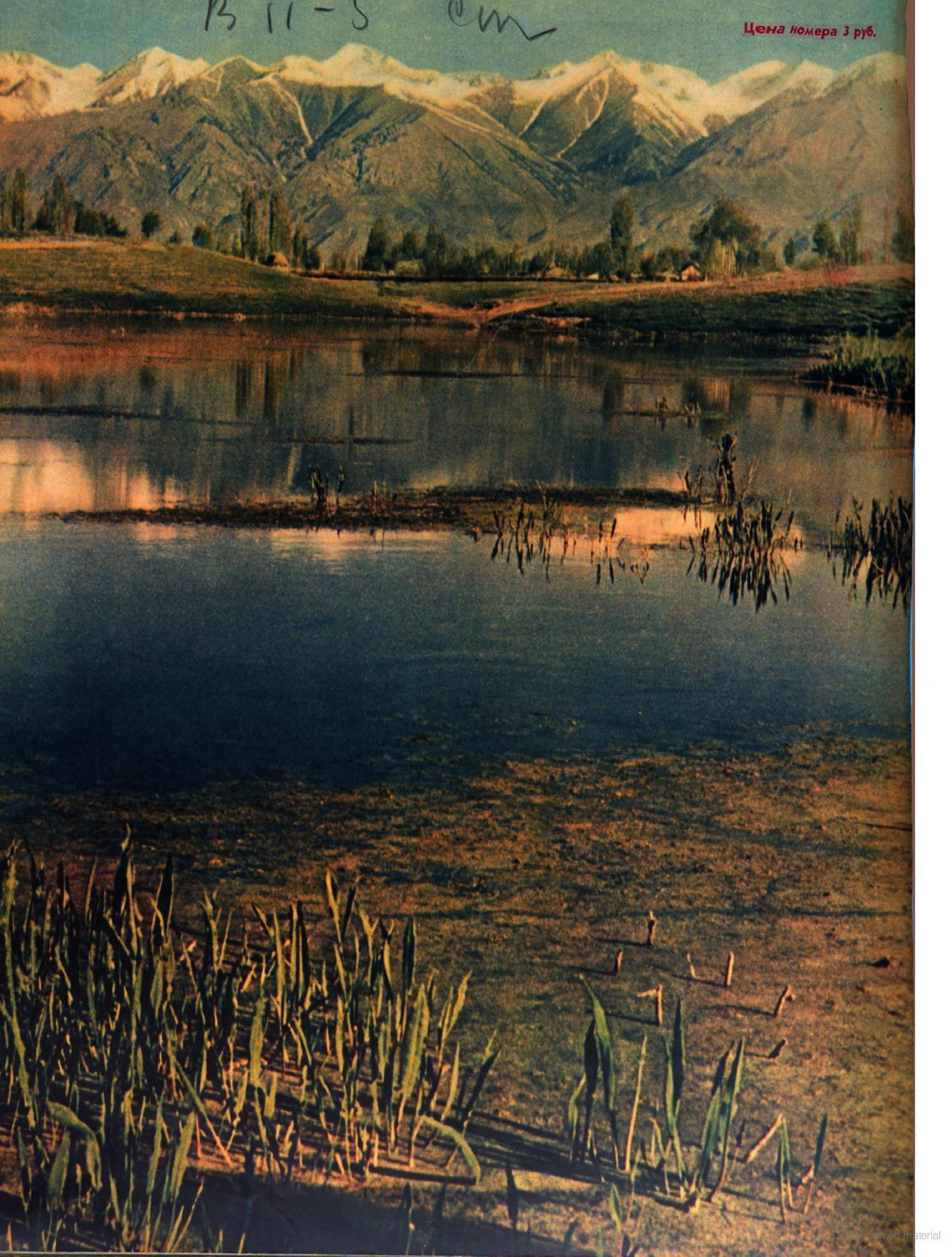
И. Архипова и Марио дель Монако в сцене из спектакля «Кармен».

Марио дель Монако — Канио в опере «Паяцы».

Copyrighted material

Цена номера 3 руб.

...ed material